

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ШАХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ

(23—26 мая 2024 года, Петрозаводск)

Сборник статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2025

УДК 81

ББК 81

Ш316

Р е ц е н з е н т ы :

Ю. Л. Дмитриева, доктор филологических наук, доцент
(Донецкий государственный педагогический университет);

А. В. Рожкова, кандидат филологических наук, доцент
(Петрозаводский государственный университет)

Научные редакторы:

Н. В. Патроева, А. А. Лебедев

Ш316 **Шахматовские чтения в Карелии** : сборник статей / [сост. Н. В. Патроева] ;
науч. ред.: Н. В. Патроева, А. А. Лебедев ; М-во науки и высш. образования Рос.
Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. — 116 с. : табл., рис.

ISBN 978-5-8021-4278-3

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов на всероссийской (с международным участием) научной конференции «Шахматовские чтения в Карелии», состоявшейся в Петрозаводском государственном университете 23—26 мая 2024 г. Помимо исследований, посвященных творческому наследию и биографии А. А. Шахматова, читатель может найти много новых сведений из области славистики, диалектологии, истории русского литературного языка, грамматики, лексикологии и лексикографии, лингвостилистики текста, источниковедения.

Издание адресовано лингвистам, ученым и преподавателям высшей школы, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся проблемами филологии и истории.

УДК 81

ББК 81

ISBN 978-5-8021-4278-3

© Патроева Н. В., сост., 2025

© Петрозаводский государственный университет, 2025

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н. В. ПАТРОЕВА

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
nvpatr@list.ru

ШАХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ: ОБЗОР ИТОГОВ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ФОРУМА

Статья является обзором основных направлений работы всероссийской (с международным участием) научной конференции «Шахматовские чтения в Карелии», тематики обсуждавшихся на форуме докладов и круглых столов. Представленный на пленарном и секционных заседаниях материал ярко демонстрирует отражение лингвистических идей и реализацию теоретико-методологических подходов академика А. А. Шахматова в трудах современных российских и зарубежных исследователей славистики, эволюции русского языкового строя, памятников древней и старшей поры, синтаксических категорий, что свидетельствует об актуальности шахматовских трудов для языкознания начала XXI столетия, традиционных и новейших академических школ, лингвистического и исторического образования в вузе.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, грамматика, синтаксис, морфология, история русского языка, современное языкознание, летописание.

Patroeva Natal'ya Viktorovna, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
nvpatr@list.ru

Shakhmatov readings in Karelia: review of the results of the Petrozavodsk forum

The article is an overview of the main areas of work of the All-Russian scientific conference “Shakhmatov Readings in Karelia”, the topics of the reports and round tables discussed at the forum. The material presented at the plenary and sectional sessions clearly proves the reflection of linguistic ideas and the implementation of theoretical and methodological approaches of Academician A. A. Shakhmatov in the works of modern Russian and foreign researchers of Slavic studies, the evolution of the Russian language system, monuments of ancient and older times, syntactic categories, which indicates the relevance of Shakhmatov's works for linguistics of the early 21st century, traditional and newest academic schools, linguistic and historical education at the university.

Keywords: A. A. Shakhmatov, grammar, syntax, morphology, history of the Russian language, modern linguistics, annals.

«Глубокой искренностью и чем-то возвышенным, в высокой степени благородным веяло от него, — и всякий раз после встречи с ним у меня надолго оставалось такое впечатление, какое оставляет по себе великое художественное произведение с какой-нибудь высокой идеей, — словно в разговоре с ним я соприкасался с чем-то неизмеримо прекрасным... Так прекрасна была душа Алексея Александровича, так одухотворена она была светом вечной немерцающей Правды!»

*(Из воспоминаний проф. П. А. Растворгева
об А. А. Шахматове)*

Имя слависта и грамматиста Алексея Александровича Шахматова (1864—1920), определившего эволюцию лингвистической теории и методологии на столетие вперед своими идеями в области диахронической акцентологии и морфологии славянских языков, истории индоевропейских и финно-угорских языков, славянского этногенеза, основоположника таких важнейших для современной лингвистики областей, как история русского литературного языка, текстология летописных сводов, синтаксис современного русского языка, редактора академического словаря русского языка, реформатора русского правописания, разумеется, не нуждается в представлении: А. А. Шахматов представляет собой «уникальное явление в истории отечественной науки по своему таланту, трудолюбию, душевным качествам. Он был центральной фигурой среди филологов конца XIX — начала XX в. и своим научным авторитетом, способностями организатора содействовал мощному развитию лингвистической мысли» [2, с. 253].

Как связано имя Шахматова с Карелией, в прошлом — Олонецкой губернией? В первую очередь, через лингвиста Ф. Ф. Фортунатова. Ф. Ф. Фортунатов, который в юности до переезда в Москву учился

в Олонецкой мужской гимназии, а став впоследствии академиком, свой летний отпуск ежегодно с 1903 г. до конца жизни (1914 г.) проводил в Карелии, в своем доме в деревне Косалме, расположенной в 25 км от Петрозаводска. В этот период Фортунатов был самым авторитетным в Европе компаративистом, для общения с ним в Косалму приезжали многие компаративисты-младограмматики из разных стран (из Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Франции, Германии, Австрии, Румынии, Сербии) [1, с. 14]. Академик Ф. Ф. Фортунатов стал главным наставником и инициатором диалектологических экспедиций студента Шахматова в Олонецкий край. Еще один ученый, чье имя связывает Шахматова с Карелией, — член-корреспондент АН СССР, главный российский финно-угровед Дмитрий Владимирович Бубрих, который учился у Шахматова на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. Именно Шахматов привил Бубриху вкус к словарной работе и диалектологии, к экспедициям в наш северный край. Д. В. Бубрих вспоминал: «О себе пишущий эти строки может сказать, что является учеником А. А. Шахматова и как финно-угровед. Первым большим финно-угроведческим трудом, который изучал пишущий эти строки, был “Мордовский этнографический сборник”, составленный Шахматовым» [3, с. 4].

23—26 мая 2024 г. в Петрозаводском государственном университете состоялась всероссийская (с международным участием) научная конференция «Шахматовские чтения в Карелии», посвященная творческому наследию Алексея Александровича Шахматова. Программу форума составили докладчики из 7 стран Евразии (Россия, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Молдавия, Венгрия, Китай). В пленарных и секционных заседаниях конференции приняли участие известные в России и за ее рубежами специалисты в области грамматики, истории русского и зарубежного языкознания, стилистики, сопоставительной и типологической лингвистики из ведущих академических учреждений и вузов Москвы (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН, Государственный университет просвещения), Санкт-Петербурга (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), Нижнего Новгорода, Магнитогорска, а также из Республики Молдова.

Первое пленарное заседание 23 мая 2024 г. было посвящено 160-летию со дня рождения Алексея Александровича Шахматова и 300-летию Российской академии наук. Проблематика докладов охватывала разные аспекты ученой деятельности Алексея Александровича Шахматова: синтаксис, лексикологию и лексикографию, словообразование, диалектологию, морфологию, проблемы теории русского литературного языка, фразеологию, функционирование языковых единиц в разговорной речи и в художественных текстах, в языке фольклора, а также некоторые моменты его научной и личной биографии.

Основатель Петрозаводской лингвистической школы «Русский язык в его развитии и функционировании» профессор **Замир Курбанович Тарланов** в своем докладе «Универсальность и эвристический потенциал синтаксической теории А. А. Шахматова» подчеркнул, что введенное А. А. Шахматовым понятие коммуникации в качестве психологической основы предложения продолжает служить основой осмыслиения предложения как важнейшей языковой единицы и направлений его исторического развития.

Профессор **Татьяна Викторовна Шмелева** (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) в докладе «Университетский курс “Современный русский язык”: от изобретения А. А. Шахматова до современной методологии и практики» обратила внимание на то, что акад. Шахматов совершил революционный переворот в университетском преподавании русского языка: от языка памятников — к языку собственного опыта, что выдвинуло на первое место метод интроспекции.

Докладчик поделилась соображениями о том, в чем современные преподаватели наследуют первооткрывателю, а в чем ушли от него и как это можно было бы исправить.

Доктор филологических наук **Светлана Григорьевна Шулежкова** (Магнитогорский государственный университет имени Г. И. Носова), создатель серии исторических фразеологических словарей, рассказала о принципах описания сверхслововых единиц, реализованных А. А. Шахматовым в академическом «Словаре русского языка».

В докладе известного московского историка отечественного языкознания профессора **Олега Викторовича Никитина** (Государственный университет просвещения) «А. А. Шахматов как языковая личность: портрет ученого на фоне эпохи» особое внимание было сосредоточено на филологической традиции, в рамках которой взращивался талант А. А. Шахматова, и круг его учителей и соратников, подчеркивалась деликатность, стилистическая выровненность авторской манеры письма, уважительное отношение к собеседникам, что выразилось в ряде деловых формул и получило отражение в индивидуально-авторской стилистике ученого.

Ведущий петербургский синтаксист доктор филологических наук **Михаил Яковлевич Дымарский** (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; Институт лингвистических исследований РАН) в докладе «Понятия коммуникации и внутренней речи в “Синтаксисе...” А. А. Шахматова» подчеркнул, что коммуникацию ученый трактовал в смысле, существенно отличающемся от современного понимания: у Шахматова коммуникация — это прежде всего «акт мышления», одухотворенный коммуникативным намерением; в трактовке понятия внутренней речи ученый фактически предвосхитил современные представления о ней.

Доктор исторических наук **Варвара Гелиевна Вовина** (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук) в качестве материала исследования представила 77 писем и одну телеграмму за 1900—1919 гг., адресованные Н. Н. Дурново А. А. Шахматову, хранящиеся в фонде последнего в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: их содержание важно для истории науки, поскольку предоставляет важные сведения о диалектологической комиссии, рассказы Н. Н. Дурново о поездках по собиранию говоров, его наблюдения над различными языковыми явлениями, впечатления о научной жизни в столицах и провинции.

Доклад старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН кандидата исторических наук **Елены Николаевны Груздевой** был посвящен некоторым малоизвестным и совсем неизвестным фотографиям из наследия академика А. А. Шахматова и его семьи, хранящимся в личном фонде ученого.

Кандидат филологических наук **Елена Владимировна Сирота** (Бельцкий государственный университет имени Алексу Руссо, Республика Молдова) осветила вклад А. А. Шахматова в развитие классической и неклассической лингвистики, новаторское описание ученым синтаксического яруса языка, оригинальные идеи по изучению грамматических классов слов, учение о грамматической категории, анализ языковых фактов не только с синхронной, но и с диахронической точек зрения.

Доктор филологических наук **Дарья Борисовна Терешкина** (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) осветила основные коммуникативные стратегии нарративного дискурса в сказках Олонецкой губернии, записанных А. А. Шахматовым.

Кандидат филологических наук **Алексей Викторович Андронов** (Институт славяноведения РАН) познакомил слушателей с сохранившейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН рукописью кандидатской диссертации А. А. Шахматова «О долготе и ударении в общеславянском языке» (Московский университет, 1887 г.) и предложил свое объяснение отмеченного ученым ограничения на неполногласные формы в русском языке.

Известнейший российский исследователь лингвистической семантики **Ирина Михайловна Кобозева** (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) представила в своем выступлении источники грамматикализации коннекторов русского языка на материале базы данных «РусКон» (соавтор доклада — **Наталья Вадимовна Сердобольская**, Институт языкоznания РАН).

Заседания секций 24—26 мая стали важной площадкой для обмена научными идеями и укрепления академических связей между учеными из России и зарубежных стран. 24 мая состоялось заседание секции 1 «**Русский язык в его развитии и функционировании**», приуроченное ко Дню славянской письменности и культуры. Доктор филологических наук **Людмила Владимировна Зубова** выступила с докладом о грамматических архаизмах в поэзии Марии Степановой. Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва) также был представлен докладом **Ларисы Леонидовны Шестаковой и Анны Сергеевны Кулевой**: медийные тексты анализировались как источник иллюстративного материала для современного толкового словаря русского языка. Санкт-Петербургская школа исследователей языка Петровской эпохи была представлена докладами **Татьяны Семеновны Садовой** (о лекции «Объявлений о лечительных водах» Петра I 1719 г.), **Дмитрия Владимировича Рудниева** (о риторических средствах в Петровских указах), **Александры Андреевны Брыковой** (о выражении императивной модальности в печатных указах петровского времени). **Анна Михайловна Четырина** (РГПУ имени А. И. Герцена) рассмотрела «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., а **Оксана Анатольевна Волошина** из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова представила лексикографическую стратегию А. А. Шахматова, реализованную в «Словаре русского языка» 1891—1937 гг. **Андрей Васильевич Петров** из Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова рассказал о системе безличных предложений современного русского языка в свете синтаксического учения А. А. Шахматова. **Светлана Львовна Михеева** (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева) выступила с докладом об имени прилагательном как средстве передачи семантики эталонности. **Зоя Ивановна Минеева** (ПетрГУ) рассмотрела агентивное словоиздание в свете шахматовской теории. **Вадим Алексеевич Белов** из Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого рассказал о pragматических функциях дискурсивного слова «конечно» в публицистических текстах.

24 мая также состоялось заседание секции 2 «**Историческая стилистика, лингвопоэтика, медиалингвистика**» конференции «Шахматовские чтения в Карелии», посвященное 225-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. **Ольга Сергеевна Орлова** из Института языкоznания РАН (Москва) представила исследование устойчивых формул в русских загадках. **Анна Владимировна Гик** из Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва) рассмотрела поэтический мир Михаила Кузмина сквозь призму используемого поэтом Серебряного века словаря лексем и словоформ. **Виктория Андреевна Новоселова** (ПетрГУ) обсудила военную терминологию, используемую в медиатекстах, уделив особое внимание лексико-тематической группе «БПЛА». Ее коллеги **Александр Александрович Лебедев** и **Ольга Сергеевна Казаковцева** представили исследование языка и слога панегириков поэта, ритора и реформатора Петровской эпохи Феофана Прокоповича. **Татьяна Георгиевна Скребцова** и **Александр Олегович Гребенников** (СПбГУ) рассмотрели динамику частот и экспрессивности цветовых прилагательных в рассказах русских писателей начала XX века. **Ольга Альбертовна Димитриева** из Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева представила исследование оценочной лексики в осмыслении ситуации винопития в прозе первой половины XX века. **Юлия Леонидовна Дмитриева** из Донецкого государственного педагогического университета в Горловке в лингвокультурологическом ключе рассмотрела языковое воплощение образа леса в творчестве С. А. Есенина. **Ахмед Алипашевич Мамедов**

(Иркутский государственный университет) выступил с докладом о грамматических средствах выражения лирического героя в поэзии А. А. Блока.

Докладчиками секции 3 «**Язык русского фольклора. Диалектология. Лингвофольклористика**» стали как гости конференции, так и представители ПетрГУ. Председатели секции доцент **Виктория Андреевна Новоселова** и кандидат филологических наук **Ангелина Михайловна Дундукова** (ПетрГУ) в своем вступительном слове рассказали о заслуженном деятеле науки Республики Карелии Любови Петровне Михайловой (1939—2020) и исследователе языка русского фольклора Николае Владимировиче Тищенко (1954—2021), чьей памяти было посвящено заседание. Доклад «**Мысли В. Г. Короленко о языке в свете лингвистической концепции А. А. Потебни и А. А. Шахматова**» представила доцент Глазовского государственного инженерно-педагогического университета **Наталья Николаевна Закирова**, об особенностях употребления микротопонимов в народной речи рассказала кандидат филологических наук **Елена Вячеславовна Цветкова** из Костромского государственного университета. Новосибирский государственный педагогический университет и Новосибирский государственный технический университет представляла на конференции доцент, доктор филологических наук **Людмила Александровна Инютина** с докладом о физическом пространстве в лексическом выражении русского сибирского фольклора XVII—XVIII веков. Кандидат филологических наук **Александр Александрович Лебедев** и доктор филологических наук **Николай Дмитриевич Москин** (ПетрГУ) представили участникам конференции исследование, посвященное поиску аналогий и различий в сюжетах русских народных сказок в аспекте теоретико-графового подхода. Участники секции прослушали в записи доклад кандидата филологических наук **Вероники Юрьевны Краевой** (Алтайский государственный педагогический университет) об истории и современности в изучении русских говоров Алтая; как стендовый был представлен доклад профессора, доктора филологических наук **Ольги Викторовны Трофимовой** (Тюменский государственный университет) о диалектных словах в сказках писателя Ивана Ермакова (1924—2024).

В рамках работы «**Школы молодых исследователей**» перед студентами с лекцией на тему «**Необычные словари XXI века**» выступил профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения О. В. Никитин: ведущий обратил внимание слушателей на то, что лексикография за последние 20—30 лет раздвинула жанрово-тематические рамки, нашла новые методологические подходы к описанию языка. В дискуссии, прошедшей в теплой, доверительной атмосфере, принимали участие преподаватели кафедры русского языка, магистранты, иногородние гости конференции.

Секция молодых ученых была посвящена памяти выдающегося исследователя детской литературы — доцента Петрозаводского государственного университета Ларисы Николаевны Колесовой (1934—2021), которая своими трудами по русской литературе и фольклору воспитала не одно поколение петрозаводских филологов и журналистов. В рамках секции были представлены доклады ученых-языковедов из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Архангельска, Петрозаводска, посвященные широкому спектру лингвистических исследований: семантике, лексикографии, переводам, юридической лексике, исторической лингвистике и исследованию различных языковых явлений в исторических документах, специфике современной прозы и лингвофольклористике.

24 мая прошел **круглый стол по проблемам описания коннекторов** с участием сотрудников проектных коллективов под руководством Н. В. Сердобольской (проект РНФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации») и Т. В. Пашковой (проект РНФ 23-28-00092 «Дискурсивные слова в карельском языке: сравнительно-типологический аспект»). Обсуждались проблемы исторической динамики союзов и союзных слов

разноструктурных языков, словарного и корпусного представления коннекторов, выявления их семантики и стилистических свойств.

«Конференция, которая возвращает нас к классикам», — такими приветственными словами начала свое выступление 25 мая на **продолжении пленарного заседания** Всероссийской научной конференции «Шахматовские чтения в Карелии» профессор Людмила Георгиевна Смирнова (Смоленский государственный университет). Тематика шестнадцати прозвучавших докладов подтверждает актуальность шахматовских идей в области русской и славянской грамматики, лексики, текстологии.

Академик **Владимир Михайлович Алпатов** (Институт языкоznания РАН, Москва) в докладе «Литературный язык и язык литературы» отметил, что для русской культуры характерен «литературацентизм», традиционно наиболее соответствующим норме считался язык художественной литературы, писатели часто представляются «хранителями» правильного языка, однако в других культурах может быть иначе: в английской традиции разные функциональные стили уравниваются, а в Японии традиционно самым престижным признавался официальный стиль, а художественная проза высоко не ставилась.

Елена Михайловна Лазуткина (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) посвятила свой доклад анализу теории предложения А. А. Шахматова, который считал предложение центральной единицей синтаксиса, единственным способом обнаружения мышления в речи. По контекстам употребления Шахматовым термина «коммуникация» Е. М. Лазуткина заключила, что ученый вкладывал в это понятие свое представление о том, как коммуникативная задача осуществления замысла включает в работу прагматические механизмы языка для линейной организации предложения.

В докладе профессора **Анатолия Леонидовича Шарандина** (Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина) были проанализированы основные сходства и различия в подходах А. А. Шахматова и В. В. Виноградова к частеречной типологии, которая живет в настоящем, став научной традицией, на основе которой происходит приращение новых знаний: для А. А. Шахматова приоритетной была связь с предложением, а для В. В. Виноградова — с грамматическим учением о слове.

В докладе **Валентины Григорьевны Кульпиной** (Институт научной информации по общественным наукам РАН) речь шла об отражении идей академика А. А. Шахматова в теоретических трудах современных лингвистов и в учебных изданиях, посвященных классу местоимений: анализ показал, что труды ученого служат для исследователей точкой отсчета, источником научного вдохновения, свидетельством его гениальности, а также актуальности и витальности его идей для современного языкоznания и лингвообразования.

Выступление доктора филологических наук **Ольги Сергеевны Ильченко** (СПбГУ) было посвящено вкладу А. А. Шахматова в общую теорию падежа. Анализировались новаторские взгляды академика, в которых намечается когнитивный подход к грамматическим структурам: выделение им релятивного дополнения, описание общих падежных значений, в основе которых лежат пространственные представления и др. Все это способствует пониманию важности «Синтаксиса русского языка» Шахматова в развитии лингвистических теорий и непрекращающей актуальности этого труда для современных исследований.

Профессор **Сурен Тигранович Золян** (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Российско-Армянский университет) посвятил свое исследование формуле Велимира Хлебникова «Слово — пяльцы, слово — лен, слово — ткань»: под «пяльцами» Хлебников понимает консонантную структуру, под «тканью» — модифицирующую ее результирующую структуру, однако контекст и аналогичные примеры говорят не столько о словотворчестве, сколько о некоторой глубинной («этимонной») интерпретации уже имеющихся слов. Предлагаемые им процедуры предвосхитили

разработанный языковедами XX в. метод минимальных бинарных оппозиций, но применяемый к выделению не фонологических, а метасемиологических первоэлементов.

В докладе **Татьяны Викторовны Пентковской** (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассматривались вопросы редактуры перевода «Гистории управления настоящего империи Оттоманской», выполненного П. А. Толстым с итальянского языка во время его дипломатической миссии в Стамбуле. Значительная дистанция между временем выполнения перевода (начало XVIII в.) и появлением издания 1741 г., для которого редактура была проведена, позволила выявить вектор развития грамматической системы русского литературного языка нового типа на материале переводного текста.

В докладе кандидата филологических наук **Марины Иосифовны Свистуновой** (Белорусский государственный университет, Минск) было представлено общее описание белорусскоязычной письменности XVIII в. и основные трудности, связанные с ее изучением; определен комплекс исследовательских задач, возникающих при обращении к письменности данного переходного этапа: определение ее места и роли в процессе формирования белорусского литературного языка, целенаправленный поиск текстов, их систематизация и классификация, публикация на основе выработанных принципов и правил. Также Минскую университетскую школу представила **Ирина Ивановна Короткевич** с докладом «А. А. Шахматов — почетный член Витебской ученой архивной комиссии», в котором освещались малоизвестные страницы биографии и творчества петербургского академика, много сделавшего для становления белорусской историко-этнографической традиции.

Большой интерес и дискуссии вызвали пленарные доклады, которые на конференции представили: **Виктор Самуилович Храковский** (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Аспектуально-модальные показатели в русском языке»; **Константин Геннадьевич Красухин**, Институт языкоznания РАН, Москва) «Посессивность и агенс в русском литературном языке и диалектах»; **Марина Николаевна Приемышева** и **Светлана Аркадьевна Эзериня** (Институт лингвистических исследований РАН) «Шахматовское наследие в современной академической лексикографии (о проекте “Словаря новых слов начала XX века”»); **Лариса Дмитриевна Беднарская** (Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева) «Развитие лингвистических идей А. А. Шахматова в XXI веке»; **Елена Николаевна Бекасова** (Оренбургский государственный педагогический университет) «К проблеме достоверности реконструкции летописных текстов А. А. Шахматовым».

Учение академика А. А. Шахматова невозможно вне широкого научно-филологического контекста, поэтому в докладах неслучайно звучали имена его учителей, учеников, последователей — выдающихся лингвистов XIX—XX вв.: Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Потебни, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова. Как отметила выступившая с пленарным докладом «О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка» **Елена Владимировна Генералова** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), «конференция получилась не мемориальной, а очень живой» из-за тесной связи наследия А. А. Шахматова с современной наукой. Прошедшее в академической дружелюбной атмосфере заседание было полезно и студентам, которые провели свой профессиональный праздник среди старших коллег.

Завершилась конференция 26 мая заседанием секции 4 «Актуальные проблемы синтаксиса и лексикологии», на котором выступили представители разных грамматических школ и течений в российской грамматике начала XXI века: **Людмила Львовна Федорова** (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) «К трактовке префиксов: от Шахматова до современности»; **Анастасия Викторовна Уржа** (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) «Неопределенно-личные предложения: в поисках pragматического прототипа»; **Нина Федоровна Грязин** и **Татьяна Ивановна Прудникова** (Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова) «Термин “член предложения” в парадигме лингвистической науки»; **Галина Ивановна**

Канакина (Пензенский государственный университет) «Явление синтаксической омонимии (синтаксической неоднозначности): методический аспект»; **Елена Ивановна Бударагина** (Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина) «Антонимичные фразеологизированные синтаксические конструкции *N* здорового человека — *N* головного мозга в современной речи»; **Ирина Ивановна Бакланова** (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет) «Безличные предложения с отрицанием: соотношение формы и семантической структуры»; **Наталья Павловна Галкина** (Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, Кострома) «Сочетаемость функциональных придаточных в составе полипредикативных сложных предложений»; **Татьяна Сергеевна Сергеева** (Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина) «Специфика корпусных исследований древнерусских текстов»; **Ольга Владимировна Васильева** (Институт лингвистических исследований РАН) «О “колодцах” и “колодезях” по материалам “Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков”»; **Наталья Николаевна Щербакова** (Омский государственный университет) «Семантическая деривация в русском просторечии XVIII века»; **Елена Вячеславовна Сердюкова** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «История названий ольхи в русском языке»; **Галина Юрьевна Смирнова** (Институт лингвистических исследований РАН) «Устойчивые выражения с числительным “девятый” (к вопросу о системах счета и “неполном числе”)»; **Елена Вячеславовна Маринова** (Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова) «Специфика грамматической вариантиности терминов в русском языке (на материале терминологии цифрового общества)»; **Светлана Ивановна Холод** (Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова) «Активные процессы в образовании и употреблении причастий»; **Сергей Александрович Чуриков** и **Татьяна Витальевна Лешкова** (Воронежский государственный университет) «К вопросу о союзно-релятивных комплексах в современном русском языке»; **Елена Николаевна Подтегежникова** (Воронежский государственный университет) «Трансформация прецедентных имен в русском языке».

При обсуждении итогов участники «Шахматовских чтений в Карелии» подчеркнули важность проведения международных форумов, посвященных выдающимся языковедам прошлого и приумножающих лучшие традиции российской и мировой лингвистической мысли.

Статьи, написанные по материалам прозвучавших на конференции пленарных и секционных докладов, опубликованы в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» и в предлагаемом вниманию читателей сборнике.

Список библиографических ссылок

1. *Петерсон М. Н. Академик Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. М., 1956.*
2. *Смирнов С. В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII — начала XX вв. М., 2001. С. 253.*
3. *Хямяляйнен М. М. Дмитрий Владимирович Бубрих // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. 23. Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1961. С. 4.*

Д. Н. КОПЫЛОВ-ШАХМАТОВ

независимый исследователь,
правнук А. А. Шахматова
(Электросталь, Россия)
8937706285@mail.ru
v89057455747@mail.ru

ПАМЯТИ ПРАДЕДА — А. А. ШАХМАТОВА (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В статье рассказывается о биографии потомков академика А. А. Шахматова. Приводятся неизвестные факты, свидетельствующие о том, что генеалогическая ветвь А. А. Шахматова не прервалась, продолжает развиваться и в настоящее время. Особый интерес представляют материалы о жизни и деятельности О. А. Шахматовой и ее мужа Н. А. Копылова, репрессированного в 1937 г. Констатируется, что он внес существенный вклад в развитие советской гидрометеорологии. Впервые публикуются фотографии и документы из семейного архива правнука А. А. Шахматова Д. Н. Копылова-Шахматова, сопровождающие посвествование редкими сюжетами из истории культуры XX века. Представленные документы и отрывочные воспоминания правнука А. А. Шахматова показывают, как складывались судьбы династии в XX—XXI вв., раскрывают черты характеров и духовный облик внука академика — Н. Н. Копылова-Шахматова. Сведения, приводимые в статье, дополняют общеизвестные факты биографии А. А. Шахматова и, главное, исправляют сложившееся в печати и научных исследованиях ошибочное мнение об отсутствии прямых потомков академика А. А. Шахматова. И в этом смысле данная публикация представляет собой очень ценный источник по истории науки, краеведению, филологии и лингвоперсонологии.

Ключевые слова: история науки, филология, генеалогия, история культуры, А. А. Шахматов, Н. А. Копылов, Н. Н. Копылов-Шахматов.

Kopylov-Shakhmatov Dmitry Nikolaevich, independent researcher, great-grandfather of academician A. A. Shakhmatov, Elektrostal', Moscow Region, Russia
8937706285@mail.ru
v89057455747@mail.ru

In memory of great-grandfather — A. A. Shakhmatov (For the 160th anniversary of his birth)

The article provides an overview of the biography of the descendants of academician A. A. Shakhmatov. Unknown facts are presented, indicating that the genealogical branch of A. A. Shakhmatov has not been interrupted and continues to develop at the present time. Materials about the life and work of O. A. Shakhmatova and her husband N. A. Kopylov, who was repressed in 1937, are of particular interest. It is stated that he made a significant contribution to the development of Soviet hydrometeorology. For the first time, photographs and documents from the family archive of A. A. Shakhmatov's great-grandfather D. N. Kopylov-Shakhmatov are published, complementing the narrative with rare stories from the cultural history of the XX century. The presented documents and fragmentary memoirs of A. A. Shakhmatov's great-grandfather show how the destinies of A. A. Shakhmatov's children and grandchildren developed in XX—XXI centuries, reveal their character traits and spiritual appearance appearance of the grandson of academician — N. N. Kopylov-Shakhmatov. The information provided in the article complements the well-known facts of A. A. Shakhmatov's biography and, most importantly, corrects the erroneous opinion that has developed in the press and scientific research about the absence of direct descendants of academician A. A. Shakhmatov. And in this sense, this publication is a very valuable source on history of science, local lore, philology and linguopersonology.

Keywords: history of science, philology, genealogy, history of culture, A. A. Shakhmatov, N. A. Kopylov, N. N. Kopylov-Shakhmatov.

В 2024 г. мы отмечали 160-летний юбилей со дня рождения выдающегося русского филолога Алексея Александровича Шахматова (1864—1920). Его имя в последние десятилетия стало звучать по-новому в связи с открытыми фактами и документами, прослеживающими становление ученого и его первые шаги в науке (особенно в этом отношении интересна переписка с Ф. Ф. Фортунатовым) [1], быт и духовную культуру его семьи и дворянского гнезда — имения в деревне Губарёвке Саратовской губернии, где он провел детство и отрочество и куда возвращался позднее каждый раз на летние каникулы [2]. Большим событием стал выход в свет сборника «Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие» [3], приуроченного к 150-летию со дня рождения ученого, в котором были опубликованы неизданные материалы и биографические сведения, а также проанализирован вклад

Ил. 1. Алексей Александрович Шахматов.
Саратов, начало 1890-х (?) [1, с. 544, вкл. 2]

А. А. Шахматова в изучение русского летописания, лингвистического источниковедения, лексикографии, диалектологии и грамматики. Впервые широкая аудитория могла ознакомиться с неизвестной ранее «повестью» сестры А. А. Шахматова Е. А. Масальской-Суриной «История с географией» [4] и перепиской А. А. Шахматова и О. Брука, норвежского друга ученого, помогавшего семье Алексея Александровича в самые сложные революционные годы [5]. Таким образом, современное «шахматоведение» пополнилось яркими трудами. Работа в этом направлении продолжается: готовится к изданию второй том «Избранной переписки» А. А. Шахматова, исследуются и издаются новые биографические материалы [6; 7; 8], архивные документы по истории Московской лингвистической школы [9; 10], монографии по истории русского летописания [11; 12], изучается ономастика работ А. А. Шахматова [13] и др.

Между тем исследование династии Шахматовых до сих пор остается весьма проблемным вопросом. Отдельные краеведческие материалы размещены на сетевых ресурсах (например, [14]), но они неполно и очень фрагментарно рассказывают о судьбе потомков в XX в. Больше всего лакун оказалось связано с жизнью и деятельностью дочерей А. А. Шахматова и их детей [15]. Почти все они погибли в блокадном Ленинграде. Не проработаны еще архивы зятя А. А. Шахматова Н. А. Копылова, погибшего в годы препрессий. Профессор В. И. Макаров, самозабвенно искавший и находивший редкие факты, лично встречавшийся с внуком А. А. Шахматова Н. Н. Копыловым-Шахматовым, опубликовал неизвестные ранее сведения об этой семье и впервые в своей книге-повести [6] рассказал интересные эпизоды из биографии династии Шахматовых.

Известно, что А. А. Шахматов женился на дочери профессора истории А. Д. Градовского Наталье Александровне.

В этом браке родилось четверо детей: Ольга (1897—1942), Софья (1901—1942), Екатерина (1903—1941) и Александр (1898—1910). Сын Александр оказался очень болезненным ребенком и прожил только двенадцать лет. Ольга вышла замуж за Николая Антоновича Копылова (1886—1937), который был известен научными исследованиями в области гидрологии. В 1930-х гг. он стал профессором Ленинградского университета, а затем

Ил. 2. Софья, Ольга и Екатерина Шахматовы — дочери А. А. Шахматова. Петроград (?), ок. 1920-х

старшим гидрологом Западно-Сибирского краевого гидрометуправления [16]. В электронной базе данных «Преподавательский корпус Петроградского-Ленинградского университета, 1914—1934 гг.» (отв. ред. Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук) о нем приводится следующая информация:

«После 1917 г. работал в ВСНХ РСФСР.

В начале 1920-х гг. работал в КЕПС. Также работал в Государственном гидрологическом институте.

С 1925 по 1928 г. — консультант Гидрологического отряда Комиссии по изучению Якутской ССР.

После 1934 г. работал в Новосибирске старшим гидрологом Западно-Сибирского краевого гидрометуправления.

23 февраля 1937 г. арестован. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинграде 25 мая 1937 г. приговорен к высшей мере наказания (ст. 58-7-8-11 УК РСФСР). Расстрелян 26 мая 1937 г.» [16]. Здесь же указаны основные труды ученого: *Белый уголь в Северной области России. Пб., 1921*; *Водные силы СССР. Л., 1924*; *Мировые запасы водных сил и их использование. Л., 1925*; *Инструкция для составления каталога рек. Л., 1927*; *Материалы по гипсометрии Казахстана. Л., 1927*; *Работы по водному кадастру во втором пятилетии, их состав и методология. Л., 1934* (в соавт. С. Л. К. Давыдовым и П. Н. Лебедевым), архивные и личные фонды, в которых содержатся материалы о его жизни и деятельности: ЦГА СПб. Фонд Р-1578 (СНХ. Петроград). Опись 1. Дело 2719. Копылов Николай Антонович, 1918 г.; СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 4. Д. 38. Копылов Николай Антонович, консультант. Личное дело; РГАЭ. Ф. 2277 Управление шоссейных, грунтовых и узкоколейных железных дорог Комитета государственных сооружений ВСНХ РСФСР (УПШОСС). Оп. 12. Личный состав. 1915—1922. Д. а-252. (1917—1918 гг.) [16].

В Ленинградском университете Н. А. Копылов преподавал на географическом факультете. Работал в 1926 г. младшим ассистентом, в 1927—1930 гг. — старшим ассистентом, в 1931—1932 гг. — ассистентом, в 1932—1933 гг. — профессором [16].

Даже по перечислению работ и мест службы можно понять, насколько необычным, ярким, целеустремленным был мой дед Н. А. Копылов. Можно сказать, что он стоял на передовых рубежах науки — строил гидрологию молодого Советского государства, был большим энтузиастом.

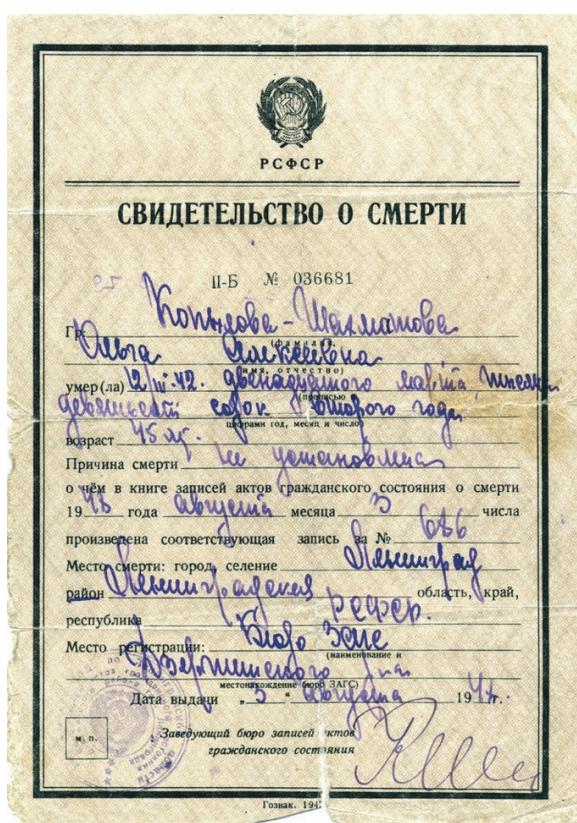
Ил. 3. Н. А. Копылов, зять академика А. А. Шахматова, муж его старшей дочери Ольги. Новосибирск, 1935 г.

Чтобы не прервать фамильной связи с родом Шахматовых, Ольга Алексеевна взяла фамилию мужа, присоединив ее к своей, и таким образом стала Копыловой-Шахматовой. Нить поколений не пресеклась, и эта фамилия сохранилась у моего отца.

В браке с Николаем Антоновичем у нее родились трое детей: Николай (1925—1989) — мой папа, Владимир (1927 — после 1950) и Ирина (1928—1941).

Ил. 4. Свидетельство о рождении Н. Н. Копылова-Шахматова (повторное), выданное Василеостровским ЗАГС г. Ленинграда 20 августа 1946 г.

Ил. 5. Свидетельство о смерти моей бабушки О. А. Копыловой-Шахматовой, выданное Бюро ЗАГС Дзержинского района г. Ленинграда 3 августа 1947 г.

Отношения в семье были напряженными из-за частых командировок мужа, порой ситуация была близка к разводу. В 1932 г. этот брак распался. Моя бабушка Ольга Алексеевна Копылова-Шахматова осталась с дочерью (предположительно) в Ленинграде, в небольшой квартире. Там же жили и ее сестры — Софья Алексеевна и Екатерина Алексеевна. Во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде Ольга Алексеевна и ее дочь умерли от голода. Сестры О. А. Копыловой-Шахматовой Екатерина и Софья (с сыном Алексеем) также умерли зимой 1941/42 гг. Немногим раньше не стало и вдовы А. А. Шахматова Натальи Александровны. Судьба младшего сына Ольги Владимира до конца не известна (см. подробнее в примечании 1). Таким образом, из всей большой семьи Шахматовых после войны остались в живых только двое внуков академика А. А. Шахматова: мой отец Николай Николаевич Копылов-Шахматов и его младший брат Владимир.

Спустя некоторое время мой дед Н. А. Копылов женился на троюродной сестре бывшей супруги — Варваре Григорьевне Триротовой (1904—1995).

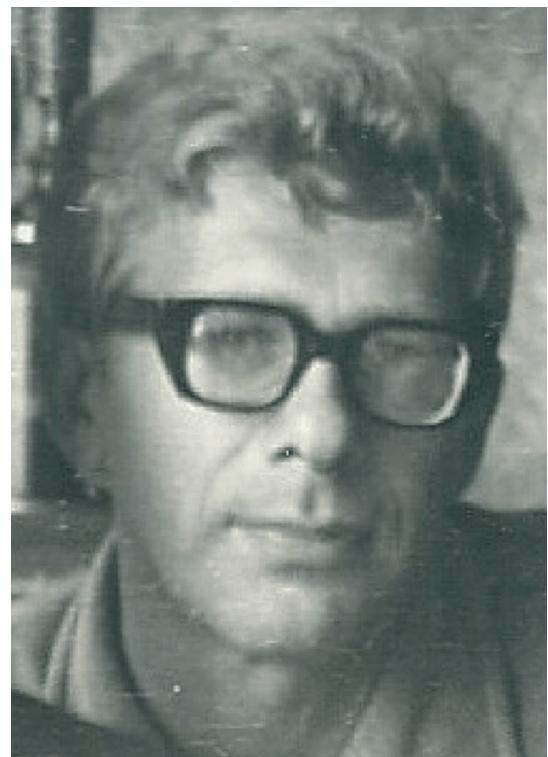
Ил. 6. Варвара Григорьевна Триротова.
Ленинград, сер. 1970-х — 1980-е гг. (?)

После свадьбы с новой женой по распределению Гидрологического института Н. А. Копылов уехал в Новосибирск, взяв с собой старшего сына Николая — моего отца.

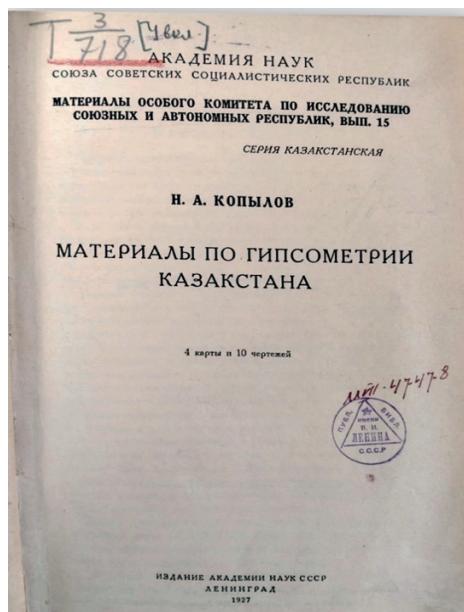
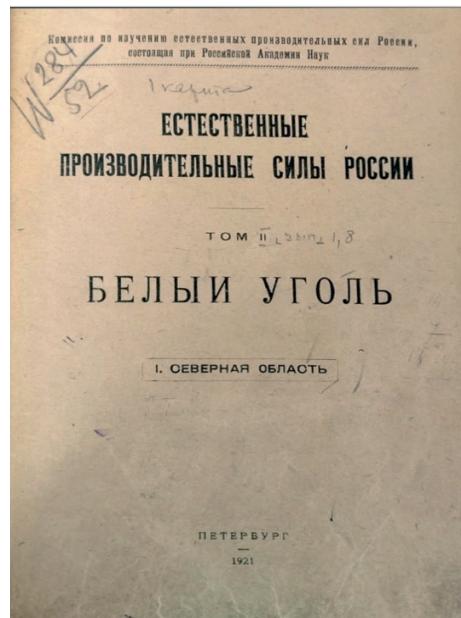
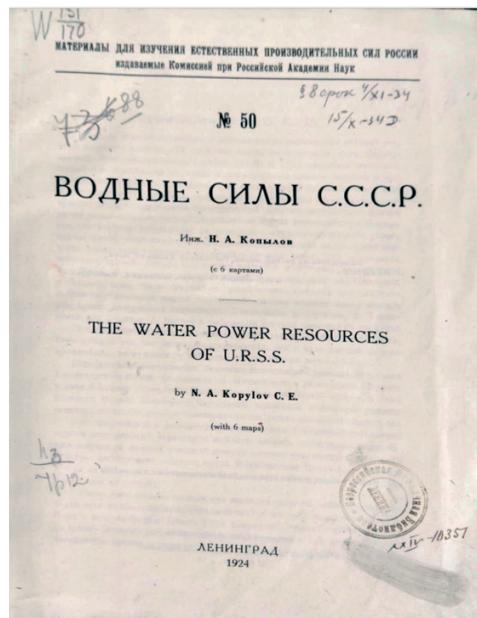
От второго брака родился еще сын Всеволод (1933—2001), профессор геологии (мой дядя).

Интересно такое совпадение: в роду саратовских Триротовых в XIX в. была одна примечательная личность — Владимир Григорьевич Триротов (1834—1891) — экономист, филолог, директор Департамента общих дел Министерства государственных имуществ. Он был одним из составителей «Абхазского букваря» [17].

В Новосибирске Николай Антонович продолжал заниматься изыскательской работой в области гидрологии, часто бывал в командировках в Казахстане, на Уральском хребте. Он самоотверженно искал полезные ископаемые для молодой советской страны, издал научные монографии и статьи, в которых описаны расположение, рекомендуемые способы добычи и использования полезных ископаемых Сибири и Урала [16]. Сейчас нам сложно представить, в каких условиях работал Н. А. Копылов, чтобы проводить такие изыскания, чем жертвовал во имя научного просветительства. Этую страсть к открытиям, к поиску, живую любовь ко всему новому перенял у него и мой отец.

Ил. 7. Всеволод Николаевич Триротов.
Ленинград, сер. 1970-х

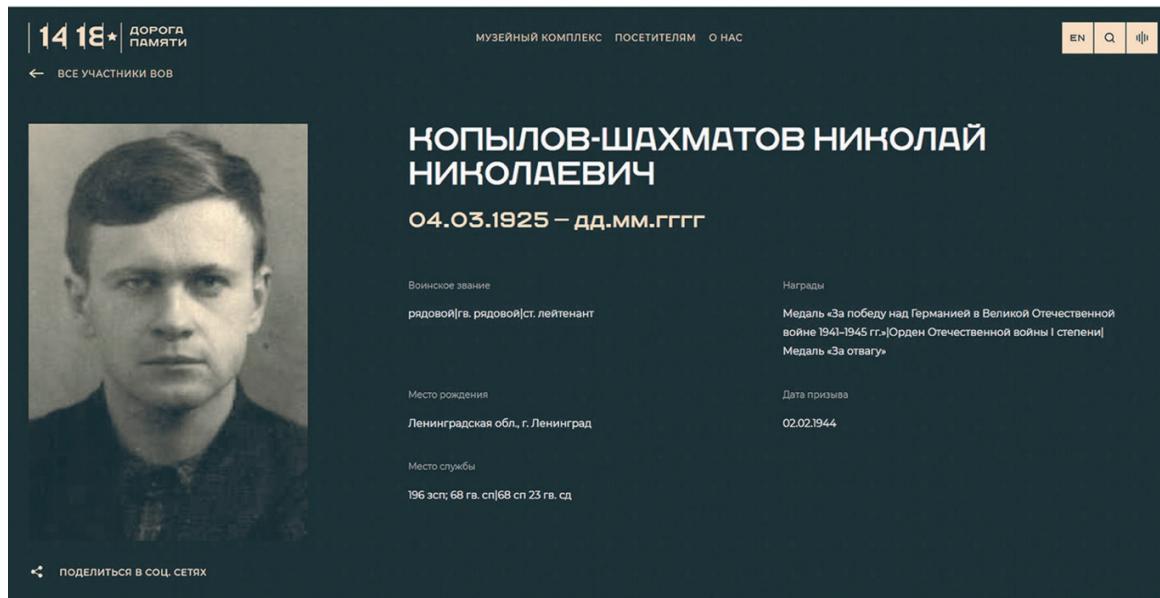

Ил. 8. Академические издания работ Н. А. Копылова по гидроресурсам и изучению земной поверхности Казахстана из фондов Российской государственной библиотеки

Но время было неспокойное... По рассказам моего отца, Николая Николаевича Копылова-Шахматова, завистники оклеветали деда, и в 1937 г. его арестовали, привезли в Ленинград и вскоре вынесли жестокий вердикт: Н. А. Копылов по статье 58 был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Ленинграде 26 мая 1937 г.

Эта трагедия, конечно, оказала неизгладимое впечатление на 12-летнего мальчика, ставшего свидетелем чудовищной несправедливости, сделала его замкнутым и обозленным на слепо действовавшую власть. Понимание того, что он является внуком академика Алексея Александровича Шахматова, потомственного дворянина, поселило в нем страх перед советской властью, планомерно истреблявшей

людей с дворянскими корнями. Ольга Алексеевна, мать моего отца, всегда много рассказывала ему о жизни Шахматовых при царской власти, об Алексее Александровиче, показывала научные труды, рукописи, титульные грамоты, учила этике поведения в обществе и жизни.

1418 шагов по дороге памяти

Все участники ВОВ

МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕТИТЕЛЯМ О НАС

EN Q ☰

НПЫЛОВ-ШАХМАТОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

04.03.1925 – дд.мм.гггг

Воинское звание
рядовой | гв. рядовой | ст. лейтенант

Награды
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» | Орден Отечественной войны I степени
Медаль «За отвагу»

Место рождения
Ленинградская обл., г. Ленинград

Место службы
196 эсп; 68 гв. сп | 68 сп 23 гв. сд

Дата призыва
02.02.1944

ПОДЕЛИТЬСЯ В СОЦ. СЕТЯХ

Ил. 9. Страница об участнике Великой Отечественной войны Н. Н. Копылове-Шахматове с сайта «1418 шагов по дороге памяти» [18]

После ареста отца Николай Николаевич Копылов-Шахматов остался жить в Новосибирске со своей мачехой и сводным братом Всеволодом. 2 февраля 1944 г. Н. Н. Копылов-Шахматов был призван в ряды Советской армии и воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Участвуя в боевых действиях, он получил ранение. Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и орденом Отечественной войны I степени [18].

После Дня Победы он служил еще 5 лет. В связи с военными событиями возвращение домой, как и у многих его однополчан, произошло только в 1950 г.

Демобилизовавшись, Николай Копылов-Шахматов решил вернуться в родной город Ленинград. Однако там он по-прежнему считался сыном врага народа, и, конечно же, это висящее на них с братом клеймо не давало возможности никуда поступить учиться. Моему отцу посодействовала близкий друг А. А. Шахматова, работавшая когда-то вместе с ним, — профессор Евгения Самсоновна Истрина (1883—1957). Она по-матерински опекала моего отца, жалела его, сочувствовала семейным трагедиям, когда за блокадные годы было практически стерто все семейство Шахматовых. Может быть, она видела в нем единственного наследника духа А. А. Шахматова?.. Е. С. Истрина помогла отцу как-то изменить формулировки

Ил. 10. Н. Н. Копылов-Шахматов в годы Великой Отечественной войны и срочной службы в рядах Советской армии, 1944—1949 гг.

документов, чтобы он смог поступить в высшее учебное заведение. Он начал посещать библиотеки, восстанавливать свои знания для поступления в Ленинградский государственный университет. Специальность, которую избрал мой отец, называлась «органическая химия». В 1955 г. он с отличием окончил ЛГУ. Ему была присвоена квалификация химика-органика.

Ил. 11. Аттестат с отличием об окончании Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, выданный Н. Н. Копылову-Шахматову, 1955 г.

В 1957 г. пришло извещение из Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР о том, что Н. А. Копылова, моего деда, реабилитировали. В «Справке» от 12 ноября 1957 г., сохранившейся в архиве моей семьи, говорилось:

Ил. 12. Справка Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР о реабилитации Н. А. Копылова, 12 ноября 1957 г.

«Дело по обвинению КОПЫЛОВА Николая Антоновича, до ареста — 23 февраля 1937 года — работавшего старшим гидрологом Гидрометуправления в гор. Новосибирске, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда ССР 26 октября 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 25 мая 1937 года в отношении КОПЫЛОВА Н. А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

КОПЫЛОВ Н. А. реабилитирован посмертно».

Радостное известие тем не менее очень сильно повлияло на здоровье отца, вызвав болезнь сердца. После окончания университета по распределению его отправили в город Электросталь Московской области в научно-исследовательский институт, занимавшийся оборонной промышленностью, разработками для ядерной и космической отраслей.

Там он познакомился с будущей женой — Ольгой Даниловной Ямановой. Моя мама родом из Рязанской области, из простой крестьянской семьи, но, несмотря на это, у них сложился очень крепкий союз до конца их жизни. Они любили путешествовать по Советскому Союзу, соединяя свои отпуска, чтобы всегда быть вместе.

У них родились два сына: я и брат Сергей, но моим родителям пришлось пережить еще одну трагедию — через несколько месяцев после рождения мой брат умер.

В юношеском возрасте меня заинтересовало, почему у отца двойная фамилия Копылов-Шахматов. Это причиняло мне неудобство, потому что она не умещалась ни в одну из граф выдаваемых многочисленных документов. Меня записывали одной фамилией — Копылов. Родители сказали мне, что советская власть не приветствует дворянское происхождение и создает таким гражданам препятствие в жизни.

Ил. 13. Н. Н. Копылов-Шахматов с женой Ольгой Даниловной на отдыхе. Одесса, 1957 г.

Ил. 14. Н. Н. Копылов-Шахматов с женой Ольгой Даниловной. Деревня Шамово Рязанской области, 1956 г.

Ил. 15. Н. Н. Копылов-Шахматов с женой Ольгой Даниловной в домашней обстановке.
Электросталь Московской области, 1964 г.

Отец мало мне рассказывал о своем деде А. А. Шахматове и матери Ольге Алексеевне, так как воспоминания повышали давление и вызывали сердечные приступы. Моя мама говорила: «Не беспокой его, не трогай!» Она его всегда называла *дворянской кровью*: отец был человек одаренный, интеллектуальный, творческий и хорошо владел русским языком, как и его дед А. А. Шахматов, чтил его память.

Ил. 16. Свидетельство о рождении
Дмитрия Николаевича Копылова-Шахматова,
выданное Бюро ЗАГС г. Электросталь Московской области

Хоть по профессии он и не был филологом, но читал книгу В. И. Макарова «А. А. Шахматов. Пособие для учащихся», которая вышла в изда-тельстве «Просвеще-ние» [19]. Конечно, при всех талантах и природной сопричастности ди-настии отец мог бы оставить в памяти поко-лений свои заметки о жизни, о людях, кото-рые ему встречались на пути, о своих родите-лях... Но сложилось так, что душевная рана утери близких была слиш ком глубока... И все же я немного

сожалею о том, что не смог его расспросить подробнее о годах его молодости, не нашел тогда подходящего момента.

Его научная деятельность была связана с исследованиями в области органической химии. Это сложная наука... Отец пользовался авторитетом у коллег, продвигался по служебной лестнице.

И дома он постоянно читал, писал и конспектировал научные работы, занимался за письменным столом интеллектуальным трудом, мало уделяя внимания бытовым проблемам.

Благодаря деятельности отца я заинтересовался техническими науками и по окончании школы поступил в техникум, где обучался обслуживанию и ремонту автомобилей, а позднее получил еще несколько специальностей (электромеханик лифтов и грузоподъемных механизмов, сварщик), достигнув некоторых успехов в технической области.

В 1986—1987 гг. нас разыскал историк науки, доктор филологических наук, профессор Киевского, а позднее Елецкого и Брянского университетов Владимир Иванович Макаров, который работал над книгой «“Такого не быть на Руси прежде...”». Повесть об академике А. А. Шахматове»

[6]. В. И. Макарову не хватало детальных сведений о семье Шахматовых в добавление к тем, что он извлекал из архивов. Исходя из собранных материалов, он установил единственного продолжателя рода Шахматовых — моего отца. Для знакомства с ним В. И. Макаров приехал к нам в гости из Киева,

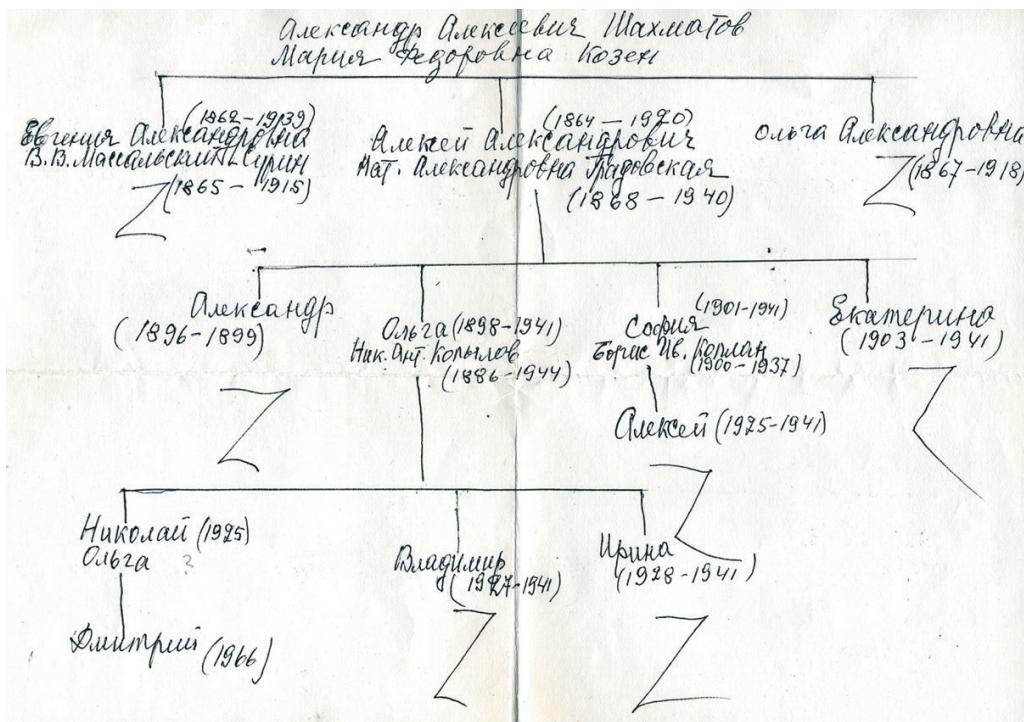
Ил. 17. Дмитрий Копылов-Шахматов с родителями Ольгой Даниловной и Николаем Николаевичем на отдыхе. Дом отдыха «Высокое», Клинский район Московской области, 1978 г.

Ил. 18. Н. Н. Копылов-Шахматов и П. М. Лян — университетские друзья и впоследствии коллеги по работе в научной лаборатории, г. Электросталь, 1955—1956 гг.

чтобы дополнить рассказ о потомке ветви династии Шахматовых. Мой отец не дожил до выхода в свет этой книги, но я уверен: она бы ему очень понравилась! Да и не «монография» это вовсе, как принято по-научному называть жанры ученых книг, а художественно-документальная повесть, в которой портрет А. А. Шахматова впервыедается с человеческой стороны: живо описываются детство и юность, любимая им Губарёвка.

И все это восстановлено по письмам и воспоминаниям, ведь он вел большую переписку. Интересны в книге и портреты его учителей — Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша. Подробно описана деятельность А. А. Шахматова на академическом поприще. Особенno пронзительно звучат страницы о том, как Алексей Александрович спасал Академию наук в смутные революционные годы, как страдал и, оберегая людей и общее дело, уходил из жизни. В. И. Макаров изложил в своей книге беседу с отцом и включил некоторые семейные фотографии. Таким образом, и частичка души моего отца тоже есть в этой повести о жизни великого человека. В. И. Макаров также впервые подробно рассказал нам о генеалогическом древе рода Шахматовых, схематично обозначив династию. Удивительно, как он все это нашел и соединил!

Ил. 19. Генеалогическое древо Шахматовых XIX—XX вв. (черновые заметки). Автограф В. И. Макарова¹

От В. И. Макарова мы узнали много интересных подробностей из жизни А. А. Шахматова. Редкие данные ученый по крупицам собирал прежде всего в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Для нашей семьи это стало очень значимым событием — осознанием принадлежности к роду Шахматовых.

В начале 1990-х наша семья познакомилась с филологом О. В. Никитиным. Он обратился к нам за дополнительными сведениями, что послужило началом дружеских отношений, длившихся и по сей день.

К сожалению, на поиск новых материалов о семье прадеда А. А. Шахматова у меня не хватало времени: я женился, родились дети, я много времени уделял основной работе на предприятии в Электростали, а город все-таки находится на значительном расстоянии от Москвы. Не было тогда Интернета, который быстро и оперативно поможет найти нужные сведения. С появлением же в 2013 г. Интернета в нашей семье мы стали намного больше узнавать фактов о роде Шахматовых, они заинтересовали меня и особенно мою среднюю дочь, которой в то время было 13 лет. Она просто загорелась желанием узнать больше о предках. Так, мы очень рады были узнать, что в честь А. А. Шахматова в ноябре 1971 г. одна из улиц Петергофа была названа его именем, а Российской академия наук с 1994 г. за выдающиеся работы в области источниковедения, текстологии, языкоznания присуждает премию имени

А. А. Шахматова [15]. Очень жаль, что его усадьба в Губарёвке полностью разрушена и до сих пор не восстанавливается. А это было его любимое место отдыха и работы, где в тишине природы он мог творить...

Я немного отвлекся от наследников рода Шахматовых и расскажу о своих детях. У меня их трое: старшая дочь Антонина, 30 лет, замужем, имеет высшее юридическое образование; средняя дочь Анна, ей 23 года, замужем, получает образование по специальности «маркетолог»; младший сын Николай, 16 лет, получает техническое образование в области машиностроения. Так складывается судьба наследников, хотя на отдельных сайтах указано о прекращении рода Шахматова [20].

Мне хотелось бы пожелать всем исследователям жизненного пути академика А. А. Шахматова узнать больше о своих предках и записать это в родословную книгу, чтобы она стала впоследствии источником памяти детей, внуков и правнуков. Изучая прошлое, историю, мы сможем построить наше достойное будущее.

Выражаю большую благодарность профессору О. В. Никитину за кропотливую изыскательскую работу, посвященную трудам академика А. А. Шахматова, и приглашение нашей семьи для участия во Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Шахматовские чтения в Карелии».

Примечания

В статье использованы документы и фотографии из семейного архива Д. Н. Копылова-Шахматова (ил. 2—7, 10—19). Публикуются впервые.

¹ В «Генеалогическом древе Шахматовых XIX—XX вв.» В. И. Макарова в момент подготовки статьи к печати мы обнаружили неточности, которые необходимо прокомментировать:

1. Ошибочно указана дата смерти сына О. А. и Н. А. Копыловых-Шахматовых Владимира (1941 г.). По данным Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ф. 871, оп. 1, № 204), после возвращения из рядов Красной армии его старший брат Николай уехал в Новосибирск, где проживал до войны, и нашел в тех местах в 1950 г. своего младшего брата Владимира. Его дальнейшая судьба пока не известна.
2. Даты жизни других родственников академика А. А. Шахматова (жены, сына, сестер, детей, внука и зятя) указаны в «Генеалогическом древе...» не совсем корректно (ко второй половине 1980-х гг. многие биографические сведения еще не были известны) и теперь уточнены по открывшимся публикациям и документам: Шахматова (Градовская) Наталья Александровна (6.07.1870—1940(?)), Шахматов Александр Алексеевич (1898—1910), Шахматова Ольга Александровна (1867—1920), Масальская-Сурина Евгения Александровна (1862(3?)—7.07.1940); Шахматова-Коплан Софья Алексеевна умерла в один день с сыном Алексеем Борисовичем 5 января 1942 г., а ее муж Б. И. Коплан был арестован последний раз в августе 1941 г. и (по официальной справке) погиб в январе 1942 г. в тюрьме.

Список библиографических ссылок

1. Шахматов А. А. Избранная переписка : в 3 т. Т. 1 : Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 944 с.
2. Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2012. 600 с.
3. Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сборник статей к 150-летию со дня рождения / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. 1040 с.
4. Масальская-Сурина Е. А. История с географией. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2019. 568 с.
5. А. А. Шахматов — О. Брок. Переписка. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2021. 430 с.
6. Макаров В. И. «Такого не быть на Руси прежде...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб. : Але-тейя, 2000. 416 с.

7. Яковлев В. В. Материалы к биографии академика А. А. Шахматова. Т. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 483 с.
8. Никитин О. В. «Филология — это наша жизнь» (малоизвестные факты из биографии А. А. Шахматова) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 196—197.
9. Никитин О. В. Из истории Московской лингвистической школы: новые материалы и републикации // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М.: Ин-т рус. яз., 2004. С. 308—309.
10. Никитин О. В. «Утрата языка — это утрата народности» (из архивного наследия академика А. А. Шахматова) // Русская речь. 2018. № 5. С. 28—35.
11. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. СПб.: Дмитрий Буланов, 2011. 926 с.
12. Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция. Киев : Laurus, 2018. 314 с.
13. Никитин О. В. Академик А. А. Шахматов как ономатолог // Ономастика Поволжья : материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26—29 сентября 2024 года / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун. Саратов : Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. С. 56—62.
14. Шахматовы // Татищевский край. История Татищевского района Саратовской области : сайт. URL: <http://tatiskray.ru/shaxmatovy> (дата доступа: 10.11.2024).
15. Шахматов Алексей Александрович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шахматов,_Алексей_Александрович (дата доступа: 11.11.2024).
16. Копылов Николай Антонович (1886—1937) // Биографика СПбГУ : сайт. СПб. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/2599-kopylov-nikolaj-antonovic.html?ysclid=m3cy1rx5o6834691270> (дата доступа: 11.11.2024).
17. Бартоломей И. А. Абхазский букварь = Апъсща анбан : Апъсща анбан / сост. под рук. И. Бартоломея. Тифлис : Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1865. 188 с.
18. Копылов-Шахматов Николай Николаевич // 1418 шагов по дороге памяти : сайт. URL: <https://1418museum.ru/heroes/56195445/?ysclid=m3d98bwmyx662380423> (дата доступа: 03.11.2024).
19. Макаров В. И. А. А. Шахматов : пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1981. 159 с.
20. Копылова (Шахматова) Ольга Алексеевна // familio : сайт. URL: <https://familio.org/persons/0f25198b-5f3c-4c41-bfbb-5793b1b1955d> (дата доступа: 08.11.2024).

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ШАХМАТОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. В. НИКИТИН

Государственный университет просвещения

(Москва, Россия)

olnikitin@yandex.ru

А. А. ШАХМАТОВ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ С Ф. Ф. ФОРТУНАТОВЫМ)

В статье на материале переписки А. А. Шахматова, воспоминаний о нем представлен портрет лингвиста на фоне происходивших событий в культурной и научно-общественной жизни России второй половины XIX в. Обращается внимание на филологическую традицию, в рамках которой взращивался талант А. А. Шахматова, круг его учителей и соратников. Письма и в целом архивно-историческая часть деятельности А. А. Шахматова свидетельствуют о необходимости постоянного общения, где значительное место занимает обсуждение лингвистических проблем, которые в контексте личных посланий носят профессиональный характер. В то же время отмечается деликатность, стилистическая выровненность авторской манеры письма, уважительное отношение к собеседникам, что выражалось в ряде деловых формул и отражено в индивидуально-авторской стилистике А. А. Шахматова.

Ключевые слова: история языкоznания, А. А. Шахматов, языковая личность, лингвистическая переписка, идиолект, речевой портрет.

Nikitin Oleg Viktorovich, Department of Slavistics, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education, Moscow, Russia
olnikitin@yandex.ru

A. A. Shakhmatov as a linguistic personality: based on correspondence to F. F. Fortunatov

Based on the correspondence of A. A. Shakhmatov, the article presents a portrait of the linguist at the background of events in the cultural, scientific and social life of Russia in the second half of the XIXth century. Attention is drawn to the circle of his teachers and associates, to the philological tradition within which the talent of A. A. Shakhmatov was cultivated. Letters and, in general, the archival and historical part of A. A. Shakhmatov's activities testifies to the need for constant communication, where a significant place is occupied by the discussion of linguistic problems, which in the context of personal messages are of a professional nature. At the same time, the delicacy, stylistic alignment of the author's writing style, and respect for interlocutors are noted, which is expressed in a number of business formulas and reflected in the individual author's style of A. A. Shakhmatov.

Keywords: history of linguistics, A. A. Shakhmatov, linguistic personality, linguistic correspondence, idiolect, speech portrait.

Личность и труды А. А. Шахматова составляют удивительную страницу в летописи отечественной науки, наполненной поисками, экспериментами, дискуссиями, личными открытиями и трагедиями. Фактически ученый стал главой нашей науки в те годы, когда ее расцвет сменился упадком, а романтические идеалы культурной ценности истинной филологии были сметены революционным вихрем. На смену одной идеологии пришла другая... Но имя А. А. Шахматова не потерялось во времени, даже более того, оно стало символом нравственного стержня, исследовательского суверенитета. Несмотря на то, что в XX в. активно издавали переписку славистов, труды А. А. Шахматова и его современников, некоторые архивные материалы (например, [1; 2]), многие документы той эпохи были не освоены учеными. Личная биография А. А. Шахматова, особенно в период его становления и затем академической деятельности стала известна благодаря замечательной повести В. И. Макарова [3], а теперь хорошо раскрыта в новом издании книг и мемуаров его сестры Е. А. Масальской-Суриной [4; 5]. 150-летний юбилей со дня рождения А. А. Шахматова, отмечавшийся в Санкт-Петербурге и Москве, вылился в издание объемного тома статей [6], по-новому освещавших вклад ученого в изучение разных отраслей славянского языкоznания, истории, этнографии и т. д. Много ценных материалов для понимания глубины натуры А. А. Шахматова дают его переписка с норвежским славистом О. Броком [7], а также документы, воспоминания, собранные теперь в одном томе, включая новые архивные истории и редкие републикации [8].

Особое место в череде архивных открытий занимает «Избранная переписка» А. А. Шахматова в трех томах (к настоящему времени издан первый том, второй готовится к выпуску в свет), подготовленная коллективом во главе с В. Г. Вовиной-Лебедевой [9]. В нее вошли послания А. А. Шахматова к Ф. Ф. Фортунатову, В. Н. Перетцу и В. М. Истрину. В контексте нашей статьи наибольшую ценность для характеристики языковой личности ученого представляет его переписка с учителем и наставником Филиппом Федоровичем Фортунатовым, с которым тот познакомился в ранние годы и не прерывал связи до смерти академика. Эти письма рисуют нам портрет совсем еще молодого человека (первое датируется 18 декабря 1881 г., когда А. А. Шахматову было 17 лет) — увлеченного, страстного, живущего полноценной научной жизнью, горящего идеями. С 1881 г., по свидетельству сестры ученого, он каждый понедельник стал посещать семинар Ф. Ф. Фортунатова, где проводил время до 11 часов вечера, а в среду и четверг работал с рукописями Румянцевского музея [4, с. 335—336; 9, с. 28].

Письма А. А. Шахматова очень информативны, они насыщены фактами, упоминанием текстов, документов, архивных событий, которые занимали все время молодого исследователя. Первое письмо начинается такими словами: «Многоуважаемый Филипп Федорович! С большим сожалением извещаю Вас о том, что мои поиски в Румянцевской библиотеке были напрасны: это еще не значит, что там ничего нет, а только то, что никто не знает, что там есть. Я обратился прямо к “кatalожнику”, но тот мне ничего не сумел объяснить, только указал на целую груду неразобранных книг на разных “неизвестных языках”. Все это были книги, недавно вышедшие, и литовских при поверхностном их рассмотрении я не нашел: зато там много латышских. Потом дали мне каталог первопечатных книг до 1525 г.: каталог я просматривал довольно тщательно, но ни литовских, ни латышских книг не нашел...

В Архив иностранных дел я заходил: но о санскритских рукописях могу сказать только то, что сказал раньше: они есть (5 связок), но неnumерованы и никем не разобраны; “знаток по этой части” затруднился сказать, какого они века, но, “судя по истории словесности” и по чему-то еще, он полагает, что они никак не позже XII—XIII в.!!» [9, с. 27].

В письмах А. А. Шахматов делится личными чувствами, тревогами и проблемами, обращается к Ф. Ф. Фортунатову как к близкому человеку, рассказывает об увиденном и изученном: «Сегодня узнал из письма Щепкина Ваш адрес: давно собирался Вам написать, но не знал куда адресовать. Здоровье мое окончательно улучшилось: я совершенно не чувствую той слабости, которая беспокоила меня месяц тому назад; пользуясь этим, чтобы оставить лечебницу, но лечение ваннами я должен продолжить еще некоторое время. Это, а главным образом занятия в Публичной Библиотеке, задержит меня здесь числа до 20-го октября. В сущности, чувствую себя счастливым, что попал в Петербург: я занялся здесь разными старинными сербскими словарями (древнейший XVI века) с расставленными ударениями и напал при этом на в высшей степени интересные факты; ввиду того, что по большей части каждый из словарей представляет много диалектических данных, я с удовольствием сравниваю свои занятия здесь с поездкой в славянские земли (конечно, в миниатюре). Богатство Публичной Библиотеки, в которой изумительно много редких книг по славянским языкам, мирит меня с Петербургом, непривлекательным в высшей степени; он, исключая Невский, даже грязнее Москвы, не говоря о про-чих неудобствах и недостатках. Единственно, что отравляет мои занятия, — это мысль об экзаменах: признаться, я и Вам неохотно сознаюсь, что сербские словари и грамматики не позволят мне во все время пребывания здесь взяться за книги по древнерусской литературе, которая к тому же кажется в особенно непривлекательном виде, когда занимаешься такими интересными вопросами, как вопрос об истории ударений» [9, с. 35].

А. А. Шахматов, и это хорошо видно по интимной интонации его посланий, воспринимал Ф. Ф. Фортунатова как духовного отца, с которым можно было поделиться о многом, и очень переживал, когда прерывалось общение с ним: «Очень о Вас соскучился, и не от кого узнать что-нибудь о Вас,

как Вы поживаете и что поделываете. Вот уже два месяца, как я Вас не вижу, и ни одного известия о Вас. Последние дни я был занят дополнениями к грамматике Лескина по Остромирову Евангелию, которые мы с Щепкиным задумали поместить как приложение к нашему переводу. Обо многом хотелось бы при этом поговорить, тем более, что уверен, что кое в чем мы со Щепкиным разойдемся» [9, с. 37].

В письме от 31 мая 1890 г. А. А. Шахматов снова подчеркивает, как важна ему связь с учителем. И на сей раз упоминается жена Ф. Ф. Фортунатова Юлия Ивановна, которая очень любила и опекала своего молодого коллегу (а позднее А. А. Шахматов, став уже академиком Императорской Академии наук, помогал вдове устраивать быт в далекой Косалме, где жил последние годы Ф. Ф. Фортунатов): «Очень я о Вас и об Юлии Ивановне соскучился и, если бы была возможность, хоть на один день поехал к Вам, к тому ж не имею совершенно никаких известий о Вас, кроме того, что Щепкин послал о Вашем переезде на дачу. Все время думаю о Вас, а последние две недели особенно, с тех пор как стал изучать Ваши лекции и пользоваться ими для восстановления основного пункта моего курса — языка общеславянского. [...] Может быть, Филипп Федорович, Вы напишете мне о себе и Юлии Ивановне два слова; очень обрадует меня и самая короткая Ваша записка» [9, с. 38—39].

Обычно немногословный, Ф. Ф. Фортунатов в этот раз откликнулся пространным письмом, в котором рассказал о событиях из личной жизни. Стилистика его текста выдержана в доверительной манере. Нам даже показалось, что Ф. Ф. Фортунатову свойствен лиризм (ведь в юные годы он писал очерки) — таким он открывался далеко не всем. И А. А. Шахматов в этом отношении был его сочувственным слушателем. Приведем начало его письма от 8 июня 1890 г. из Листвян, где отдыхал Ф. Ф. Фортунатов, в Губарёвку, имение Шахматовых в Саратовской губернии: «Дорогой Алексей Александрович! Спасибо Вам за письмо. Как видите, я не слишком медлю с ответом, хотя должен сознаться, что если бы не Юлия Ивановна, постоянно напоминающая мне о том, чтобы я не откладывал писем к Вам, то, пожалуй, по скверной привычке я оттянул бы мой ответ еще на некоторое время. Вот от Ульянова я получил письмо недели две тому назад, и я до сих пор не собрался ответить. Мы переехали на дачу 25 апреля, несколько позже, чем предполагали, так как Ю. И. была больна в половине апреля: у нее опять была болезнь горла, хотя и не такая жаба, как прошлым летом. Май провели мы здесь хорошо. Погода была, в общем, отличная, и мы очень много гуляли; неприятно было только то, что мне приходилось часто ездить в Москву на экзамены, но зато я остался доволен экзаменами в университете, а частично и в комиссии (именно выпуск (нынешнего) года был очень хорош, а прошлогодний гораздо хуже). В последний день мая я, возвращаясь из Москвы на дачу, мечтал об отдыхе (30 и 31 мая я был на экзаменах) и о том, как примусь опять за прерванные занятия, но на платформе ждало несчастье. Меня встретила Ю. И. с С[офьей] П[етровной] Бремер и ее детьми, а также, понятно, и с Оскаром [видимо, кличка собаки. — *O. H.*]; только что мы двинулись и еще не отошли от платформы, как большая собака из Листвян бросилась на Оскара, а в следующий момент, когда собаку сбили с Оскара и когда Оскар стал спасаться к Ю. И., которая сама была занята спасением маленькой дочери Софьи Петровны, собака впилась зубами в ногу Ю. И. Ю. И. упала и кричала от боли (это была ужасная минута). Мы сейчас же сели в пролетку, стоявшую у платформы (собака прибежала из Листвян с извозчиком), и отправились к себе на дачу, а по дороге заехали к знакомому доктору и взяли его с собою, так что сейчас же могли быть принятые необходимые меры. Рана на ноге у Ю. И. очень глубокая и до сих пор еще не зажила, хотя со вчерашнего дня есть улучшение. Вы понимаете, конечно же, при таких обстоятельствах не расположен заниматься; надеюсь, что на будущей неделе можно будет» [9, с. 39—40].

Это событие нашло живой отклик у А. А. Шахматова: с юных лет он чувствовал боль другого человека и всегда мучился этим беспокойством. Такая рефлексия выразилась в следующих ответных словах: «Меня очень обрадовало Ваше письмо, из которого знаю теперь кое-что о Вас, хотя случай

с Юлией Ивановной не выходит у меня из головы, и я не вижу из Вашего письма, чтобы опасность от раны совершенно миновала. Должно быть, минута, когда Юлия Ивановна упала на платформе, была ужасной... И к тому еще утешением не может служить уверенность в том, что доктор поможет, а не повредит своими лекарствами. Если бы Москва была немного ближе отсюда, я непременно собрался бы к Вам» [9, с. 41—42].

Даже эти небольшие, частью совсем бытовые, наброски показывают человеческие качества А. А. Шахматова, его голубиный характер. Удивительно, как такие тонкие душевые свойства уживались в нем с «творческой работой гениального ума» [10, с. 80], удивительной интуицией и яркой индивидуальностью мужественного человека, всегда отстаивавшего приоритеты в науке, неизменно цельного в своих духовных поисках. Переписка закаляла характер молодого ученого. По сути, в ней пестовались те идеи, которые позднее воплотились в научных трудах, где языковая личность А. А. Шахматова расцвела... «В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова» [10, с. 5]. Надеемся, что изучение его портрета в будущем может стать и предметом более тщательного лингвистического анализа.

Список библиографических ссылок

1. Академик А. А. Шахматов. 1864—1920 : сб. ст. и материалов / под ред. акад. С. П. Обнорского. С. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 476 с.
2. Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) / под ред. акад. Б. Д. Грекова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 408 с.
3. Макаров В. И. «Такого не быть на Руси прежде...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб. : Алетейя, 2000. 416 с.
4. Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2012. 600 с.
5. Масальская-Сурина Е. А. История с географией. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2019. 568 с.
6. Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию со дня рождения / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. 1040 с.
7. А. А. Шахматов — О. Брок. Переписка. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2021. 430 с.
8. Яковлев В. В. Материалы к биографии академика А. А. Шахматова. Т. 1. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 483 с.
9. Шахматов А. А. Избранная переписка : в 3 т. Т. 1 : Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 944 с.
10. Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. Петербург : Колос, 1922. 80 с.

В. Г. КУЛЬПИНА

Институт научной информации по общественным наукам РАН

(Москва, Россия)

vgrkulpina@mail.ru

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ШАХМАТОВА И СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВООБРАЗОВАНИЕ

В статье речь идет об отражении идей академика А. А. Шахматова в трудах других лингвистов, прежде всего в работах, посвященных классу местоимений. Представленный материал показал реализацию идей академика А. А. Шахматова в исследованиях современных языковедов и в учебных изданиях, что говорит о гениальности ученого, актуальности и витальности его трудов для современного языкоznания и лингвообразования.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, грамматическая семантика, местоимение, грамматическая категория, современное языкоzнание, лингвообразование, русский язык.

Kulpina Valentina Grigor'evna, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia
vgrkulpina@mail.ru

The legacy of Alexey Alexandrovich Shakhmatov and modern linguistics, lexicography and linguistic education

The article is devoted to reflection of A. A. Shachmatov's ideas in the works of contemporary linguists, first of all in the works on the class of pronouns. The article presents realization of A. A. Shachmatov's ideas in the works of contemporary linguists and in the didactic ones. It shows the genius of the scientist, actuality and vitality of his works for contemporary linguistics and linguistic education.

Keywords: A. A. Shachmatov, grammatical semantics, grammatical category, pronoun, contemporary linguistics, linguistic education, Russian language.

К трудам больших людей, проживших плодотворную, достойную жизнь в науке, оставивших след в трудах и умах лингвистов на столетия, всегда стоит возвращаться. У наших великих языковедов всегда можно обнаружить что-то интересное для своей работы, какие-то вехи и пунктиры для того, чтобы шагать дальше по пути научного познания.

В статье речь идет, прежде всего, о рефлексах мысли А. А. Шахматова в трудах современных лингвистов, которые, обращаясь к его наследию, находят для себя источник научного вдохновения, и источник этот, как показывает история языкоzнания, неиссякаем.

По случаю проведения петрозаводских Шахматовских чтений 2024 г. просто необходимо, хотя бы через упоминание, вернуться на 10 лет назад к грандиозному с любой точки зрения тому «**Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие**» [1]. Упомяну о нем в связи с тем также, что за прошедшие 10 лет от нас ушли такие замечательные авторы этого сборника, как Роза Павловна Рогожникова, оставившая нам эпохальный труд «Сводный словарь русской лексики», и Александр Сергеевич Герд — научный координатор «Большого академического словаря русского языка» (БАС3) [11]. От нас ушел и сам главный редактор БАС3 Константин Сергеевич Горбачевич (о БАС3 мы находим в этом сборнике массу интереснейшей информации). Через 10 лет после издания сборника и в год 160-летия со дня рождения ученого пришло время вновь вернуться к личности и трудам Алексея Александровича Шахматова. Этую миссию принял на себя северный город Петрозаводск.

В. В. Виноградов в предисловии к изданию трудов А. А. Шахматова от 1952 г. «Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке» показывает личностные и общественные смыслы языковедческого труда ученого: «А. А. Шахматов был прежде всего историком русского народа и его культуры по данным языка. [...] В связи с этими интересами находились и оригинальные исследования А. А. Шахматова по истории древнерусской литературы и древнерусского летописания. Ученик академика Ф. Ф. Фортунатова... А. А. Шахматов при изучении русского языка широко, смело и самостоятельно пользовался сравнительно-историческими

приемами исследования славянских языков, стремясь в то же время связать историю языков с историей народа. [...] А. А. Шахматов интересовался главным образом историей формирования русской народности — в связи с историей восточнославянских наречий и языков, историей русской государственности и историей русской интеллигентии в ее внеклассовом понимании. Эти проблемы в научной деятельности А. А. Шахматова тесно сплетались с вопросами истории русского литературного языка» [2, с. 3—4].

Широта интересов А. А. Шахматова не стала для него помехой в сосредоточении на глубинной лингвистической проблематике. Пример такого сосредоточения — раздел «Местоимение» в «Учении о частях речи» [10, с. 118—129] — как с точки зрения актуальности подхода ученого к этой части речи, так и в плане ее лексикографической и дидактической представленности в современных изданиях. Здесь А. А. Шахматовым дана следующая дефиниция класса местоимений: «Местоимение — это та часть речи, которая содержит названия личных, пространственных и количественных отношений — говорящего лица или субъекта предложения к другим субстанциям и явлениям» [10]. В дефиниции речь идет именно о том, что местоимения служат передаче отношения — личностного, пространственного и количественного — говорящего лица или субъекта предложения к другим сущностям. Местоимения с точки зрения современных подходов рассматриваются академиком Шахматовым в расширенном плане. Приведем некоторые примеры такого расширения. В класс местоимений включаются, к примеру, такие языковые единицы, как *ни один, кто другой, кто иной, что другое, никто другой*. В разделе встречается многое прономинальных единиц, которые не входят в традиционный, «канонический» состав класса местоимений или даны непоследовательно: иными словами, в каких-то толковых академических словарях представлены, в каких-то отсутствуют или показаны частично (например, местоимения *те, ти*, повсеместно употребляемые, часто остаются за рамками словарей). Нередко в словарях опускаются описания субстантивных функций местоименных прилагательных типа *мой, твой* и др. (например: *Все дети собрались. А где твой?* Или: *Сам-то дома?*). А. А. Шахматов в разделе «Местоимение» приводит немалое количество лексикографически до сих пор не закрепленных, не зафиксированных единиц. Иными словами, словарно эти местоименные единицы по-прежнему не инвентаризированы — несмотря на то, что в наши дни, трудами поколений языковедов, состав местоимений был значительно расширен, и многое написано о перспективах их лексикографической фиксации. Эволюция в современных подходах к местоимениям хотя бы в том, что границы этого класса воспринимаются уже не как непоколебимые, но, напротив, как нежесткие. Вместе с тем в состав лексикографически фиксируемых местоименных единиц до сих пор не включаются местоименные комплексы (состоящие из сочетаний местоимений разных классов или местоимений в сочетании с неместоименными лексемами, например *Эк тебя! Мы с тобой* и др. (см. об этом: [7, с. 111—135]), представленными у Алексея Александровича Шахматова в «Синтаксисе русского языка» [8]. Так, академик Шахматов пишет о семантике местоимения *мы* в его разнообразных преломлениях и о сочетаниях этого местоимения с другими лексемами: *Мы с тобой; Мы с ним; Мы с отцом*.

О расширительных границах класса местоимений у Шахматова, возможно, стоит говорить в том контексте, что идея нормализации языка не была *любимой идеей* А. А. Шахматова (см.: [2, с. 5]) — в фокусе его внимания, как можно заключить, находилось реальное словоупотребление русского языка его носителями и язык писателей. Именно такой язык должен содержать, по его представлениям, и новый словарь русского языка как словарь академического, не нормативного типа. Отсюда в класс местоимений Шахматовым включаются и неканонические употребления местоимений типа *то-то, сё-то, такой-сякой*, характерные для разговорной речи, которые тем не менее являются неотъемлемой частью нашей языковой жизни.

Труды академика Шахматова повсеместно используются в университетских учебных изданиях. Более того, он задал круг решаемых проблем, в частности, касающихся класса местоимений и местоименной семантики. А. А. Шахматовым в «Синтаксисе русского языка» обсуждаются вопросы прономинализации ряда лексем (см. [8]), таких как *друг, человек, женщина, господин, гражданин, товарищ, брат, братец* и др. Обращаясь к этому труду Шахматова, О. П. Ермакова в книге «Местоимения в русском языке» [4] (см. о книге: [5, 6]) затрагивает аспект десемантизации слова *человек* в позиции предиката (*он несносный человек*). Она детализирует функции таких слов, как *человек, вещь, существо* и подобные им, следующим образом: «десемантизированные слова в составе сказуемого представляют собой “структурные подпорки”, без которых полная форма прилагательного не всегда занимает предикативную позицию» [4, с. 49]. При этом она подчеркивает (на примере семантически опустошенного прилагательного *данный* в контексте *в данных условиях, при данной ситуации*), что «семантическая опустошенность и прономинализация — неидентичные явления» [4, с. 49]. Стоит отметить, что прономинализированная семантика существительного *человек* зафиксирована в толковых словарях современного русского языка (в «Малом академическом словаре русского языка» [14, с. 61], «Большом толковом словаре русского языка» [12, с. 1470], «Большом универсальном словаре русского языка» [13, с. 1383]) в качестве третьего значения. Таким образом, проблематика прономинализации, выдвинувшаяся А. А. Шахматовым, в данном случае реализована как в лексикографических, так и в учебном изданиях.

Целую россыпь цитат из «Синтаксиса русского языка» А. А. Шахматова [8] и из «Очерка современного русского языка» А. А. Шахматова [9] с их широким обсуждением мы находим в учебном пособии В. Б. Евтюхина «Местоимение» [3], в котором освещаются разнообразные аспекты подхода А. А. Шахматова к местоименной системе. В. Б. Евтюхин в каких-то случаях использует цитаты из А. А. Шахматова для подкрепления своей аргументации, но нередко и полемизирует с его высказываниями. В издании рассматриваются базовые вопросы местоименной грамматической семантики, как-то: **1. Местоимения как часть речи и их объем.** В. Б. Евтюхин акцентирует внимание на делении А. А. Шахматовым местоимений на склоняемые и несклоняемые. Примечательно, что А. А. Шахматов относит эти типы местоимений к разным частям речи [3, с. 7]). В любом случае склоняемые и несклоняемые местоимения разительно отличаются друг от друга своей категориальной спецификой, и такое «расщепление» класса *pronomina* имеет под собой основания. **2. Грамматические категории местоимений.** Как подчеркивает Е. В. Евтюхин, грамматические категории местоимений, по А. А. Шахматову, «служат в языке для обозначения отношений» [3, с. 18] и по своему типу «выражают самостоятельные грамматические категории» [Там же]. **3. Возвратно-притяжательные и лично-притяжательные местоимения.** В. Б. Евтюхин ссылается на мнение А. А. Шахматова о том, что свободное чередование возвратно-притяжательных форм с лично-притяжательными (*твои/свои*) вряд ли возможно. Более того, «замена лично-притяжательных местоимений на *свои* и обратно может приводить к определенным изменениям в семантике предложений» [3, с. 35]. Делается вывод: в ситуации выбора между формой *свой* и лично-притяжательными местоименными формами «предпочтение последних означает подчеркивание более тесного, более “личного” отношения принадлежности» [3, с. 35—36]. **4. Проблема дифференциации употребления лексем «кто» или «что» в зависимости от стоящих за ними внеязыковых объектов.** Ссылаясь на А. А. Шахматова, В. Б. Евтюхин пишет, что «наиболее распространенным является толкование, в соответствии с которым *кто* относится к людям и животным, а *что* — только к предметам и явлениям» [3, с. 41], уточняя: «слово *что* может применяться и по отношению к животным и особенно по отношению к мелким живым существам (комарам и пр.) [...] наиболее отчетливой зоной семантического противопоставления местоимений *кто* и *что* является противопоставление людей и предметов (явлений, событий)» [Там же]. В подтверждение тезиса, что относительные местоимения *кто* и *что* (в отличие от вопросительных) способны сочетаться с глаголами

множественного числа, В. Б. Евтюхов приводит пример из Шахматова: (*Люди, что стояли на берегу, увидели, наконец, утопающих*)» [Там же]. Рассуждая о сочетаемости местоимений ряда *что*, В. Б. Евтюхин приводит по этому поводу цитату из «Синтаксиса...» А. А. Шахматова: «Предметное *что* вызывает неизменно представление о среднем роде, к какому бы предмету или животному оно ни относилось: *дай почитать что-нибудь, что-то возится в комоде* (мышь или таракан)» [8, с. 496, цит. по: 3, с. 68]. На основе проведенного анализа, в том числе путем обращений к трудам А. А. Шахматова, В. Б. Евтюхин подытоживает свои рассуждения по поводу категории рода у некоторых типов местоимений: «местоимения ряда *что*, как и местоимения ряда *кто*, а также местоимения *я* и *ты* родом обладают. Но это не морфологический род, точнее говоря, не выражаемый с помощью морфологических средств. Вместе с тем род, обозначающийся с помощью местоимений, также относится к грамматической сфере языка» [3, с. 71]. Высказывание А. А. Шахматова привлекается как аргумент и при анализе категории рода в широком смысле: «Еще А. А. Шахматов отмечал, что в рамках местоимений семантическое противопоставление живого — неживого, свойственное существительным, смещается в сторону противопоставления лица — не лица» [3, с. 76]. И далее приводится цитата из Шахматова: «Это деление проводит резкое различие между лицами и не лицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к не лицам относятся и животные, и предметы и явления» [8, с. 495, цит. по: 3, с. 76]. Вместе с тем, как указывает В. Б. Евтюхин, относительное *что* способно соотноситься с лицами (далее дается пример из А. А. Шахматова: *Люди, что стояли на берегу...*)» [8, с. 498, цит. по: 3, с. 76]. **5. Местоименные предикативы, способные выступать исключительно в качестве сказуемого.** Ссылаясь на А. А. Шахматова, В. Б. Евтюхин иллюстрирует употребление местоименных предикативов шахматовскими примерами (из раздела «Предложения местоименные»), см.: «*Она того, да я не того... Это уж, моя милая, не тово... я из-за тебя лоб подставлял* (Писемский)» [8, цит. по: 3, с. 60]. **6. Другие обсуждаемые аспекты.** Среди таковых: особенности денотации местоимений *я* — *мы* и *ты* — *вы*; употребление местоимений *всяк* и *всяко* и др.

В статье нам удалось осветить лишь некоторые аспекты обращений современных нам исследователей к шахматовскому наследию. Тем не менее, осмыслив цитацию, можно сказать, что раздел «Местоимение» у Алексея Александровича Шахматова представляет собой актуальный исследовательский материал, к которому стоит обращаться на нынешнем этапе научного освоения класса местоимений. Теоретические интеллектуальные достижения академика Шахматова в изучении этой части речи получают углубленную детализацию в университетских учебных курсах. Можно сделать вывод, что труды А. А. Шахматова и в наши дни служат для исследователей точкой отсчета, вектором направления исследований, мерилом их достоверности и надежности.

Представленные аспекты реализации идей академика А. А. Шахматова в современности, рефлексы его идей в прикладных изданиях говорят о гениальности ученого, актуальности и витальности его трудов для современного языкознания, лексикографической мысли и лингвообразования.

Список библиографических ссылок

1. Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие» (к 150-летию со дня рождения) / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. 1040 с.
2. Виноградов В. В. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 3—26.
3. Евтюхин В. Б. Местоимение : учебное пособие. СПб. : Изд-во С-Петербург. у-та, 2001.104 с. (Материалы к курсу «Современный русский язык. Морфология»).
4. Ермакова О. П. Местоимения в русском языке : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2018. 80 с.

5. *Кульпина В. Г.* Рец. на кн.: Ермакова О. П. Местоимения в русском языке : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2018. 80 с. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 3. С. 195—202.
6. *Кульпина В. Г.* Семантика и прагматика класса местоимений в трудах Ольги Павловны Ермаковой // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней : доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой / редкол.: Ерёмин А. Н. (отв. ред.) и др. Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского. С. 181—187.
7. *Кульпина В. Г.* Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 111—135.
8. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941а. 620 с.
9. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского языка. 4-е изд. М. : Учпедгиз, 1941б. 288 с.
10. *Шахматов А. А.* Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1952. 272 с.
11. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2004— .
12. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
13. *Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М.* Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М. : Словари XXI века ; АСТ-ПРЕСС школа, 2016. 1456 с.
14. Малый академический словарь русского языка / АН СССР ; под ред. А. П. Евгеньевой. Т. IV. М. : Рус. яз., 1984. 794 с.

О. С. ИЛЬЧЕНКО
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
o.ilchenko@spbu.ru

НАСЛЕДИЕ А. А. ШАХМАТОВА И КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПАДЕЖА

В статье анализируется вклад А. А. Шахматова в общую теорию падежа. Особое внимание уделяется новаторским взглядам академика, в которых намечается когнитивный подход к грамматическим структурам: выделение релятивного дополнения и описание общих падежных значений, в основе которых лежат пространственные представления. Статья способствует пониманию важности «Синтаксиса русского языка» Шахматова в развитии лингвистических теорий и непрекращающей актуальности этого труда для современных исследований.

Ключевые слова: центральный и периферический синтаксис, релятивное дополнение, пространственные отношения, общее значение падежа.

Ilchenko Olga Sergeevna, Saint Petersburg State University, Russia
o.ilchenko@spbu.ru

The legacy of A. A. Shakhmatov and the cognitive theory of case

The article analyzes the contribution of A. A. Shakhmatov to the general theory of case. Special attention is paid to the innovative views of the academician, which outline a cognitive approach to grammatical structures: the allocation of a relational object and a description of the general meanings of cases based on spatial representations. The article contributes to understanding the importance of Shakhmatov's "Syntax of the Russian language" in the development of linguistic theories and the enduring relevance of this work for modern research.

Keywords: central and peripheral syntax, relational object, spatial relations, general meaning of case.

Введение. Падеж имени существительного — одна из краеугольных категорий грамматики. Вся многовековая история мировой лингвистики свидетельствует о том, что, несмотря на серьезный вклад многих исследователей в разработку теории падежа, мы все еще далеки от понимания ее истинной сущности (подробнее об этом в [6]). Представляется, что современная теория падежа не может быть некогнитивной. Причем когнитивный подход к фактам языка, по нашему глубокому убеждению, не исключает и других методов исследования.

В отечественном языковедении наибольший вклад в общую теорию падежа внесли ученики и последователи Ф. Ф. Фортунатова, развивавшие идеи своего учителя [2]. Одним из таких талантливых учеников был Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), профессор Санкт-Петербургского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

«Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова. Любой грамматист, исследующий категории предложения (особенно в их историческом развитии), так или иначе сталкивается с проблемами падежной теории. Не избежал этой участи и Шахматов, когда работал над своим «Синтаксисом русского языка» (1925). В этой книге, как верно указывает В. В. Колесов, «заметны следы приближения к когнитивной грамматике» [7, с. 823], «единство языка и мышления Шахматов показывает на соединении двух величин: языка с его когнитивной функцией познания и речи с ее коммуникативной функцией сознания» [Там же, с. 829]. О когнитивном подходе Шахматова к фактам языка свидетельствует уже данное им в первом абзаце книги определение синтаксиса как части грамматики, «которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове (курсив наш. — О. И.), иначе — в совокупности внешних звуков, воспроизводимых органами речи и воспринимаемых слухом» [10, с. 17].

Источники труда. В качестве источников выдающегося (хотя и незаконченного) труда Шахматова можно назвать работы зарубежных лингвистов (младограмматики Б. Дельбрюк, Г. Пауль и др.) и отечественных ученых (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. М. Пешковский и др.). «Влиятельные немецкие коллеги, еще не сокрушенные феноменологизмом Э. Гуссерля, неизбежно воздействовали на Шахматова (он повторяет их утверждения)» [7, с. 827], — констатирует В. В. Колесов. Вдохновленный работами младограмматиков, идеями «речемысли» Потебни, синтаксическими трудами Овсянко-Куликовского и Пешковского, Шахматов как исследователь «способов

обнаружения мышления в слове» направил свои усилия на развитие *концептуальной базы* формально-грамматического направления Фортунатова. Подробно разрабатывая *план содержания* лингвистического знака, ученик Фортунатова стал у истоков формирования современного подхода к лингвистическим явлениям, который получил название когнитивной (*пространственной/топологической*) лингвистики [3, с. 122]. Для Шахматова, создававшего свой «Синтаксис» не без влияния работы Пешковского, языковая техника — морфология — подчинена *семантической системе языка* [2]. Шахматов настаивал на том, что грамматические различия в конечном счете восходят к различиям «семасиологического» порядка, которые представляют «более глубокие основания» для различия [10, с. 427].

Учение о падежах. Шахматов собирался развернуть учение о падежах во всей полноте в разделе «Учение о частях речи» [10, с. 313], но не успел... Тем не менее некоторые вопросы падежной теории были предварительно рассмотрены им в разделе «Дополнение. Простое дополнение».

Основные понятия. Излагая синтаксическую теорию, Шахматов использует когнитивно заостренную философскую терминологию: «субстанция», «признак» (активный и пассивный), «представление» (зависимое, независимое, сложное), «отношения» (объектные и субъектные, зависимые). С помощью нее описываются критерии разграничения членов предложения. Так, дополнение — это зависимое представление о субстанции (или субстантивированном явлении), а обстоятельство — зависимое представление о признаке [10, с. 313]. Объектные отношения описываются с опорой на «процесс мышления», который «соединил в одно сложное представление, сблизив их между собою, два по существу своему друг от друга независимые представления. Здесь возникают объектные отношения, которые по своему существу являются отношениями между двумя субстанциями, из которых одна ставится в зависимые отношения к другой, становится объектом при субъекте. При этом возможно большее или меньшее осложнение таких отношений» [10, с. 310]. Исходя из указанных отношений, Шахматов дает описание общих значений падежей (см. ниже).

О структуре предложения. Очень важный шаг Шахматов сделал при рассмотрении структуры предложения. В иерархии членов предложения ученый выделяет *релятивное дополнение*, сближая его с обстоятельством [10, с. 311], что соответствует современному понятию *периферического (внешнего) синтаксиса* [4] и *периферийной синтаксической позиции*. Зависимость от предлога создает устойчивые предложно-падежные формы, которые долгое время и были единственными грамматическими выражениями релятивных связей — на конкретном уровне [7]. Таким образом, различая прямое, косвенное и релятивное (относительное) дополнения, Шахматов фактически разделяет *центральный (внутренний) синтаксис* (= актанты Л. Теньера [9]), ядром которого является переходная конструкция с прямыми и косвенными дополнениями, и *периферический (внешний) синтаксис* с релятивными дополнениями и обстоятельствами (= сирконстанты Л. Теньера [Там же]) — см. табл. 1.

Структура предложения

Таблица 1

Виды дополнений по А. А. Шахматову [10]	Уровни синтаксической структуры
Прямое дополнение	Центральный (внутренний) синтаксис = актанты Л. Теньера
Косвенное дополнение	
Релятивное (относительное) дополнение и обстоятельство	Периферический (внешний) синтаксис = сирконстанты Л. Теньера

Это разграничение крайне важно, поскольку падежная форма по-разному проявляет себя на различных уровнях синтаксической структуры предложения [6, с. 140]. И это необходимо учитывать всем, кто изучает вопросы падежной семантики. Предложенное Шахматовым **решение вопроса**

о соотношении предложных и беспредложных падежных форм имеет принципиальное значение для теории падежа.

Значения падежей. Рассматривая падежи в своей главной функции — как выразители дополнения — ученый представляет первое разграничение — падежи исконно *приименные* и *приглагольные*, справедливо отмечая, что падежи *приадъективные* возникли, как кажется, под влиянием падежей приименных и приглагольных [10, с. 313].

Приименным падежом является родительный, показывающий непосредственное сближение представлений о субстанциях: одна из них становится объектом. Род. п. обозначает «зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей», а различные «оттенки в значении» (в следующем разделе, посвященном родительному приименному, Шахматов их перечисляет и приводит примеры) обусловлены различными «возможными отношениями» между существительными (предметами или лицами и их признаками) [10, с. 313—314]. В более поздней классической статье Э. Бенвениста, посвященной анализу падежных функций, в частности латинского генетива [1, с. 164], виртуозно доказано, что генетиву¹ действительно присущее единственное «грамматическое» значение «зависимости» или «определения» («детерминации»), все остальные значения являются производными от этого основного значения.

Приименное употребление других падежей вызвано, по Шахматову, употреблением их при глаголах (Д. п. и Тв. п. встречаются преимущественно после отглагольных существительных) [10, с. 314].

Более сложны отношения, когда субстанция становится в объект при посредстве представления о признаке активном (выраженном глаголом) или пассивном (выраженном прилагательным) [Там же, с. 311]. *Приглагольные* падежи, по Шахматову, являются, с одной стороны, выразителями зависимого состояния субстанции, с другой стороны, обнаруживают на себе природу активного признака (см. табл. 4), видоизменяющего эту субстанцию [Там же, с. 314]. В самом деле, ведь термину *глагол*, как считал А. А. Потебня, соответствует *сила, свойство вещи*, познаваемое по отражению на других вещах (объектах) [7].

Это общее определение *приглагольных* падежей воплощается затем в описании их *основных значений* (см. табл. 2).

Таблица 2
Приглагольные падежи (по А. А. Шахматову) [10]

Падеж	Обнаружение природы активного признака
В. п.	Глагольный признак распространяет свое действие на всю зависимую от него субстанцию
Собственно Р. п.	Глагольный признак распространяет свое действие только на часть или на поверхность зависимой субстанции
Р. п. (< Отл. п.)	Глагольный признак отражается, отскакивает, удаляется от зависимой субстанции
Д. п.	Глагольный признак направляется к зависимой субстанции, но не достигает ее
Тв. п.	Признак испытывает на себе действие зависимой субстанции и таким образом влияет отраженно на объект, производителя признака ²
Старый М. п.	Обозначает зависимую субстанцию в пределах, внутри или на поверхности которой обнаруживается действие признака

Таким образом, в определении **первоначальных значений падежей** ученый (вслед за Б. Дельбрюком) исходит из *пространственных отношений*, считая, что, хотя «первоначальное значение с течением времени сильно видоизменялось и разнообразилось», «основные черты обнаруживаются и теперь» [10, с. 314] в современном русском языке. Как и младограмматики, Шахматов придерживался локалистических взглядов на происхождение падежей.

Употребление и возникновение падежей, по Шахматову, «явились на почве объективных отношений названий субстанций к названиям субъектов, но в ряде случаев объективные отношения между сочетавшимися словами стирались, уступали место другим отношениям, а между тем падежные формы оставались ненарушенными и продолжали свое существование» [10, с. 312]. Сейчас мы знаем, что в основе разветвления основного значения лежит метафора [11].

О падежных окончаниях. Интересно, что переход в зависимую форму Шахматов трактует как «результат расподобления существительного в объекте существительному в субъекте, которое является в форме независимой» [10, с. 310]. А вот «приобретение зависимою формой того или иного падежного окончания должно быть отнесено на счет влияния на нее названия признака; по самой идее можно допустить, что мы имеем здесь дело с уподоблением названия зависимой субстанции от господствующего над нею признака; но проследить происхождение падежных окончаний генетически и поставить его в связь с такой идеей не так просто; во всяком случае мы в настоящем случае воздержимся от всякой попытки в этом направлении» [Там же].

Заключение. К сожалению, из-за незавершенности труда мы не можем увидеть учение Шахматова о падежах во всей полноте. Нам остается по крупицам собирать его ценные идеи и размышлять о том, в каком направлении двигался его пытливый ум филолога. Принципы исследования, завещанные Шахматовым и его единомышленниками лингвистам последующих поколений, не потеряли своей актуальности и в наше время: 1) историческое изучение языка; 2) выход за пределы русского языка (привлечение других языков: славянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков в целях исторической реконструкции древнейших судеб русского языка и народа); 3) внимание к проблемам языка и сознания, языка и мышления, языка и познавательной деятельности человека; 4) связь грамматических категорий с коммуникацией [5]. Таким образом, две ведущие функции языка — *когнитивная* и *коммуникативная* — остаются и должны оставаться в центре внимания исследователей.

Примечания

¹ Используем отличное от источника латинское написание «генетив (Genetivus)», чтобы отличать этот падеж от функционально более сложного генитива (Genitivus) в древнегреческом языке.

² Шахматов отметил специфику дополнения в Тв. п. (в отличие от дополнений в Р. п., В. п. и Д. п.), указав, что оно обозначает представление, способствующее развитию глагольного признака, видоизменяющее или определяющее его проявление [10, с. 340].

Список библиографических ссылок

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
2. Ильченко О. С. Категория падежа в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его учеников (А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др.) // Фортунатовские чтения в Карелии : сборник докладов международной научной конференции (10—12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск) / науч. ред. Н. В. Патроева : в 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск, 2018. С. 49—52.
3. Ильченко О. С. Концептология профессора В. В. Колесова как синтезирующее направление когнитивной лингвистики (к 90-летию со дня рождения ученого). DOI <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-119-124> // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 119—124.

4. Ильченко О. С. Одушевленность / неодушевленность в структуре предложения. СПб. : Нестор-История, 2011. 148 с.
5. Ильченко О. С. «Откуда есть пошла» когнитивная лингвистика (из истории отечественной лингвистической мысли) // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации : сборник научных статей / сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2023. С. 9—12.
6. Ильченко О. С. Пространственные представления как основа категории падежа: датив в русском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 135—141. DOI: 10/20916/1812-3228-2017-3-135-141.
7. Колесов В. В. Учение А. А. Шахматова о предложении с точки зрения когнитивистики // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сборник статей к 150-летию ученого. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 823—843.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М. : Учпедгиз, 1958. 536 с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1998. 656 с.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
11. Janda L. A., Clancy S. J. The Case Book for Russian. Bloomington : Slavica, 2002.

А. В. ПЕТРОВ

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

(Архангельск, Россия)

a.petrov@narfu.ru

СИСТЕМА БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ А. А. ШАХМАТОВА

В статье рассматривается систематизация безличных предложений современного русского языка, разработанная академиком А. А. Шахматовым в его фундаментальном труде «Синтаксис русского языка». Современные классификации безличных конструкций так или иначе совпадают с предложенными А. А. Шахматовым принципами и способами систематизации данных синтаксических единиц. Особое внимание в статье обращается на представление системы безличных предложений в виде функционально-семантического поля моноцентрического типа.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, односоставные предложения, безличные предложения, классификация, функционально-семантическое поле.

Petrov Andrey Vasilievich, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia
a.petrov@narfu.ru

The system of impersonal sentences of the modern Russian language in the light of A. A. Shakhmatov's syntactic teaching
The article examines the systematization of impersonal sentences of the modern Russian language, developed by academician A. A. Shakhmatov in his fundamental work “Syntax of the Russian language”. Modern classifications of impersonal constructions somehow coincide with the principles and methods of systematization of these syntactic units proposed by A. A. Shakhmatov. Special attention is paid in the article to the representation of a system of impersonal sentences in the form of a functional-semantic field of a monocentric type.

Keywords: A. A. Shakhmatov, one-part sentences, impersonal sentences, classification, functional and semantic field.

В предисловии к переизданию «Синтаксиса русского языка» академика А. А. Шахматова профессор Е. В. Клобуков отмечает: «Шахматов был мастером открытых классификационных схем: он оставлял после себя не классификационный тупик в виде “закрытия” изучаемого вопроса, а открытые перспективы, простор для дальнейшего изучения материала. Внимательный читатель найдет для себя в книге Шахматова множество таких перспектив» [2, с. VI]. Невозможно не согласиться с этим утверждением. Рассмотрим, какие перспективы открывает шахматовское учение для классификации безличных предложений современного русского языка.

А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» противопоставил двусоставные и односоставные предложения, дал их развернутую систематизацию. Односоставные предложения по природе главного члена он разделил: 1) на подлежащные, 2) бесподлежащие, 3) вокативные и 4) безличные. Остановимся подробней на его классификации безличных предложений.

Главный член безличных предложений, по А. А. Шахматову, «соответствует сочетанию представления о признаке с представлением о бытии, существовании» [10, с. 87], поэтому такие предложения «являются экзистенциальными», так же как подлежащие односоставные предложения.

Безличные предложения — «это предложения не субстанциональные» [10, с. 87], в противовес бесподлежащим и вокативным, в то время как подлежащие «могут быть и субстанциональными, и не субстанциональными, ввиду того что имя существительное означает не только субстанции, но и признаки» [10, с. 87]. При этом ученый предлагает остановиться на такой терминологии: «подлежащие (различив здесь конкретные, т. е. личные, и абстрактные, т. е. безличные), бесподлежащие личные и бесподлежащие безличные» [10, с. 87].

Безличные предложения А. А. Шахматов делит: 1) на спрягаемо-глагольные, 2) инфинитивные, 3) причастные, 4) наречные и 5) междометные [10, с. 87]. К междометным безличным предложениям А. А. Шахматов относит предложения с главным членом — междометием: *Крышка! Баста! Каюк!* [10, с. 117].

Спрягаемо-глагольные безличные предложения по синтаксическим связям первоначально подразделяются: 1) на предложения без дополнения и 2) предложения с дополнением. Первые, названные собственно-безличными, по форме главного члена делятся на предложения, главный член которых выражен: 1) непереходным невозвратным глаголом (*Рассветало*); 2) возвратным глаголом (*Смеркалось*); 3) переходным глаголом без прямого дополнения (*В один день свернуло*) [10, с. 92]. Далее каждая группа глаголов классифицируется по семантическим признакам: бытие, существование, состояние; явления природы; стихийные явления; внутренние физические ощущения и изменения в направлениях организма; ощущения от физических явлений; психические переживания человека; действия, произведенные не указанным производителем; расположность субъекта к тому или другому действию.

Предложения, в которых при главном члене имеются дополнения, классифицируются по падежной форме дополнения: 1) дополнение в винительном падеже, выражающее субъект, испытывающий на себе действие предиката (*Все небо обложило*); 2) дополнение в дательном падеже, выражающее субъект, переживающий действие предиката (*Тебе примерещилось*); 3) дополнение в творительном падеже, выражающее производителя действия, выраженного предикатом (*Бурею корабль разбило*) [10, с. 95]. Далее в группах дается семантическая классификация, подобная той, что используется в собственно-безличных предложениях.

Особо рассматриваются предложения с дополнением в родительном падеже при безличном глаголе, которые делятся на утвердительные (*Денег хватило*) и отрицательные (*Воды не стало*). Такие предложения А. А. Шахматов называет двучленными безличными односоставными [10, с. 98]. При этом отмечается, что главный член в них выражен грамматически неразложимым сочетанием безличной формы глагола с родительным падежом существительного или местоименного существительного [10, с. 119].

Выделяет ученый безличные спрягаемо-глагольные предложения с составным глагольным членом, выраженным вспомогательным глаголом в соединении с инфинитивом (*Начинало смеркаться*) или наречием (*Стало грустно*) [10, с. 101].

Инфинитивно-глагольные безличные предложения подразделяются на осложненные 3-м лицом вспомогательного глагола *быть* (*К чему было говорить*) и с одиночным инфинитивом (*Тебе несдобровать*) [10, с. 104—105].

Причастно-глагольные безличные предложения делятся на предложения с главным членом, выраженным: 1) страдательным причастием от переходного глагола (*Не думано и не гадано*); 2) страдательным причастием от непереходного глагола (*Было похожено*) [10, с. 112].

Наречные безличные предложения распределяются по грамматической природе наречий: 1) наречия от основы прилагательного (*Тепло*); 2) наречия, восходящие к именительному падежу существительного (*Недосуг*); 3) наречия, произведенные от косвенных падежей существительного и прилагательного (*Примером*); 4) наречия от местоименной основы и местоимения (*Ничего; Так*); 5) наречия, восходящие к глагольным формам (*Небось*); 6) наречные сочетания (*Должно быть*) [10, с. 114—117].

В системе А. А. Шахматова выделяются и так называемые двусоставные безличные предложения, в которых рядом с безличным глаголом имеется «другой независимый от него состав, содержащий свой главный член, не согласованный с безличным глаголом» [10, с. 98]. Он относит их к двусоставным несогласованным предложениям, подразделяя их: 1) на субстантивные (*Прошло год*), 2) количественно-именные (*Четверть часа прошло*) и 3) инфинитивные (*Приходилось идти*).

Рассуждая о статусе инфинитива в предложениях типа: *уехать не удастся, кататься весело*, ученый не называет его подлежащим, а спрягаемый глагол и наречие сказуемым, он предлагает использовать такие термины: главный член господствующего состава (*уехать, кататься*) и главный член зависимого состава (*не удастся, весело*) [10, с. 133].

Инфинитивные двусоставные несогласованные предложения подразделяются: 1) на глагольные (*Не удалось повеселиться*); 2) наречные (*Надо говорить*); 3) субстантивные (*Твое дело слушаться*); 4) местоименные (*Нечего сказать*). При этом различаются препозитивность и постпозитивность инфинитива [10, с. 145].

К двусоставным несогласованным А. А. Шахматов относит также предложения тождества (*Жениться — перемениться*), однако они не имеют отношения к современной системе безличных предложений.

По А. А. Шахматову, «безличный глагол может рассматриваться как выражение предиката при субъекте, выраженном другим предложением», соединенным посредством сочинения (паратаксис) (*Не мимо говорится: пришла беда, отворяй ворота*) или подчинения (гипотаксис) (*Бывает, что...; Чудилось, что...*) [10, с. 98].

Следует отметить богатство и разнообразие иллюстративного материала в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова, который стремился охватить русский язык «во всем его разнообразии, во всей совокупности устных и письменных его проявлений» [10, с. 10].

Рассмотрим, каким образом шахматовская систематизация отразилась на классификации безличных предложений современного русского языка.

Можно выделить три подхода к классификации: структурный, семантический, а также комбинированный — структурно-семантический. Авторы одних классификаций стремятся к более широким обобщениям, сводя типы безличных предложений к минимуму, другие классификации, наоборот, отличаются дробностью, в них учитываются малейшие отличия между разными проявлениями безличности.

При структурном подходе выделяются следующие классификации.

Е. М. Галкина-Федорук по форме предиката разбивает безличные предложения на 2 группы: безличные предложения с глагольным сказуемым и безличные предложения с именным сказуемым и именным сказуемым в сопровождении инфинитива; к первой группе относятся предложения, сказуемые которых выражены возвратными или невозвратными глаголами в форме безличности, глаголами бытия, существования в сочетании с родительным падежом, формами инфинитива и краткой формой страдательных причастий; ко второй группе — предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами на *-о* и безлично-предикативными словами с формами существительных [1, с. 127—128].

П. А. Лекант предлагает подробную структурную классификацию безличных предложений по способу выражения вещественного и грамматического значений, выделяя синтетический (безличный глагол или глагольный фразеологизм, личный глагол в безличной форме и бытийный глагол) и аналитический способы, при последнем различаются предложения с двухкомпонентными (модальный или фазисный глагол + инфинитив, глагол-связка + именной компонент) и трехкомпонентными (глагол-связка + именной компонент + инфинитив) главными членами [3, с. 86—90].

При семантическом подходе выделяются следующие классификации.

Ю. С. Степанов утверждает, что у безличных предложений имеются 4 собственные семантические сферы: 1) стихийные явления природы (*Светает; Дождит*); 2) стихийные явления организма, внутреннего мира и психики человека (*Мне больно; Меня знобит; Мне думается*); 3) сфера модальности (*Надо; Необходимо*); 4) значения существования, наличия (*Случилось так, что...*) [8, с. 273].

По способу представления носителя предикативного признака (или семантического субъекта) О. А. Сулейманова подразделяет безличные модели на пространственные, дативные и объектные [9, с. 18].

Структурно-семантический подход характерен для учебной литературы. Так, учебник А. Г. Руднева содержит очень подробные структурную (по способу грамматического выражения — 8 подгрупп) и семантическую (по смысловым функциям — 4 группы, в которых выделяются подгруппы) классификации [5, с. 49—52]. В учебном пособии Е. С. Скобликовой дается структурная классификация по форме сказуемого (глагол, категория состояния, глагол или категория состояния с инфинитивом), внутри каждой группы характеризуются семантические особенности [6, с. 116—123].

В учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова предлагается подробная семантическая классификация (действие неопределенного деятеля, стихийной силы, состояние природы и окружающей среды, физическое и психическое состояние человека, состояние, обусловленное отсутствием чего-либо, оценка действия), в то время как структурная классификация дается очень кратко (формы сказуемого: глагол, причастие, категория состояния), особо оговаривается лишь способность инфинитива входить в состав сказуемого [7, с. 97—101].

Систему безличных предложений можно представить как функционально-семантическое поле (ФСП)monoцентрического типа. Анализ языкового материала позволил нам выделить следующие структурно-семантические разновидности русского безличного предложения [4, с. 184—185]:

- 1) бессубъектные: *Смеркается. Морозно;*
- 2) локативно-субъектные: *В лесу тихо. В трубе гудит. В ухе звенит;*
- 3) дативно-субъектные: *Мне нездоровится. Ему плохо. Ей горе;*
- 4) объектно-субъектные: *Развезло дорогу. Меня подбросило. Видно деревню;*
- 5) инструментально-субъектные: *Веет прохладой. Ветром сорвало крышу. Лицо перекосило судорогой;*
- 6) неопределенно-субъектные: *Под столом зашуршало. Приказано идти;*
- 7) безлично-результативные: *Славно спето. Так получилось. Вышло хорошо;*
- 8) инструментально-тематические: *С хлебом туга. С пенсиею не выходит. С парнем беда;*
- 9) безлично-генитивные: *Нет ветра. Не оказалось книги. Народу понаехали;*
- 10) безлично-модальные: *Нам надо ехать. Ему хочется спать. Ей не до разговоров;*
- 11) безлично-оценочные: *Мне трудно говорить. Ей приятно слушать.*
- 12) контактно-относительные: *Мне кажется, что... Известно, что... Получается, что...*

Как видим, ядерные — бессубъектные — варианты противопоставляются всем остальным, в которых субъект действия или состояния так или иначе представлен (способом его представления различаются варианты 2—6).

Следует расширить ядро ФСП за счет вариантов 2, 3, которые представляют наиболее типичные безличные конструкции со статальной семантикой, ближнюю периферию поля составляют варианты 4, 5 с семантикой стихийного действия.

Вариант 5 представлен только глагольными по структуре предложениями, вариант 11 — только именными, в то время как остальные варианты могут быть выражены и глагольными, и именными конструкциями. Облигаторным компонентом двух вариантов 10, 11 является зависимый инфинитив, примыкающий к форме безличности, его использование также возможно в варианте 6. Вариант 12 реализуется только в сложноподчиненном предложении с безличной главной частью.

Особенность данного ФСП заключается в том, что его ядро составляют предложения, в которых безличность представлена в наиболее чистом, идеальном, концентрированном виде, однако подобные структуры не отличаются разнообразием и являются наименее употребительными и частотными в речи по сравнению с другими вариантами, кроме широко употребляемого варианта 3. Вместе с тем на периферии системы находятся самые частотные и разнообразные по структуре и семантике конструкции (9—12), причем самые далекие от центра варианты — безлично-оценочные и контактно-

относительные предложения — находятся в зоне переходности между односоставными и двусоставными конструкциями, в них наименее ощутима безличная семантика, ее признаки разрежены.

Как видим, многие классификации, формулировки параметров классификаций так или иначе совпадают с предложенными академиком А. А. Шахматовым принципами и способами систематизации русских безличных предложений.

Список библиографических ссылок

1. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М. : МГУ, 1958. 332 с.
2. Клобуков Е. В. У истоков коммуникативной грамматики русского языка // Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. III—VI.
3. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 2-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1986. 176 с.
4. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка : монография. Архангельск, 2007. 295 с.
5. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М., 1968. 320 с.
6. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М. : Просвещение, 1979. 236 с.
7. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
8. Степанов Ю. С. Личности-безличности категории // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 272—273.
9. Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М. : Диалог-МГУ, 1999. 222 с.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА, ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

И. И. БАКЛНОВА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Россия)
ii-baklanova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОТРИЦАНИЕМ

В статье анализируются безличные предложения, построенные по структурным схемам **Нет N 2**, **Не было N 2**: показаны их формальная и семантическая структуры, выявлено их несоответствие. Выяснено, что семантическая структура предложения зависит от лексико-грамматического разряда, семантики имени существительного, выраженного формой N 2. Высказана мысль о том, что при формально одинаковом строении предложения членятся по-разному: абстрактные имена существительные, в отличие от конкретных, включаются в состав сказуемого.

Ключевые слова: отрицание, структурная схема, семантическая структура, семантика, лексико-грамматические разряды имен существительных.

Baklanova Irina Ivanovna, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

ii-baklanova@mail.ru

Semantic structure of impersonal sentences with negation

The article analyzes impersonal sentences constructed according to the structural schemes There is No N 2, There was no N 2: their formal and semantic structures are shown, their inconsistency is revealed. It was found out that the semantic structure of a sentence depends on the lexical and grammatical category, the semantics of the noun expressed in the form N 2. It is suggested that, with a formally identical structure, sentences are divided in different ways: abstract nouns, unlike concrete ones, are included in the predicate. **Keywords:** negation, block diagram, semantic structure, semantics, lexical and grammatical categories of nouns.

В современном русском языке активно употребляются безличные предложения *Нет ветра*; *Нет сомнений в успехе*; *Не было ветра*; *Не было сомнений в успехе*, построенные по структурным схемам **Нет N 2**, **Не было N 2**. Под структурной схемой мы понимаем «синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение» [8, с. 84—85]. Структурно обязательным компонентом этих схем являются отрицательные элементы, являющиеся собственно предикатом (*нет*) или его частью (*не было*), т. е. это предложения с так называемым «предикатным отрицанием». Предложения типа *Нет ветра* относятся к отрицательным, а точнее, к общеотрицательным предложениям.

Обратимся кратко к истории появления этого типа предложений. А. А. Шахматов, относя предложения типа *Сильнее кошки зверя нет* к «двуличенным безличным» отрицательным предложениям, пишет: «Происхождение таких предложений связано с развитием безличности: когда вместо предложения типа *не был хлеб* явилось предложение *не было хлеб*, отсутствие согласования между прежним подлежащим и прежним сказуемым повело к замене формы именительного падежа формой родительного отложительного, известного в отрицательных предложениях. Вместо ожидаемого *не есть, несть* находим в современном языке *нет*» [10, с. 107]. В. В. Бабайцева также пишет «Возникновение родительного отрицания при глаголе быть относится к древнему периоду, но и в древнерусском языке вплоть до XVI в. отмечается взаимодействие личной и безличной конструкции (*не будет ли тать — не будет ли татя и т. п.*)» [1, с. 81].

Поддерживая мысли о древности данных предложений, отметим, что аналогичные конструкции встретились нам в русских говорах Пермского края на территории, где проживают русские и коми-пермяки. Для речи русских характерны предложения *Раньше одежда не была / одежда не было*, появившиеся как результат влияния коми-пермяцкой грамматики [2; 3]. Отметим, что в грамматике коми-пермяцкого языка эти предложения рассматриваются как двусоставные. Представляется важным, что

в живой речи, записанной нами в ходе бесед с русскими информантами, встретилось много примеров подобного рода и все они безусловно были определены нами как двусоставные: *Машины же не были; Хлебушко испекёшь там / а чё тогда и деньги не были; А порошок не был; Дак морковку накладём в корзину вон да и едим там // вот и еда была / хлеб не был ладом; Лекарства не были / не пили ничё дак*¹. Назовем эти единицы предложениями переходного типа.

Обращение к безличным предложениям с отрицанием обусловлено рядом причин: во-первых, недостаточным вниманием к ним в вузовских и школьных учебниках, где они рассматриваются, наряду с другими, лишь с точки зрения способа выражения главного члена предложения и семантического типа; во-вторых, посыпом «Русской грамматики» о семантической структуре простого предложения, не получившим должного внимания в вузовских учебниках по синтаксису, и, наконец, практикой преподавания синтаксиса в вузе, обозначившей трудности синтаксического членения безличного предложения. Последнюю причину прокомментируем: при едином формальном построении (структурной схеме) мы сталкиваемся с трудностями выделения сказуемого.

Материалом исследования послужили безличные предложения, построенные по схемам **Нет N 2, Не было N 2** в количестве 216 единиц².

Задачу данной статьи мы видим в том, чтобы на основе анализа структурно одинаковых предложений выявить семантические различия, которые позволяют объективно членить безличные предложения, построенные по названным схемам. Поскольку постоянным компонентом структурной схемы является отрицательное слово *нет* или глагол *быть* с отрицанием, мы предполагаем, что на синтаксическое членение влияет семантика имени существительного, находящегося при отрицании, его лексико-грамматический разряд. А это, в свою очередь, влияет на тип семантической структуры простого предложения.

Изучение семантической структуры простого предложения, под которой мы, вслед за «Русской грамматикой», понимаем «абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения» [8, с. 124], базируется на имеющихся трудах по изучению безличного предложения. Предложения названного типа А. А. Шахматов называет двучленными безличными отрицательными предложениями [10, с. 97]; А. М. Пешковский — отрицательными предложениями с личным глаголом в роли безличного с управляемым существительным в родительном падеже [7, с. 366]; Е. М. Галкина-Федорук — экзистенциальными безличными предложениями отрицательного характера [5, с. 195]; В. В. Бабайцева — отрицательными конструкциями с глаголами бытия и Р. п. имени, соотносящимися с утвердительными двусоставными [1, с. 81]; Н. Ю. Шведова — двукомпонентными предложениями с лексически ограниченными компонентами [8, с. 96]. Как видим, все исследователи указывают на наличие двух компонентов и отрицательного значения в основном компоненте.

Большинство ученых считают Р. п. существительного дополнением. Так, авторы учебника «Современный русский язык» отмечают, что в образовании безличных предложений определенной семантики как структурно обязательный компонент выступает второстепенный член — косвенное дополнение в форме родительного падежа имени. Например: *Нет слаще покоя, покупаемого трудом* (А. Чехов); *Нет на свете мук сильнее муки слова* (С. Надсон) [9, с. 339]. Эта точка зрения, безусловно, справедлива для большинства примеров, но не для всех.

Поскольку речь пойдет о семантической структуре простого предложения, начнем с анализа того, что уже было названо.

Очевидно, что предложения переходного типа *Не был хлеб* (из работы А. А. Шахматова), *Лекарства не были* (из русских говоров Коми-Пермяцкого округа, данные XXI в.) — это **двусоставные** предложения, образованные по ненормативной схеме **Не было N 1**. Семантическая структура этих

предложений «субъект — его существование, наличие (несуществование, отсутствие)» (*Гремит гром; Этот студент в списках не значится*) [8, с. 255]. Аналогичное значение имеют и предложения: *Знакомых никого в деревне не жило, Никакой вывески над его дверью не висело*). Семантическая структура «отсутствие предмета не-лица или лица», как видим, объединяет формально разные предложения: двухсоставное *Этот студент в списках не значится* (N 1 Vf) и односоставное безличное *Нет ветра* (Нет N 2).

Семантическая структура «отсутствие предмета не-лица или лица» — это одна из четырех семантических структур, разработанных Н. Ю. Шведовой, в основе которых лежит понятие об отсутствии чего-либо. Перечислим и другие: 1) «отсутствие внешнего состояния»: *Нет ветра; Нет мороза*; 2) «отсутствие внутреннего или ситуативного состояния лица или лиц, определенных или неопределенных»: *Нет сил; Нет радости; Нет возможности работать; Нет горя*; 3) «отсутствие события или действия»: *Нет войны; Нет уроков; Нет возражений* [8, с. 339].

Мы полагаем, что семантическая структура простых предложений с отрицанием, представленная обобщенно в «Русской грамматике», может быть детализирована в зависимости от семантики существительных. Семантика существительных будет влиять и на грамматическое членение отрицательного безличного предложения.

Рассмотрим это на нашем материале, представленном предложениями с конкретными и абстрактными именами существительными. Из 216 единиц в 96 предложениях встретились **конкретные** имена существительные. В соответствии с классификацией «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко [4] в предложениях представлены существительные, обозначающие: 1) человека: *мать, женщина, курьер, человек, ребенок, капитан, кинорежиссер, доктор* и др. (— *Не пойдут, — отвечала Варвара Петровна. — Матери у нее нет, только отец* (П. Мельников); ...*а раньше еще у них курьера не было* (газ.); *Была гроза, ураган, докторов не было, и мертвый поэт долго лежал под дождем* (газ.); *Дома нет, жены нет...* (газ.)); 2) место проживания: *дом, квартира* и др. (Через несколько месяцев я вышла замуж, и мне было все равно, что у мужа **нет квартиры**, а только комната в коммуналке (газ.); *Дома нет, жены нет...* (газ.)); 3) растительность: *дерево, сорняк* (Когда батюшка прибыл на Залит, дома там уже стояли, а вот *деревьев* по-прежнему **не было** (газ.)); 4) названия пищи: *помидор, суп, котлета* (А когда *арбузов нет, обязательно ешьте шпинат, брокколи, кольраби, брюссельскую капусту* (газ.)). Представлены и другие группы имен существительных: **крестик, газета, магазин, паспорт, конверт, палка, чек, кинжал, мольберт, пуговица, письмо, самолет** и др. (*Крестика не было, потому что в поезде цепочка порвалась* (газ.); *Магазина нет, работы, соответственно, тоже нет* (А. Шер); *Не было даже паспорта и свидетельств о рождении на детей* (газ.)).

Все 96 предложений соответствуют семантической структуре «отсутствие предмета не-лица или лица». И это предложения, в которых существительное в Р. п. является дополнением.

Обратимся к анализу второй части примеров, включающих в состав абстрактную лексику. Анализ предложений такого состава представляет большую трудность, вытекающую из семантики имен существительных, которая, в свою очередь, может определяться образованием этих имен. Для уточнения семантической структуры безличных предложений с отрицанием, включающих абстрактные существительные, классифицируем последние на группы по значению. Словарь Л. Г. Бабенко включает большое число групп имен существительных по значению, мы же выбрали для нашего исследования только часть обобщенных значений абстрактных существительных: «эмоции», «оценка», «социальные отношения», «явление и событие» [4].

В рамках статьи рассмотрим некоторые семантические структуры, в частности «отсутствие внутреннего или ситуативного состояния лица или лиц, определенных или неопределенных». В наших

примерах это безличные предложения с «существительными, обозначающими эмоциональное состояние»: злость, любовь, раздражение, сомнение: *Злости и раздражения нет* (А. Шер) = ‘не злюсь, не раздражаюсь’; *Нет настоящей любви там, где нет взаимоуважения* (газ.) = ‘не любят там…’; *И ни к кому, отричь дочери, любви нет у него* = ‘не любит никого, кроме дочери’ (П. Мельников).

К этой же семантической группе мы отнесем предложения с «существительными, обозначающими эмоциональное отношение субъекта к окружающему миру»: *Уже давно нет той веры, с которой советский народ воспринимал постановления ЦК КПСС или заявления ТАСС о вводе ограниченного контингента советских войск* (газ.); *Когда я вижу сломанные крылья, Нет жалости во мне — и неспроста...* (В. Высоцкий); *В сердцах суровых состраданья нет, И живы здесь жестоких предков нравы* (Дж. Байрон); *С тех пор по поводу головной боли к врачам не обращался, таблеток не пью, на погоду не реагирую, жалоб нет* (газ.). Предложению *В сердцах суровых состраданья нет* может быть синонимично ‘Сердца суровые не сострадают / сердца суровые жестоки’. На данном примере мы видим, что двучленность схемы **Нет N 2** носит формальный характер: синоним предложения четко указывает, что все компоненты структурной схемы входят в предикат. Аналогичны предложения: *Нет жалости во мне — и неспроста...* = ‘Мне не жалко / Я не жалею’; *Нет сомнений, что* ‘Не сомневаюсь...’.

Количество типов семантических структур может быть увеличено в зависимости от семантики имен существительных. Так, можно выделить семантику «отсутствия социальных отношений, или отношений вообще». В основе этих предложений отрицательное слово и «существительное, обозначающее различные виды социального взаимодействия»: *Нет должного контакта* между управляющей компанией и жителями микрорайона (газ.) = ‘Не контактирует...’; *В решении этого вопроса не было поддержки со стороны администрации* (газ.) = ‘Не поддерживает...’; *Я походила по судам и поняла, что у нас нет никакой защиты, никакой государственной поддержки* (газ.) = ‘Не защищают, не поддерживают...’.

Отметим и переходные случаи: имена существительные этой же группы могут восприниматься как дополнения: *Каких только не было толков и пересудов в прессе и в народе о прошедшем фестивале «Белые ночи в Перми»!* (газ.) = ‘каких только не было заметок, статей’; *Казалось, что нет в нашем доме союза крепче, чем семья Ивановых* (газ.) = ‘нет семьи’. Сравни обратное: *С Ерофеем союза нет* (газ.) = ‘С Ерофеем ссоримся’.

Таким образом, семантическая структура безличного предложения с отрицанием представлена разнообразно, это разнообразие предопределено именами существительными, входящими в простое предложение. Семантическая структура простого предложения влияет и на границы сказуемого. При членении безличных предложений с отрицанием важно учитывать лексико-грамматические разряды имен существительных, выступающих обязательным компонентом структурной схемы, причем важно отмечать переход существительного из одного разряда в другой (*Нет радости* (безрадостно) в жизни, *Нет семейных радостей*, (песен, душевных разговоров, посиделок); *Нет ценности знаний* (не ценият знания) — *Нет ценностей* (брраслетов, колец)). Мы видим прямую связь формы и семантики, проявляющуюся в лексико-грамматических разрядах имен существительных. Конкретные, вещественные и собирательные существительные (без отдельного исследования нельзя сказать, что все без исключения), скорее всего, будут выступать в функции отдельного члена предложения, тогда как абстрактные станут его частью (*Нет возможности, нет сил*). Однако и эта трактовка подвергается сомнению при трансформации предложения: *Нет сомнений, Сомнения не существуют* и проч.

Особенности абстрактных существительных уже отмечены в словаре-справочнике В. М. Дерибаса. В устойчивых оборотах типа *вводить в употребление, вносить путаницу, вводить в норму*, включающих абстрактные слова, глагол выступает в качестве грамматически опорного слова глагольно-именного сочетания и служит для выражения чисто грамматических значений. Он сохраняет свои

морфологические свойства и присущие ему категории вида, лица, времени, наклонения и «сообщает всему обороту общее категориальное значение глагольности». Интересно и важно для нас положение о том, что глаголы в устойчивом сочетании подвергаются процессу десемантизации. Смысл устойчивого сочетания в целом заключен в грамматически зависимом компоненте — существительном или субстантивированном прилагательном, которые становятся семантическим центром сочетания, например: *иметь беседу* (беседовать — *внесено нами*), *вносить путаницу* (путать — *внесено нами*), *возвращать в норму* (нормализовать) и т. п. [6, с. 3—4].

Таким образом, «двуличные безличные отрицательные предложения» хотя и относятся к древнейшим предложениям, и сегодня могут показывать переходные от личных к безличным структуры. Построенные по схемам **Нет N 2**, **Не было N 2**, имея формальное сходство, они не тождественны по семантике. Выделенные Н. Ю. Шведовой семантические структуры могут быть конкретизированы в соответствии с семантикой имен существительных.

Примечания

¹ Примеры приводятся без адаптации к пунктуационным правилам русского языка.

² В статье используются примеры безличных предложений, собранные К. В. Норовой, защитившей в 2015 г. под руководством автора данной статьи выпускную квалификационную работу по теме «Безличные предложения типа *Hem N 2*, *Не было N 2* в русском языке».

Список библиографических ссылок

1. *Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке* / В. В. Бабайцева. М. : Про-свещение, 1968. 160 с.
2. *Бакланова И. И. Отрицательные предложения с компонентами *Hem*, *Не было* в русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа Пермского края* // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край : сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. (7—9 ноября 2016 г., г. Кострома). Кострома : КГУ, 2016. С. 31—36.
3. *Бакланова И. И. Предложения типа *Одежда не было* в русской речи Коми-Пермяцкого округа : особенности функционирования* // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию коми-пермяцко-русского отделения ПГГПУ (26—27 ноября 2015 г., г. Пермь) / отв. ред. Е. М. Гордеева // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Пермь, 2015. Вып. XII. С. 102—107.
4. Большой толковый словарь русских существительных : идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс книга, 2005. 864 с.
5. *Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке* / Е. М. Галкина-Федорук. М. : Изд-во МГУ, 1958. 232 с.
6. *Дерибас В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка : словарь-справочник*. М. : Рус. яз., 1975. 240 с.
7. *Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении* / А. М. Пешковский. 8-е изд., доп. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 544 с.
8. *Русская грамматика* / под ред. Н. Ю. Шведовой : в 2 т. М. : Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
9. Современный русский язык : Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студентов высших учебных заведений : в 2 ч. Ч. 2 : Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. М. : Академия, 2002. 704 с.
10. *Шахматов А. А. Синтаксис русского языка* / А. А. Шахматов ; [под ред. и с примеч. Е. Истриной]. Л. : Акад. наук СССР, 1925—1927. Электрон. копия печ. изд. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2121873/ (дата обращения: 19.05.2024).

Н. П. ГАЛКИНА

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко
(Кострома, Россия)
gnpav@mail.ru

СОЧЕТАЕМОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ В СОСТАВЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В статье рассмотрены полипредикативные сложные предложения, включающие несколько придаточных со значением условия, причины, цели, уступки, следствия с точки зрения их допустимого количества, преимущественного употребления, способов подчинения и сочетаемости при выражении многослойной, разнородной информации в рамках многокомпонентного сложного предложения.

Ключевые слова: условие, причина, цель, обоснование, обусловленность, последовательное подчинение, соподчинение, уровни подчинения.

Galkina Natalia Pavlovna, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma, Russia.

gnpav@mail.ru

Cooccurrence of functional clauses in polyadic complex sentences

The article examines polyadic complex sentences, including several subordinate clauses with the meaning of condition, reason, purpose, concession, consequence, from the point of view of their permissible number, the prevailing use, methods of subordination and compatibility when expressing multi-layered, heterogeneous information within a multicomponent complex sentence.

Keywords: condition, reason, purpose, argumentation, conditionality, sequential subordination, co-subordination, levels of subordination.

Круг научных интересов академика Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) включает теорию и историю русского языка, диалекты славянских языков. Последний период деятельности А. А. Шахматова связан с разработкой общей синтаксической теории, которая нашла свое отражение в его «Синтаксисе русского языка», изданном после смерти ученого (1925—1927; 1941 — 2-е издание). В основе его теории предложения лежит учение о коммуникации как особом акте мышления. Однако А. А. Шахматов, а также А. М. Пешковский считали, что сложное предложение не является предложением. А. А. Шахматов называл сложное предложение «сочетанием или сцеплением предложений» [13, с. 49]. Большинство современных ученых рассматривает сложное предложение в качестве одной коммуникативной единицы. Коммуникативную функцию выполняет предложение в целом (простое или сложное), а не его части. Предикативные единицы, входящие в состав сложной конструкции, лишь условно могут быть названы простыми предложениями, также называются частями предложения [10, с. 462].

Объектом рассмотрения в нашем случае являются полипредикативные сложные предложения (ПСП), включающие несколько функциональных придаточных — со значением условия, причины, цели, уступки, следствия. Такие придаточные составляют класс обусловленности [1, с. 222; 10, с. 562] и наряду с временными входят в группу обстоятельственных придаточных детерминантного типа [5, с. 709—710]. Данные построения представляют особый интерес в силу их семантического многообразия, взаимозависимости составляющих значений и вариативности их сочетания, смысловой емкости и насыщенности содержания, функционального и экспрессивного потенциала.

Исследование проведено на материале публицистики, который отличается большим разнообразием структурно-семантических типов ПСП. Выбор материала исследования обусловлен тем, что для публицистического произведения важно не просто изложение фактов: необходимо описать условия, указать причины, дать обоснование, учесть противоречия, сопоставить варианты, объяснить цели, оценить последствия. Все это — семантическая сфера функционирования указанных предложений.

Анализ нашей выборки показывает, что наиболее типичным является наличие двух функциональных придаточных обусловленности в составе ПСП, независимо от общего числа предикативных единиц. Это относится как к придаточным одного типа, так и разных значений — при соподчинении,

последовательном подчинении, при комбинированном характере связи. Говоря о сочетаемости двух соподчинительных придаточных разного типа обусловленности, можно отметить конструкции, включающие разнообразные сочетания: условия и уступки, условия и цели, цели и уступки, уступки и причины, причины и условия, причины и цели. См., например, случаи разнообразного сочетания придаточных в трехчастных структурах неоднородного соподчинения. 1) *И несмотря на то, что он был одним из самых выдающихся ученых, день его шестидесятилетия никак не был отмечен, если не считать очень сухого и скромно написанного приказа по институту* [11, с. 22]. 2) *Как бы ни были губительны физиологические последствия рока, его психологические последствия еще более страшны, поскольку рок-музыка наносит своим слушателям глубокие психоэмоциональные травмы* [11, с. 32]. В приведенных примерах обусловливающие ситуации представлены в придаточных предложениях, расположенных дистантно по отношению друг к другу: одно придаточное перед главным предложением, другое — после него. Такие построения наиболее типичны для данной группы, они способствуют восприятию сложной многокомпонентной конструкции, каждый элемент которой отчетливо выражен и несет определенную коммуникативную нагрузку.

Более сложными и структурно, и семантически оказываются трехкомпонентные предложения с неоднородным соподчинением различных придаточных, которые следуют друг за другом (контактируют) перед главной частью или после нее. Например: 1) *Поскольку таких новостей в топе новостей практически не было, то [я, чтобы не множить пустых строк, вынужден был эту категорию новостей объединить вообще с новостями по России, включая, так сказать, политические (выборы, перестановки и т. д.) и экономические]* [7, с. 22]. 2) *Пусть ты не открыл новый способ видения, но [если ты сумел облечь это в слова, то обретаешь некую новую свободу выражения]* [9, с. 29].

Широко представлены предложения с последовательным подчинением двух придаточных. Это отмечается и в других лингвистических описаниях полипредикативных конструкций [3, с. 224; 4]. Приведем примеры: 1) *Они шли с трудом, [так как английская разведка делала все возможное, чтобы Германия не могла получить материалы для экспериментов]* [8, с. 10]. 2) *Новости о войнах, терроризме и конфликтах как бы не зависят от СМИ, [поскольку их не выдумаешь, если таких новостей нет]* [7, с. 29]. 3) *Это начало моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренне самым мертвым временем всей моей молодости, [хотя внешне я жил тогда очень разнообразно, общительно, на людях, чтобы не оставаться наедине с самим собой]* [2]. 4) *Из всех видов физкультуры большие других сохраняется ходьба, [если ее приспособить к полезному делу, ибо бесцельные прогулки также даются немногим]* [11, с. 10].

Особый интерес представляют ПСП, построенные по типу последовательного подчинения и включающие три функциональных придаточных разных значений. См., например: *Но само сопоставление оправданно, [потому что, действительно, и III Интернационал — не национальная идея, а именно вселенская какая-то, и также идея Третьего Рима, хотя направлена она была на то, чтобы всячески оградиться]* [6, с. 9]. При трансформации образуется конструкция с тремя функциональными придаточными разного типа — причины, уступки, цели. Ср.: *Но само сопоставление оправданно, потому что, действительно, и III Интернационал — не национальная идея, а именно вселенская какая-то, и также идея Третьего Рима, хотя создана она была для того, чтобы всячески оградиться*. Благодаря структуре последовательного подчинения такое предложение, включающее три функциональных придаточных разного типа, не представляется сложным для восприятия.

Специфичны и редки конструкции, в которых имеется четыре уровня последовательного подчинения, но при этом содержится не более трех типов функциональных придаточных. Например: *Признание благотворности конкуренции в этих условиях означает огромный аванс человеческой природе — надежда, что человек в любом случае преодолеет абсурд и найдет выход, хотя, строго говоря, мы не*

можем дать однозначный прогноз такого рода, поскольку мы «по условию задачи» не знаем будущие вызовы, с которыми столкнемся, а значит, не знаем исхода этих столкновений [12]. Предложение имеет четыре уровня последовательного подчинения, что в данном случае возможно, так как включает не только расчлененные (функциональные), но и нерасчлененные (изъяснительно-объектное, присубстантивно-атрибутивное) придаточные.

Как показывает исследование, возрастание числа предикативных единиц в конструкциях большого объема не влечет за собой увеличения числа функциональных придаточных или уровней подчинения. Количество компонентов в конструкциях с большим числом предикативных единиц возрастает скорее вширь, чем вглубь. В 6-, 7-, 8- и более компонентных построениях интересующие нас функциональные придаточные и структурно, и семантически оказываются менее связанными за счет подключения/включения компонентов-предложений с различными типами связи (бессоюзной, последовательного подчинения, неоднородного соподчинения).

Итак, в составе исследуемых ПСП с несколькими функциональными придаточными в большинстве случаев имеются два таких придаточных, значительно реже встречается сочетание трех функциональных придаточных. Независимо от общего числа предикативных единиц, исследуемые ПСП имеют два-три уровня подчинения, в редких случаях — четыре уровня подчинения. Многоуровневая структура ПСП с последовательным подчинением способствует компактному выражению многослойной, разнородной информации и обеспечивает плавное развертывание мысли при восприятии. В полипредикативных предложениях комбинированной структуры с различными типами связи функциональные придаточные и структурно, и семантически оказываются менее связанными.

Список библиографических ссылок

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М. : Высш. шк., 1977. 248 с.
2. Бунин И. А. Бунин в своих дневниках. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnikibunina.htm> (дата обращения: 15.04.2020).
3. Волкова Е. Б., Ременникова И. А., Вечеринина Е. А. Типичные многокомпонентные сложноподчиненные предложения в текстах математических произведений на русском и романо-германских языках // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 223—227.
4. Ганцовская Н. С. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 19 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмитренко [и др.] ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 767 с.
6. Кожинов В. В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России // Литмир : электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=159420> (дата обращения: 12.08.2021).
7. Мухин Ю. И. Тирания глупости // LibFox : сайт. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book> (дата обращения: 29.06.2022).
8. Наша версия. 13—19.05.2019. № 17.
9. Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/poluhina_valentina/iosif_brodskiy_bolshaya_kniga_intervyu.html (дата обращения: 02.05.2025).
10. Русская грамматика : в 2 т. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан [и др.] ; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 714 с.
11. Углов Ф. Г. Человеку мало века // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/uglov_fyodor/cheloveku_malo_veka.html (дата обращения: 02.05.2025).
12. Фрумкин К. Творчество как принудительное дарение // Новый мир. 2016. № 2.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.

С. А. ЧУРИКОВ

Воронежский государственный университет

(Воронеж, Россия)

churikovsa@yandex.ru

Т. В. ЛЕШКОВА

Воронежский государственный университет

(Воронеж, Россия)

tan9leshkova@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЮЗНО-РЕЛЯТИВНЫХ КОМПЛЕКСАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению особого рода составных единиц, служащих для выражения синтаксических отношений (например, *да притом*, *а также* и др.), которые авторы предлагают называть союзно-релятивными комплексами. Анализируются существующие трактовки подобного рода сочетания, а также предпринимается попытка показать целесообразность их рассмотрения с точки зрения грамматики конструкций.

Ключевые слова: союзы, релятивы, союзно-релятивные комплексы, грамматика конструкций, присоединительная связь.

Churikov Sergey Aleksandrovich, Leshkova Tat'yana Vital'evna, Voronezh State University, Russia
churikovsa@yandex.ru, tan9leshkova@mail.ru

On the question of union-relative complexes in the modern Russian language

The article is devoted to the consideration of a special kind of compound units used to express syntactic relations (*да притом*, *а также* and other), which the authors propose to call union-relative complexes. The existing interpretations of such combinations are analyzed, and an attempt is made to show the expediency of their consideration from the point of view of the grammar of constructions.

Keywords: conjunctions, relatives, conjunction-relative complexes, grammar of constructions, cumulation.

Среди средств выражения синтаксических связей и отношений представлен целый ряд **составных единиц**, отдельные компоненты которых могут функционировать самостоятельно. Мы имеем в виду единицы типа *да в добавок*, *и притом*, *а также* и др.

Традиционно эти единицы называют **союзами**, приравнивая к единицам типа *а*, *или*, *либо* и др. (см., например, «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой [10], «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой [5], «Словарь-справочник по пунктуации» В. Б. Свинцова, В. М. Пахомова, И. В. Филатовой [12] и др.). Далее мы попытаемся оспорить такую трактовку и обоснуем свою точку зрения.

Начнем с того, что укажем на давно отмеченный некоторыми языковедами факт: среди средств для выражения синтаксических связей и отношений между предложениями и их частями важнейшее место занимают две группы специализированных единиц, которые, отвлекаясь на время от традиционной терминологии, можно условно назвать **слова-связыватели** и **слова-уточнители**.

У единиц первой группы двойное назначение — 1) **связывание высказываний** и 2) **выражение обобщенных синтаксических отношений**. К служебным словам этого типа относятся *и*, *а*, *но*, *или*, *либо* и др. Такие слова-связыватели и следует называть **союзами** [3, с. 6].

Вторая группа включает разнородные лексические единицы (*также*, *поэтому*, *наоборот* и т. д.), основное назначение которых — **выражение синтаксических отношений**.

Эти языковые элементы обладают рядом специфических свойств, которые отличают их от классических союзов. Критерии для разграничения таких слов-уточнителей и сочинительных союзов были предложены А. М. Ломовым и Т. А. Данилевской [3, с. 7]. Так, в работе Т. А. Данилевской показано, что для сочинительных союзов характерна интерпозиция (т. е. фиксированная позиция между предикативными частями сложного предложения и однородными членами (за исключением повторяющихся соединительных и разделительных союзов, типа *ни... ни*, *либо... либо*); во-вторых, союзы способны обозначать одинаковую отнесенность, в том числе и потенциальную, двух (и более) связываемых этим

союзом компонентов к третьему, т. е. выполняют *и*-функцию; в-третьих, союзам не свойственна сочетаемость с другими сочинительными союзами без изменения статуса сочинительной конструкции.

Данные слова-уточнители по-разному именуются лингвистами: «коннектор» [8, с. 126], «дискурсивное слово» [4] и др. С нашей точки зрения, более корректным их будет называть **релятивами** (см., например, такое терминоупотребление в статье С. К. Болотовой [1]), поскольку данный термин точнее других наименований отражает сущность этого языкового явления (термин «релятив» образован от латинского *relativus* ‘относительный’).

Учитывая вышесказанное, мы в работе [7] предлагаем определять **релятивы как группу языковых единиц** (в большинстве случаев включающих в качестве компонента анафорическое местоимение), **служащих для выражения синтаксических отношений** (но в отличие от союзов и союзных слов не указывающих на синтаксическую связь) и **потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзовыми словами и другими релятивами**.

Обосновав противопоставление между классическими союзами и релятивами, мы можем вернуться к единицам типа *а также, да притом* и др.

Как уже было отмечено, эти единицы в словарях трактуются как присоединительные союзы (например, [2; 5; 9; 11; 12]), поскольку они, действительно, выполняют особую функцию — указывают на присоединительную связь:

В результате их прибило к острову Малый Брун, к которому практически никто не подходил, да вдобавок они попали в ледяную ловушку [Михаил Карпов. Арктическая мгла // lenta.ru, 23.01.2018].

Но это было приглашение в ЦК на аудиенцию, и притом немедленное [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир, 2000].

Наблюдения велись не только в учебное время, но и в специально созданной группе продленного дня, в которой были организованы постоянно действующие кружки, а также проводились разовые занятия и отдельные мероприятия [М. Э. Бончанова, Р. Д. Триггер. Изучение психологии подростка в лаборатории Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии, 2004].

Мы предлагаем трактовать эти единицы как **союзно-релятивные комплексы**, указывающие на присоединительную связь и на отношения добавления. Эти комплексы включают в себя союз (*да, и, а*) и релятивы (*вдобавок, притом, также* соответственно). Очевидно, что все эти компоненты могут функционировать отдельно. В частности, релятивы *вдобавок, притом, также* часто используются отдельно, указывая на отношения добавления:

Нагоя-эн диалект изобилует частицами, которые «прирастают» к концу предложения. Вдобавок в этом диалекте используют некоторые устаревшие слова [Много японских языков // Русский репортер, 2012].

Художники словно стремятся превзойти природу, изобразить модель более прекрасной, чем она есть, притом образы полны напряженности и беспокойства [М. Гордеева. Музей Дж. Пола Гетти (2013)].

В ходе переговоров было также подтверждено общее стремление содействовать процессу формирования эффективной системы международных отношений [В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // Дипломатический вестник, 2004].

Если посмотреть на комплексы типа *да притом* не изолированно, а системно, то можно заметить следующее.

Союзно-релятивный комплекс может описываться в логике **грамматики конструкций**. Иными словами, возможно его рассмотрение как **некоторой конструкции**. При таком подходе все так называемые присоединительные союзы (*да вдобавок, и притом, а также*), на наш взгляд, представляют

собой союзно-релятивные комплексы — конструкции, которые строятся по модели **союз + n релятивов (n ≥ 1)**.

В качестве союзного элемента могут выступать союзы *да*, *и*, *а*. В качестве релятивного компонента используются единицы *к тому же*, *притом*, *еще* и др. Следует отметить, что расширение союзно-релятивного комплекса происходит за счет добавления в его состав дополнительных релятивов, их число может доходить до трех: *да к тому же еще, да в добавок еще и* и др.

Легко показать, что количество таких сочетаний исчисляется десятками. Некоторые из них являются очень частотными и давно попадали в поле зрения лингвистов, другие же употребляются редко и почти не привлекают внимания исследователей. Соответственно, если каждое такое сочетание называть союзом, то придется сказать, что в русском языке более 100 присоединительных союзов.

Нам представляется, что наша трактовка позволяет более корректно и экономно описать указанный участок языковой системы. А именно: важнейшим средством выражения присоединительной связи в русском языке являются союзно-релятивные комплексы, которые строятся по модели **союз + n релятивов (n ≥ 1)**. Минимальным числом компонентов такой конструкции является два: союз и один из релятивов. При этом язык позволяет говорящему варьировать в определенных пределах союзный и релятивный компоненты и расширять состав комплекса за счет добавления других релятивных компонентов.

Список библиографических ссылок

1. Болотова С. К. Слово ТОЖЕ в пространстве текста // Ярославский педагогический вестник : научно-методический журнал. 2005. № 1 (42). С. 95—103.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998 ; 2-е изд. СПб. : Норинт, 2000. 1535 с.
3. Данилевская Т. А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Воронеж, 2008. 20 с.
4. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 446 с.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.
6. Лешкова Т. В. К вопросу о русских релятивных и союзно-релятивных комплексах с семантикой добавления // Актуальные проблемы и задачи современной русистики. XL Распоповские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (24—25 марта 2023 года, г. Воронеж) / отв. ред. С. А. Чуриков ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2023. С. 89—97.
7. Лешкова Т. В., Чуриков С. А. Релятивы добавления в современном русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. № 2. С. 33—37.
8. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М. : Восток-Запад, 2007. С. 130.
9. Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений : опыт словаря-справочника. М. : Изд-во СГУ, 2009. 502 с.
10. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову : около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М. : Астрель : ACT, 2003. 416 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981—1984.
12. Словарь-справочник по пунктуации / В. В. Свинцов, В. М. Пахомов, И. В. Филатова. М., 2010 // Грамота.ру : справочно-информационный интернет-портал. URL: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?id=58_384&layout=item (дата обращения: 20.03.2025). Электрон. версия печ. изд.

Г. И. КАНАКИНА

Пензенский государственный университет

(Пенза, Россия)

kanakina-kafedra@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ (СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ): МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается явление синтаксической омонимии (синтаксической неоднозначности). При синтаксической неоднозначности предполагается, что предложение может быть интерпретировано более чем одним способом. Недостаточная разработанность вопроса о синтаксической омонимии порождает трудности языкового анализа в вузе и школе. В то же время преодоление синтаксической неоднозначности необходимо и при проведении анализа предложений, и в процессе порождения и понимания речи. Предлагаются методические приемы, помогающие преодолеть затруднения в квалификации конструкций с тождественным оформлением, но разных по семантике и грамматической характеристики.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, синтаксическая неоднозначность, методические приемы разграничения, наблюдение над языковыми фактами.

Kanakina Galina Ivanovna, Penza State University, Russia
kanakina-kafedra@mail.ru

The phenomenon of syntactic homonymy (syntactic ambiguity): methodological aspect

The article examines the phenomenon of syntactic homonymy (syntactic ambiguity). Syntactic ambiguity implies that a sentence can be interpreted in more than one way. Insufficient development of the issue of syntactic homonymy causes difficulties in language analysis at universities and schools. At the same time, overcoming syntactic ambiguity is necessary both when analyzing sentences and in the process of generating and understanding speech. Methodological techniques are proposed that help overcome difficulties in qualifying constructions with identical design, but different in semantics and grammatical characteristics.

Keywords: syntactic homonymy, syntactic ambiguity, methodological techniques of differentiation, observation of linguistic facts.

Синтаксис — высший уровень языковой системы, способствующий формированию лингвистического мировоззрения обучающихся. Основной коммуникативной единицей синтаксиса считается предложение, так как в нем формулируется мысль, и от того, как построено предложение, зависит точность передачи и адекватность восприятия информации. А. А. Шахматов считал предложение главной синтаксической единицей речи и определял его как «словесное, облечено в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации» [6, с. 29].

Явление синтаксической омонимии (синтаксической неоднозначности) на уровне простого предложения как в лингвистической, так и в методической науке считается одним из малоисследованных явлений синтаксиса. В работе А. А. Шахматова не случайно дается еще одно определение предложения: «Предложению можно дать и такое определение: это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшем в нарочитое сочетание представлениям простым или сложным» [Там же]. А. В. Дудников, говоря о выделении в лингвистике лексических и морфологических омонимов, замечал: «Нечто подобное явлению омонимии можно наблюдать и в сфере синтаксиса при сопоставлении конструкций, имеющих один и тот же состав лексических единиц, взятых в той же последовательности и в тех же формах, но с различными синтаксическими отношениями между некоторыми из них» [3, с. 88].

Интерес к явлению синтаксической неоднозначности возрос с 60-х гг. прошлого века в связи с исследованиями по автоматической обработке текста: «Явление синтаксической омонимии объяснимо находится в поле зрения специалистов, занимающихся решением прикладных лингвистических задач, таких как машинный перевод, автоматическая обработка текстов, методика обучения языку (Дрейзин, 1966; Иорданская, 1967; Сидорова, Белая, 2011)» [2, с. 131]. По мнению П. А. Леканта, «одной из сильных сторон современных грамматических исследований является четкое различение в языковой единице содержательных и формальных элементов... В то же время это порождает “известное разобщение

в исследовании двух сторон целостной единицы предложения”» [4, с. 175]. Это разобщение наиболее явно дает о себе знать в ходе языкового анализа при квалификации конструкций с тождественным внешним оформлением, но разных по смыслу и грамматической характеристики, т. е. синтаксических омонимов. Синтаксическая омонимия (синтаксическая неоднозначность) выражается в возможности более чем одного варианта синтаксического анализа предложения. Эта проблема является частью общей проблемы соотношения формы и содержания в языке, что делает ее изучение настоятельно необходимым.

В данной статье рассматриваются основные приемы разрешения синтаксической неоднозначности с целью их использования в практике преподавания русского языка в педагогическом вузе и школе. В лингвистической литературе нет четких дефиниций понятий «синтаксическая омонимия» и «синтаксические омонимы». В нашей работе в толковании понятия «синтаксическая омонимия» мы исходим из следующего определения: «Совпадение в синтаксической конструкции (словосочетании или предложении) двух значений. Чтение Маяковского (*Маяковский читает* или *Читают произведение Маяковского*; см. родительный субъекта и родительный объекта)» [5, с. 274]. А «синтаксические омонимы» понимаем как «синтаксические модели, формально совпадающие при несовместимости их синтаксического содержания (значения)» [1, с. 287].

ФГОС СОО третьего поколения предполагает формирование у обучающихся языковедческой и коммуникативной компетенций. В рамках ЕГЭ по русскому языку у выпускников школ проверяется сформированность умения безошибочно квалифицировать языковые явления разных уровней, в том числе и синтаксического, и писать сочинение-рассуждение на основе исходного текста. К сожалению, школьная программа не предусматривает ознакомления обучающихся с явлением синтаксической омонимии. По существующей традиции при анализе синтаксических единиц приоритет отдается форме. При этом довольно часто приходится иметь дело с предложениями, синтаксическая интерпретация которых зависит от их семантики и определяется ею. Наш опыт преподавания русского языка в школе и методики преподавания русского языка будущим учителям-словесникам в педагогическом вузе позволяет утверждать, что в практике языкового разбора у обучающихся довольно часто возникают затруднения в квалификации конструкций с тождественным внешним оформлением, но разных по смыслу и грамматической характеристике, то есть синтаксических омонимов.

Несмотря на известную малочисленность омонимов на уровне синтаксиса, учитель должен вести работу над предложением не только в грамматическом плане, формируя умение осознавать структурную схему конструкций, но и в плане выявления их содержательной стороны для обеспечения смысловой законченности и коммуникативной целесообразности высказывания. А для этого учитель сам должен владеть приемами разграничения синтаксических омонимов и приучать школьников вникать в смысл фразы и от него идти к ее структуре и звучанию или написанию. Преодоление синтаксической неоднозначности и связанных с ней ошибок необходимо не только при проведении синтаксического анализа предложений, но и в процессе порождения и понимания речи. В ходе преподавания курса «Трудные вопросы школьного курса русского языка» мы знакомим будущих учителей-словесников с основными приемами разрешения синтаксической неоднозначности.

В большинстве случаев **синтаксическая неоднозначность снимается контекстом**. Привлечение контекста эффективно в связи с разграничением омонимии односоставных и неполных двусоставных предложений. Недостаточность контекста часто ведет к ошибкам в квалификации предложений с точки зрения наличия главных членов и полноты выражения мысли. Эти ошибки подкрепляются и тем, что на практике проявляется тенденция к характеристике односоставных предложений только на основе морфологических показателей глагола-сказуемого (наклонение, время, число, род). Действительно, они важны на этапе «узнавания» односоставных предложений определенного вида. Для

правильной же квалификации конструкций типа: *Постучали в дверь; Ни зашелохнет, ни прогремит* (Н. В. Гоголь) и т. п. — необходимым и обязательным является контекст, так как он позволяет учесть не только структуру, но и семантику. В первом примере структура одинакова и для односоставного неопределенно-личного, и для неполного двусоставного предложения: сказуемое (глагол в форме прошедшего времени, множественного числа) и обстоятельство. Во втором примере — для односоставного безличного и неполного двусоставного предложения: глаголы в форме будущего времени, третьего лица, единственного числа. Однако правильная характеристика предложений в обоих случаях зависит от контекста. В неопределенно-личном предложении действующее лицо мыслится неопределенно, важно само действие, а не деятель: *Мы сидели в аудитории. Постучали в дверь.* В неполном двусоставном предложении деятель указан, обычно он обозначен в предшествующем контексте: *Мы подошли к домику лесника. Постучали в дверь.* Чтобы правильно охарактеризовать предложение из текста Н. В. Гоголя, его также следует рассматривать в рамках контекста, который убеждает нас в том, что это не безличная конструкция, рисующая состояние природы, а неполное двусоставное предложение, в котором опущен субъект действия — *Днепр: Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит.*

Кроме контекста, при синтаксическом анализе учитываются и **знания слушающего или читающего о конкретной коммуникативной (речевой) ситуации**, так как предложения создаются в живой речи для передачи информации о конкретной ситуации. Смоделируем ситуацию, позволяющую верно квалифицировать предложения типа: *Студенты из Пензы* и т. п. В ситуации представления студентов, приехавших из разных мест на олимпиаду, членам жюри актуализируется субъект и его признак по месту жительства. В этом случае конструкция *Студенты из Пензы* — односоставное номинативное предложение, распространенное несогласованным определением; полное. В ситуации уточнения организатором олимпиады места, откуда прибыли студенты, актуализируется обстоятельство *из Пензы*. Наличие в предложении члена из группы сказуемого свидетельствует о том, что оно двусоставное, распространенное обстоятельством места; неполное, поскольку само сказуемое опущено, однако оно ясно из ситуации общения (*прибыли, приехали*).

Следующий прием, позволяющий разграничивать омонимичные конструкции, — **наблюдение над интонацией в сочетании с приемом трансформации конструкций**. Он поможет правильно квалифицировать обособленный член предложения после личного местоимения во фразе из стихотворения А. С. Пушкина *Приветствуя тебя, пустынный уголок...* Обособленная конструкция может быть квалифицирована обучающимися как обращение или как приложение. Понять, что это обращение, поможет наблюдение над интонацией. Обращение имеет звательную интонацию, приложение же интонируется как обособленное определение, характеризующее определяемое слово. Убедиться в правильности квалификации обособления позволит и трансформация — изменение компонентов предложения. Изменение падежа местоимения не влечет за собой изменения падежа обращения: *Приветствуя тебя, пустынный уголок...* — *Стремлюсь к тебе, пустынный уголок...* В то время как падеж приложения зависит от падежа определяемого слова и меняется при изменении падежа местоимения.

Разграничить омонимичные высказывания в устной речи и правильно их «озвучить» поможет **наблюдение над интонацией и логическим ударением**. Смысл фразы *Единый государственный экзамен по русскому языку будет проводиться по расписанию 28 мая* возможно передать только с помощью логического ударения, поскольку ее можно трактовать двояко. Если логическим ударением выделить сочетание *будет проводиться 28 мая*, то смысл предложения будет пониматься как указание на то, что именно 28 мая будет проводиться ЕГЭ по русскому языку. Если же логическим ударением актуализировать сочетание *по расписанию 28 мая*, то смысл фразы меняется: ЕГЭ по русскому языку будет проводиться по уточненному расписанию от 28 мая, а не по расписанию, составленному ранее.

Значит, говорящему необходимо помнить, что в зависимости от места логического ударения меняется смысл высказывания, и думать о том, как воспримут смысл фразы слушатели.

На письме разрешению синтаксической неоднозначности могут помочь **знаки препинания**. В некоторых случаях пунктуация служит единственным доступным средством правильной интерпретации предложения. Так, понимание фразы *Теперь ежегодно для Тотального диктанта тексты пишут новые современные авторы* зависит от постановки запятой. Запятая между определениями (*Теперь ежегодно для Тотального диктанта тексты пишут новые современные авторы*) свидетельствует о том, что ранее тексты для диктантов писали представители классической литературы. Отсутствие запятой (*Теперь ежегодно для Тотального диктанта тексты пишут новые современные авторы*) позволяет считать, что ежегодно текст для диктанта пишет очередной новый представитель современной литературы. В устной речи синтаксическая неоднозначность в подобных конструкциях снимается говорящим благодаря различным вариантам членения фразы на синтагмы.

Изучение синтаксической омонимии (неоднозначности) важно обучающимся не только для правильной характеристики конструкций, но и потому, что это приучает их внимательно относиться к языковому материалу, сопоставлять явления, выявлять в них сходство и различие, то есть заменить «схоластику механического разбора живой мыслью, наблюдением над живыми фактами языка, думанием над ними» [7, с. 20].

Список библиографических ссылок

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига, 2012. 576 с.
2. Геккина Е. Н. Синтаксическая омонимия в деловом дискурсе: опыт типологии под углом зрения экспертиных задач // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН, 2019. № 15 (1). С. 130—142.
3. Дудников А. В. Синтаксические омонимы // Русская речь. 1973. № 2. С. 88—93.
4. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М. : Изд-во МГОУ, 2007. 213 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-206-2.htm#zag-963> (дата обращения: 08.05.2024). Электрон. версия печ. изд.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / вступ. ст. д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова ; ред. и comment. проф. Е. С. Истриной. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
7. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. 188 с.

О. В. ВАСИЛЬЕВА

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Россия)

barcarola@list.ru

О КОЛОДЦАХ И КОЛОДЕЗЯХ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI—XVII ВЕКОВ

В статье сопоставительно рассматриваются лексемы *колодец* и *колодезь* по данным «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков», историческим и этимологическим словарям: семантика, многозначность, употребительность этих лексем, в том числе в топонимах, деривационная активность, сфера функционирования.

Ключевые слова: «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков», историческая лексикография, история слов, *колодец* и *колодезь*.

Vasilieva Olga Vladimirovna, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

barcarola@list.ru

About words *kolodets* and *kolodez'* by materials of the dictionary of everyday language of Moscow Russia XVI—XVII centuries

The article comparatively examines the lexemes *kolodets* and *kolodez'* according to the Dictionary of everyday language of Moscow Rus', historical and etymological dictionaries: their semantics, polysemy, usage, including in toponyms, derivational activity, sphere of functioning.

Keywords: Dictionary of Muscovite Rus', historical lexicography, history of words, *kolodets* and *kolodez'*.

В Санкт-Петербурге продолжается работа над «Словарем обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков»¹. В одном из ближайших выпусков будут представлены, в частности, лексемы *колодезь* и *колодец*. Слово *колодезь* существенно преобладает: оно обнаружено в 85 памятниках, подтверждается не одной сотней примеров, встречается, начиная с XV века (тексты более раннего периода не являются источниками Словаря), активно употребляется и в XVI, и в XVII в. Тогда как лексема *колодец*, сохранившаяся в литературном языке, встретилась только в 8 источниках. При этом не обнаружено ее фиксаций в ранних текстах. У лексемы *колодезь* в Словаре представлено 7 производных — 5 имен существительных (*колодезек*, *колодезец*, *колодезице*, *колодезник*, *колодешник*) и два имени прилагательных (*колодезный* и *колодешный*), тогда как у слова *колодец* дериватов нет. Наблюдается и большее семантическое варьирование первого слова: 8 самостоятельных значений и ряд оттеночных у существительного *колодезь* и только 2 — у существительного *колодец*. Источники Словаря дают большое количество топонимов, в состав которых входит первое слово, и только один микротопоним — для второго.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского представлены оба слова, но *колодец* приводится только одна цитата XVI в., тогда как к лексеме *колодязь* дано 5 цитат, старшая из которых взята из Повести временных лет (нач. XII в.) [7, т. 1, с. 1256]. В «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» есть только лексема *колодязь* [2, т. 4, с. 242]. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» слово *колодезь* иллюстрируется цитатами из Архангельской летописи с погодной записью 852 г., из Лаврентьевской летописи с погодной записью 997 г., есть пример XIV в. и целый ряд примеров XVII в. [5, вып. 7, с. 245]. Дериваты этого слова подтверждаются примерами XVI и XVII вв. [Там же]. Слово *колодец* по данным этого словаря не встречается раньше XVI в., а его немногочисленные дериваты найдены только в текстах XVII в. [Там же. С. 246].

Этимологи выдвигали разные версии происхождения этих слов. Макс Фасмер пишет о древнегерманском (готском) происхождении слова, где было прилагательное *kalds* ‘холодный’, от которого

¹ Далее — Словарь.

«с помощью суф. *-eу* или под влиянием цслав. *студеньцъ*» получилась славянская лексема [8, т. 2, с. 293]. Фасмер не соглашается с возведением слова *колодязь* к сущ. *колода*: «Я считаю эту этимологию неубедительной ввиду наличия суф. *-edzъ* и обилия названий рек с *колодеу*. Последнее говорит скорее о первоначальности значения ‘источник’, а не значения ‘колодец с деревянным срубом’» [Там же].

В кратком этимологическом словаре читаем: «*Колодец*. В памятниках отмечается с XVI в. Восходит к более древнему *колодязь*, засвидетельствованному в памятниках с XI в. и являющемуся заимствованным из др.-герм. яз.:ср. готск. *kaldings* ‘холодный’, ‘студеный источник’ (от готск. *kalds* ‘холодный’). … Изменение *колодязь* в *колодец*, как видно, объясняется влиянием слов на *-еу*, в частности старослав. *студенецъ* — ‘колодец’, являющегося словообразовательной калькой названного выше готского слова» [10, с. 156].

В этимологическом словаре под редакцией Н. М. Шанского [11, с. 208—209] написано следующее: «*Колодезь*. Известно в вост.-слав. яз. и ст.-сл. яз.: др.-рус. *колодязь* ‘родник, ручей, копаный источник’, укр. *колодязь*, бел. *колодезь*, ст.-сл. *кладязь* ‘родник, водоем, пруд, колодец’. Встречается в памятниках с X в. Общепринятой этимологии не имеет. Наиболее распространенным является объяснение, согласно которому *колодязь* толкуется как заимствование герм. **kaldinga*, образованного от **kaldaz* ‘холодный’. Эта гипотеза вызывает возражения потому, что в герм. яз. отсутствует точное соответствие слав. слову. По мнению других исследователей, слово имеет слав. происхождение и этимологически родственно сущ. *колода*. Фасмер считает эти точку зрения несостоятельной по словообразовательным и семантическим соображениям. Откупщиков, поддерживая исконное происхождение данной лексемы, на основе глубокого словообразовательного и семантического анализа, привлекая факты слав. И балт. яз., диалектный материал, данные ономастики, приходит к выводу, что слав. **kal-da*, имевшее наряду со знач. ‘корыто; улей; лодка’, утраченное позднее знач. ‘русло’, послужило основой сущ. *кладязь* ‘источник (с колодой)’. Ср. возражения Мартынова, который указывает на «зеркальное семантико-словообразовательное соответствие» праслав. **studеньсь* → *студенецъ* герм. **kaldinga*, что может, по его мнению, свидетельствовать в пользу герм. источника заимствования. Львов, подробно рассматривая семантические связи *кладязь* — *студеньцъ* — *ръвеникъ* — *источникъ* в ст.-сл. памятниках, приходит к выводу, что **koldedzъ* первоначально обозначало ‘родник, ключ, источник’, а знач. ‘водоем, пруд’ развилось из знач. ‘запруженный ручей’. В рус. яз. слово *колодязь* в знач. ‘колодец’ стало употребляться, по его мнению, не ранее XIV—XV вв.» [11, с. 208]. И далее — статья «*Колодец*. В данной форме является собственно русским образованием. Встречается в памятниках с XVI в. Очевидно, является переоформлением с помощью суффикса *-еу* сущ. *колодязь* → *колодезь* под аналогичным воздействием синонимичного сущ. *студенецъ*, которое объясняется как словообразовательная калька герм. **kaldinga*. Преображенский, вслед за Мейе, объясняет форму *колодец* контаминацией *колодезь* и *колоденецъ*» [Там же].

П. Я. Черных пишет: «*Колодезь*, устар. ‘колодец’ … Предполагается, что слово заимствовано из германских языков в праславянскую эпоху. Германская праформа неясна. Поэтому вопрос о заимствовании остается нерешенным. Но языковеды, высказавшие мнение, что о.-с. **koldezъ* ‘колодец’, ‘родник’ образовано от **kolda*, поскольку в лесной местности родник, ключ, источник часто заделывается в выдолбленное дерево, в колоду, в сруб, не могут объяснить, почему в этом о.-с. слове с корнем **kold* оказался иноязычный (германский) суффикс. Мейе полагает, что рус. *колодезь* — результат контаминации рус. *колодец* с заимствованным из ст.-сл. *кладязь* (от герм. **kaldingz*)» [9, т. 1, с. 413]. И далее: «*Колодец* — ‘защищенная срубом или каменной трубой от обвала более или менее глубокая, узкая яма, устроенная для добывания питьевой воды’. В говорах также ‘окно в болоте’… Очень важно, что Р. Джемс, собиравший свои материалы на Севере, записал это слово уже в 1618—1619 гг. Вероятно, следствие переделки и переосмысления др.-рус. *колодязь* при ст.-сл. *кладязь*, по причине сближения

с колода в знач. ‘водопойная колода’, т. е. колода, выдолбленная наподобие желоба на водопое у ключа, источника и т. п. или просто выдолбленная колода над ямой с питьевой водой» [Там же].

И еще в одном этимологическом словаре [12, т. 1, с. 412]: «*Колодезь* — укрепленная срубом узкая и глубокая яма для получения воды из водоносного слоя. Из вост.-слав. (praslaw.?) **колдезь* ‘холодный источник’, заимствованного из диал. готов (ср. *kalds* ‘холодный’) или варягов **kaldingas* ‘холодный источник’. Позднее в народном сознании стало сближаться со словом *колода* и получило значение ‘колодец со срубом’». И далее: «*Колодец*… Из праслав. *колдъць*, предположительно, подмена суф. *-ьцъ* концовки *-еъзъ* в слове *колодезь*. Результат народного переосмысливания слов *водопойная колода*, *колодезный сруб*, *колодезь*» [Там же].

Подводя итоги разысканиям этимологов, делаем вывод, что происхождение слова *колодезь* не может быть точно установлено, поскольку, с одной стороны, существовало как фонетически, так и семантически близкое германское слово, а с другой стороны — славянское слово *колода*, но по отношению к обеим версиям есть серьезные возражения. Зато совершенно очевидно, что существительное *колодец*, сохранившееся в литературном русском языке, является гораздо более молодым, что отражено во всех исторических словарях.

Богатый материал СОРЯ на лексему *колодезь* подтверждает, как представляется, версию Фасмера (о первичности значения ‘источник’), а не версию его оппонентов (о первичности значения ‘родник с деревянным желобом’), поскольку в огромном количестве примеров речь идет об источниках, ручьях, речках, но никак не о желобах.

Значение ‘ручей, небольшая речка, источник, родник, ключ’ отражено более чем в 40 памятниках (*Сенные покосы по обе стороны колодезя*. Сл. Смол., 1697 г.) Довольно часто ручьи служили межевой границей земельных владений: *Отъ усадебъ внизъ по речки Верейки по правую сторону да Вишневой поляны до верхней раздоры и по колодезь что с левой с негочевской стороны течеть в Верейку в раздоры*. Сл. Ворон. II, 1678 г. Помимо appellativов, в этом значении встречается немалое количество имен собственных: *От Марьина ста… вверх по Боянову колодязю, от верх Боянова колодезя к Минкину переметищу… вверх по Олешне… к Верику, повыше Доманова колодезя к Истобе*. АСЭИ III, 1456 г. *Розвод от монастырские деревни из речки из Талицы х Каменному колодезю*. АСЭИ I, 1504 г. *За Федором за Мизиновым усадище на рѣчке на Рябинке по обе стороны Воргла на гору по Воглу к Копроткому колодезю*. Пам. южн. в.-р. нар., 1603 г. Также встречаются: Кобылий колодезь, Моклков, Поженский. Скворчан, Туровецкий, Кулманский, Нефедов, Ольшанец, Першин, Смородинный, Черный, Чистый и многие другие колодези-ручьи.

В «Вестях-Курантах», знакомящих нас с Европой, словом *колодезь* называются целебные источники: *И том [Казимир] нне к горячemu колодезю погъхал чтоб ему там в теплом пару сидъти*. В-К I, 1631 г. *Подлинные вѣсти предивной исцелителной колодезь которои не в давномъ времяни бжисею млстю в стифте Галберстаде у дрвни именем Горнъгаувзенъ …обявился и ис того колодезя уже много сотъ члвкъ всяких розныхъ болѣзни людеи… какъ они ис того колодезя… испили и они опят по прежнему здравы стали*. В-К III, 1646 г. *Королева аглинская отселе в Бурковъ погъхала х кислому колодезю лечитца*. В-К VI, 1666 г. Как видим, источники здесь горячие, целительные и кислые, целебной силой которых люди пытались лечиться уже с древних времен. По всей вероятности, и европейский топоним *Тёплый Колодезь* появился вслед за обнаружением одного из таких источников: *А меж католиков паль страх великой от свѣтскаго и отъждают езовиты и попы из княжства Швеидъницъ и из Явера многим числом а иные проманиваютца бутто к Теплому колодезу идут для того чтоб имъ безстрашно проити*. В-К I, 1631 г.

Значение ‘ручей, небольшая речка, источник, родник, ключ’ представлено и дериватами лексемы *колодезь* — словами *колодезище*, *колодезек*, *колодезец*. (Первое из них — полный синоним слова

колодезь, последние два — уменьшительные номинации.) Наличие этих производных именно от значения ‘ручей, небольшая речка, источник, родник, ключ’ косвенно подтверждает большую архаичность данной семантики и ее первичность для слова в целом.

Второе значение слова *колодезь* — ‘искусственная, обнесенная срубом яма для добывания воды’ (выражаемое сейчас словом *колодец*) также широко представлено в источниках СОРЯ (более чем в 40). *Колодязь бы былъ. а нетъ колодязя, ино бы вода всегда была, а лъте вода бы и по хоромомъ стояла пожарныя ради притчи.* Дм., XVI в. *Да у городовые стены колодезь, от него был выведен тайник к реке х Кошире.* Гор. России, 1578 г. *А колодези кладеные каменем серым, а на верху у колодезя кругом обито медью колокольною.* Росп. Петлина, 1619 г. *Да онъ же, Иванъ, тъми шь крестьянишками нашими дѣлалъ погребъ зелейной, и колодесъ копалъ въ дѣловую страдомую пору для своей бездѣлной корысти, и крестьянишкамъ нашимъ мѣшалъ пашнишка пахать.* Пск. писц. кн. II, 1638 г. *На дворе хором изба с комнотою... а под хоромами два погребишка... да баня да колодес да сад яблонновои.* Моск. письм., 1655 г.

Встречается эта лексема в значении ‘колодец’ и в образном сравнении: *Только намъ то надобеть вѣдать, что на семь свѣтъ все людѣкое живемъ, что переменяютца часы, а Господня милость, что колодезь неисчерпанный и вѣчной животъ.* Шерем., 1580 г. (Здесь неисчерпаемый колодезь божественной милости противопоставляется всему преходящему в жизни человека.) И в окказиональном, но достаточно понятном фразеологизме *у п а с т ь в к о л о д е з ь* ‘перестать существовать’: *Всѣ дого- ворные стати писменно учинены а француженя Кассаллу да Сузу покинут хотят которому не ста- тися и для того мир вес в колодез упал а быт воинъ вскорѣ хотят италяне немецких людем приимат не хотят.* В-К I, 1631 г. (По всей вероятности, это предложение следует понимать таким образом, что вследствие планируемого отхода французских войск мирное существование, с точки зрения пишущего, закончилось, и скоро начнется война.) Но, как видим, образно и переносно слово *колодезь* выступает только в двух примерах, тогда как во многих сотнях других соотносится с конкретными денотатами.

Из этого значения (*колодезь* как ‘колодец’) образовались два очень востребованных в языке Московской Руси производных — ‘такое сооружение на винокурне и пивоварне’ и ‘искусственная, защищенная срубом яма для добывания соляного раствора на солеварне’: *Да в том же мѣе два колодезя винокурных почищаны.* Южн. тамож. кн., 1627 г. *Въ винокурнѣ колодесъ старой, съ очепомъ, да котел- ной очагъ ветхой.* АЮБ III, 1668 г. *Починивали заплоту в рекѣ Каменке крепили хворостом да соломою з землею и бревны и досками для винокуренных и пивоваренных колодезей.* Пам. Влад., 1673 г. И, с другой стороны: *У Соли Галицкие колодезь рылного осмин с росолом и с полуварницею.* Вкл. кн. ТСМ, 1537 г. *Да к той варници колодязь соляной, да две клети да двор.* Сл. промысл. II, 1562 г. *Били мы челом тебѣ государю... о соляных колодезях, о Конышове да о Кулакѣ, варити соль на монастырской оби- ход и варница у тѣхъ колодезей поставить.* Ст. печ. пр., 1613 г. И поскольку значения действительно были весьма актуальными, от последнего образовалось метрическое ‘единица измерения объема рассола’: *Продалъ цренъ да варницу, да полколодезя росолу межъ тонею Тимофеевою и Вазеницкою.* Сл. промысл. II, 1618 г. *Да росоль... половина получетверти колодезя.* Сл. промысл. II, 1678 г., а также ‘промышленное предприятие для добычи рассола и выварки соли’: *Взял дань... з дву варниц Солокурского колодезя полтора рубли.* Сл. промысл. II, 1578 г. *Заварили в Верховье на Васильевском колодезе на но- вом црене.* Сл. промысл. II, 1597 г.

Именно от второго значения (*колодезь* как ‘колодец’) образованы дериваты *колодезник* (15 текстов) и *колодешник* (2 текста) — ‘кто копает колодези (в знач. 2) или занимается их починкой’: *Да колодез- никомъ... которые копали колодези на конюшенномъ дворѣ и в деревне Софонове, за кормъ и за ра- боту, и подрятчикомъ, четырнадцать рублей семь алтынъ.* ДТП III, 1668 г. *На домовомъ дворѣ ко- лодешникъ Лазарь Рудометкинъ съ товарыщи колодезь чистиль.* АХУ II, 1682 г. В постпозиции

к личному имени данное слово употреблялось и как указание на род деятельности, и уже как прозвище человека: *А на то послуси: сотник Семен, да Денисей Иванов сынъ, да Захарь колодязник.* АСЭИ I, 1485 г. (Функция слова неоднозначна.) *Дворникъ Микитка колодезникъ.* Росп. сп. Моск., 1638 г. (Слово уже стало прозвищем.)

Имена прилагательные *колодезный* и *колодешный* тоже образованы от существительного *колодезъ*, а не от существительного *колодец*. Прилагательное *колодезный* представлено в 23 источниках Словаря. Два его значения коррелируют с семантикой ‘источник’ — это чисто относительное значение в цитате *С Толстай дубровы на подол по речьки по Птани на устья колодезного и на Дубецкои веръх.* Южн. отк. кн., 1642 г. и ‘растущий вдоль ручья’: *На осиновои кустъ к тои жа Толстои дуброве колодезнои.* Южн. отк. кн., 1644 г. Однако в большинстве цитат реализуются значения, соотносимые с *колодезем-колодцем*: *колодезна вода* Аноним. разг., XVI в., *колодезное чищенье* Кн. прих.-расх. Болд. м., 1568 г., *воды колодязные* Назиратель, XVI в., далее *бады колодезные* Заб. Дом. быт I, XVI в., *колодезный столб* Сл. промысл. III, 1679 г., *городовые колодезные деньги* Кн. зап. Моск. ст. II, 1637 г., *колодезный шатер* ДАИ IX, 1678 г., а также *колодешной столб* АХУ II, 1682 г. Здесь же — устойчивые составные номинации *к о л о д э з н о е д е л о* ‘изготовление и починка колодцев’ и *к о л о д э з н ы й (к о л о д э з н о г о д е л а) м а с т е р* ‘то же, что *колодезник*’. В одной цитате значение прилагательного соотносится с соловарным колодезем: *Се язъ Иванъ да язъ Павель Ивановы дѣти Костылева, ненокшане, продали есмѧ Ивану Стефанову сыну Коковицу... семую выть варницы росолу, статки отца своего, и по тому росолу участки въ росолнемъ колодези, и въ варничномъ мѣстѣ... и по тому росолу участокъ во всей въ копалной въ колодезной счасти.* АЮ, 1596 г. Прилагательное *колодезный*, подобно своему производящему, выступает в качестве топонима: в источниках Словаря встретились село *Колодезное*, *Колодезный лесок*, пустошь *Колодезное*, *Колодезной острог* Тульской засеки.

Имя существительное *колодец* нашлось лишь в 8 источниках Словаря. У него нет значения ‘источник’ — только ‘искусственная, обнесенная срубом яма для добывания воды’ и ‘искусственная, защищенная срубом яма для добывания соляного раствора на солеварне’: *Погреб с сараем, двор огорожен забором, баня, на огороде колодец.* Вкл. кн. ТСМ, 1641 г. и *Продал варницу свою с цыреном и з двема колодцами откуды росол был лит старой.* Сл. Перм. I, 1616 г. Один раз слово выступает как топоним: *Переулок Колодец.* Гор. России, 1587 г.

В «Словаре русского языка XVIII века» находим одну общую словарную статью Колодезь и (реже) Колодец. Помета в скобках указывает, что в XVIII в. еще по-прежнему преобладало ныне устаревшее слово *колодезь* [6, вып. 10, с. 99]. Первым значением уже дается современное ‘глубокая яма с отвесными стенками для добывания воды’. Здесь в 4 цитатах представлена лексема *колодезь* и только в одной — *колодец*. Во втором значении ‘родник, ключ, источник’ все 4 цитаты только с лексемой *колодезь*, включая даже *нефтяные колодези*. Третье значение — ‘искусственное углубление, шахта для различных технических надобностей’ — и снова все цитаты со словом *колодезь*, включая *шахт* или *колодезь* и *купоросный колодезь*. Никаких специальных знаков, употребляемых в этом словаре для указания на изменение активности слова в пределах столетия, ни при одном значении не стоит. Однако в зоне стилистических комментариев находим важную для нас информацию: САР¹ *колодезь* или *колодец* «в общем языке употреблении», САР² *колодезь* б/п, *колодец* «простонар.» [Там же, с. 100].

Обратившись к САР², действительно находим: «*Колодезь* и *простонар. колодецъ*. Углубление в земле до водяных жил, одеваемое деревянным срубом или выкладываемое камнем, из коего достают воду ведрами или бадьями» [1, ч. 3, с. 239]. И в двух речениях, конечно, употреблено первое слово, стилистически нейтральное: *глубокой, обильной водою колодезь. Копать, чистить колодезь.* Так что и в XVIII в. из пары *колодезь* — *колодец* доминировал первый вариант.

Вместе с тем более активное во все предшествующие эпохи, слово *колодезь* перестало употребляться в русском литературном языке, уступив своему конкуренту. В МАС читаем: «КОЛОДЕЗЬ, -я, м. **Устар.** Колодец. *Не плюй в колодезь, пригодится Воды напиться.* И. Крылов, Лев и Мышь. *В kraю моем Днепр Ручейком начинался. Колодец, как древле, Колодезем звался.* Рыленков, Под небом осенним [4, т. 2, с. 75]. Так что в XIX—XX вв. «простонародное» слово постепенно, но в итоге окончательно побеждает. И только дериват лексемы *колодезь* — имя прилагательное *колодезный* — как фонетически более удобное, сохраняется в современном литературном языке.

Однако, как часто бывает, утраченное в литературной части русского языка сохраняется в говорах. СРНГ показывает, что в русских диалектах XIX—XX вв. активно употребляются лексемы *колодезь* и *колодесь*: как в значении ‘колодец’, так и в значении ‘источник, родник, ключ’, а также в значении ‘яма, ямка’, ‘род погреба’, ‘дымоход’, ‘задняя часть говяжьей туши’, ‘созвездие Корона’ (всего выделено 9 значений), омонимом дается *колодезь* ‘долбленный из дерева улей-колода’; есть здесь прилагательное *колодежный* ‘колодезный’ и существительное *колодезевка* ‘колодезная вода’, *колодезек* ‘колодец’ и ‘колодезная вода’, *колодезник* ‘укладка снопов в поле, напоминающая колодезный сруб’ [3, вып. 14, с. 154—155]. Сохранилось в говорах и слово *колодец* в значении ‘источник, родник, ключ’, также оно употребляется в значениях ‘яма’, ‘не заросший травой провал в болоте’, ‘сруб’, есть также антонимичное значение ‘холм, бугор’ и др. (всего 9 значений). Омонимом дается *колодец* ‘улей-дуплянка’ и *колодцы* ‘ловушка для зайцев’ [Там же, с. 155—156]. Таким образом, в территориальных разновидностях русского языка дальше, чем в литературной его части, сохранились и старые слова (*колодезь* и его дериваты), и старые значения, представленные в памятниках средневековой письменности, но утраченные современным литературным языком.

Список библиографических ссылок

1. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. СПб. : Акад. наук, 1806—1822.
2. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв). Т. 1—13. М. : Рус. яз., 1988—2023. Изд. продолж.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—52. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—2021. Изд. продолж.
4. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1986.
5. Словарь русского языка XI—XVII веков. Вып. 1—32. М. : Наука : ИРЯ РАН, 1975—2023. Изд. продолж.
6. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—22. Л. ; СПб. : Наука, 1984—2019. Изд. продолж.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1890—1912.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986—1987.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1994.
10. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Учпедгиз, 1961.
11. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н. М. Шанского. М. : Рус. язык, 1982. Т. 2, вып. 8.
12. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010.

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

Омский государственный педагогический университет

(Омск, Россия)

nata.ro@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В РУССКОМ ПРОСТОРЕЧИИ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются семантические дериваты, которые в лексикографических источниках XVIII века маркируются как просторечные. Уточняется понятие *просторечие* применительно к указанной эпохе. Анализируется возможность использования процедуры описания морфемной деривации для выявления специфики семантической деривации.

Ключевые слова: семантическая деривация, русское просторечие XVIII века, мотивирующая база, формант, метафорическая мотивация.

Shcherbakova Natal'ya Nikolayevna, Omsk State Pedagogical University, Russia
nata.ro@mail.ru

Semantic derivation in the russian vernacular of the XVIII century

The article examines semantic derivatives, which are labeled as colloquial in the lexicographic sources of the XVIII century. The concept of vernacular is clarified in relation to the specified era. The possibility of using the morphemic derivation description procedure to identify the specifics of semantic derivation is analysed.

Keywords: semantic derivation, Russian vernacular of the XVIII century, motivating base, formant, metaphorical motivation.

Семантическая деривация стала объектом активного исследования в XX столетии и до сих пор является предметом острых дискуссий по поводу правомерности предлагаемого ее сторонниками подхода к анализу языковых единиц. В целом лингвисты солидарны во мнении о том, что, помимо морфемного словоизводства, в языке существуют процессы создания новых слов без использования аффиксальных морфем. Например, такое явление, как конверсия, иначе называемая как переход из одной части речи в другую, признается всеми без исключения дериватологами. Основная полемика сосредоточена на тех случаях, когда новая единица создается путем семантического переноса. Традиционную точку зрения на результат подобного процесса обнаруживаем в работах Е. А. Земской, которая придерживается мнения о том, что в таких ситуациях создаются «не особые слова, а особые значения слова, так что нет основания считать такие переносы способом словообразования. Изучение подобных явлений — задача лексической семантики» [1, с. 157]. Иная позиция отражена в работах, авторы которых ставят под сомнение само явление полисемии, полагая, что каждое новое значение, возникшее у лексической единицы в результате семантического переноса, практически является новым словом [4; 5].

Анализ текстов, отражающих настолько радикальную точку зрения, показывает, что она родилась как реакция на проблему разграничения омонимов и многозначных слов в словарях. Например, в толковых словарях русского языка существительное *цветочница* подается как многозначное. Первое значение «женщина, продающая цветы», второе — «подставка для цветов». Понятно, что оба значения связаны со словом «цветок», что и обусловило их объединение в одной словарной статье, но тогда возникает закономерный вопрос о том, сколько у слова может быть первичных значений. Ведь очевидно, что между собой указанные значения никакими смысловыми отношениями не связаны, т. е. их надо бы подавать как омонимы, поскольку они оба фактически первичные. В то же время, если лексические значения слова связаны между собой, как, например, в случае зооморфной метафоры (*слон* — животное и *слон* — неуклюжий человек), то происходят существенные изменения в их парадигматических связях. Так, упомянутое существительное *слон*, используемое для характеристики человека, становится синонимом к слову *медведь* в аналогичном значении, и это как раз еще один довод в пользу сторонников точки зрения о том, что это все же новое слово. Именно поэтому они предлагают составителям словарей использовать способ подачи одинаково звучащих слов как омонимов. Этот принцип реализован, например, в дополнениях к словарю старожильческих говоров Омской области и словарю омского городского просторечия, созданных под редакцией Б. И. Осипова [10; 12].

Единицы, созданные путем переноса наименования, включаются при таком подходе в состав семантических дериватов. Но в таком случае к этим единицам можно попытаться применить инструментарий традиционного словообразовательного разбора. Результаты применения этого подхода предлагаются далее.

Как уже было отмечено, важнейшее различие между двумя видами словообразования в русском языке состоит в том, что в процессе морфемного словообразования используются формальные средства, тогда как при семантической деривации слово внешне может не изменяться, но при этом происходят серьезные трансформации в его лексической или грамматической семантике. Однако при всей разнице процессов создания новой единицы, как бы ее ни называть: новым словом или новым значением слова — использование для анализа подобных образований процедуры традиционного словообразовательного разбора все же возможно. Обратимся к материалу просторечной лексики XVIII века, отраженной в лексикографических источниках [8; 9; 11].

Зафиксированные в словарях многозначные слова демонстрируют указанные ранее проблемы в разграничении омонимии и полисемии. Так, у существительного *глухарь* фиксируются следующие значения: нейтральное «плохо слышащий человек» и просторечное «тот, кто живет в глухом месте» [11, т. 5, с. 135]. У существительного *косыня*, помимо нейтрального «кривизна», фиксируется значение, характеризующее человека («кто косые глаза имеет»), и при этом используется помета *слово низкое* [9, т. 5, с. 135]. У существительного *белянка* зафиксированы значения «белый груздь» (без пометы) и «белокурая, белолицая женщина, девушка» (просторечное) [11, т. 1, с. 198]. Таких примеров в словарях, отражающих лексику XVIII в., много, что объясняется тем, что на момент создания первого академического толкового словаря не существовало стройной теории семантики и словообразования. В связи с этим в одной словарной статье авторы могли объединить слова, созданные не только без учета оттенка значения мотивирующей базы, как в случае со словом *глухарь*, но и вообще образованные по разным моделям, как в следующем примере: *воркотун, воркун* — «1) «любитель поворковать (о голубях); 2) прост. ворчун» [8, т. 1, с. 861]. Первое значение указанных лексико-словообразовательных вариантов явно соотносится с глаголом *ворковать*, а второе — с *ворчать*, т. е. с позиций современного подхода к анализу словообразовательной структуры перед нами абсолютно разные слова.

Все указанные обстоятельства потребовали для последующего анализа отбора только таких лексических единиц, значения которых связаны между собой отношениями семантической трансформации. При этом, как уже было сказано, использовался традиционный словообразовательный анализ, центральной единицей которого является словообразовательный тип. Трехчастная схема этой единицы предложена, как известно, в «Русской грамматике» и с успехом реализована там же на богатом эмпирическом материале [6, с. 135]. Если использовать эту схему, например, для описания семантических дериватов, созданных при помощи метафоры, то, конечно, потребуются некоторые уточнения. Так, представляется, что механически использовать такие термины, как *мотивирующая база, формант и словообразовательное значение*, применительно к семантическому словообразованию не следует. Речь может идти об эквивалентах понятий морфемной деривации.

Представляется, что в качестве эквивалента мотивирующей базы при метафорической деривации выступает ассоциативный потенциал слова — явление, описанное еще С. О. Карцевским [2]. Рассмотрим это явление на конкретном примере. Довольно часто для негативной характеристики человека в русском просторечии XVIII века используются неодушевленные существительные. Например, для названия толстого, нескладного, неповоротливого человека использовалось слово *чурбан* [9, т. 6, с. 1227]. Первичным значением этого существительного является «круглый короткий обрубок дерева», которое никоим образом не связано с представлениями о неповоротливости, неуклюжести. Следовательно, вторичное значение, характеризующее человека по специфике поведения, связано

не с лексическим значением, а с ассоциациями, возникающими на базе невозможности этого предмета к самостоятельному движению и, возможно, с его не самой изящной формой.

Обратимся к следующему компоненту характеристики — эквиваленту понятия *формант*.

Представляется, что поиски такого средства также нужно осуществлять в области семантики. Анализ языковых единиц приводит к выявлению ведущей роли внутренней формы слова как средства создания семантического деривата. Так, у существительного *чурбан* в первичном значении внутренняя форма не обнаруживается, она может быть установлена только в процессе этимологического анализа, т. е. для носителя языка она скрыта. Но вторичное значение явно ею обладает: у существительного *чурбан*, использующегося для характеристики человека внутренняя форма создается за счет скрытого сравнения человека с предметом. В том, что этот механизм связан с обязательным соотношением с первичным значением, можно убедиться, обратившись к текстам, манифестирующим подобные соотношения. Например, в сатирическом журнале «Трутень» можно прочесть такое объявление:

Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенной свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденижно по многим улицам сего города («Трутень», 1769, из листа VI, июня 2 дня) [7].

В данном случае соотношение с первичным значением поддерживается прежде всего отсылкой к возрасту через использование супплетивных форм *поросенок — свинья*.

Метафора одновременно соотносит семантический дериват и с прежним, и с новым денотатом. В этом и состоит механизм образования у слова новой внутренней формы, т. е. того средства, которое эквивалентно форманту.

Отметим некоторые грамматические особенности, связанные с метафорическими дериватами. В этом отношении они, как правило, мало чем отличаются от мотивирующей базы, но в группе имен существительных у такого деривата может появиться одушевленность (как, например, у существительного *чурбан*), а это значит, что его парадигма будет отличаться рядом падежных форм. У глаголов может измениться характеристика переходности. Например, глагол *крутить* в значении «вращать» является переходным, а образованный путем метафорического переноса просторечный семантический дериват *крутить* в значении «хитрить» переходность утрачивает [11, т. 11, с. 48].

Обратимся к описанию последнего элемента словообразовательного типа — эквиваленту понятия *словообразовательное значение*.

«Русская грамматика» формулирует его как «общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от мотивирующих» [6, с. 135]. Применительно к метафорическим семантическим дериватам словообразовательное значение может быть определено следующим образом: обнаруживающий сходство с тем, что названо мотивирующей базой. Словообразовательное значение метафорических семантических дериватов легко обнаруживается в словарных статьях, например: «Кропать. 1. Чинить, штопать, шить из лоскутов или шить плохо, кое-как. 2. В просторечии: сочинять плохо, неумело» [8, т. 11, с. 34]. Расположение рядом указанных значений слова делает очевидным уподобление результата называемых действий.

Помимо метафорических дериватов, русская просторечная лексика XVIII столетия содержит немало слов, которые демонстрируют взаимодействие семантической и морфемной деривации. Например, просторечный глагол *канючить* («просить чего-либо длительно, неотступно»), безусловно, создан путем прибавления суффикса *-и-к* основе существительного *канюк* («род малорослого филина, который пискливым голосом наводит скуку») [9, т. 3, с. 430]. На морфемном шве при этом наблюдается морфонологический процесс — историческое чередование заднеязычного и шипящего звуков. По всем внешним признакам перед нами пример морфемной деривации. Однако невозможно не заметить, что, помимо аффиксации, метафорически изменяется лексическое значение

производной основы. Для описания словообразования таких экспрессивных слов В. В. Лопатин предложил термин «метафорическая мотивация» [3]. Метафорическая мотивация представляет собой сложное взаимодействие морфемного и семантического словообразования: средства морфемной деривации в этом случае дополняются средствами семантического словообразования. Это ассоциативный потенциал слова, основа которого используется в процессе словообразования, а также возникновение новой внутренней метафорической формы. Такие единицы, как представляется, являются самыми сложными по специфике их деривационной структуры.

Таким образом, обращение к анализу семантических дериватов просторечия XVIII столетия показывает, что все способы неморфологического словообразования были в этот период уже сформированы.

Использование традиционной схемы словообразовательного анализа лексической единицы позволяет не только систематизировать и описать ее деривационную специфику, но и уточняет механизм трансформации семантики.

Разумеется, этот анализ не убеждает в том, что возникающая в процессе семантической деривации производная единица является отдельным словом, но он позволяет уточнить механизмы, приводящие к изменению семантики мотивирующей базы, а также убедиться в том, что процессы создания новой языковой единицы демонстрируют тесное взаимодействие смысловых и структурных компонентов.

Список библиографических ссылок

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие. М. : Просвещение, 1973. 304 с.
2. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкоznания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях : в 2 т. Изд-е 3-е, доп. М. : Просвещение, 1964—1965. Т. 2. С. 85—90.
3. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Ученые записки Ташкентского педагогического института. Ташкент : ТашГПИ, 1975. Т. 143, вып. 1. С. 53—57.
4. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1981. 39 с.
5. Осипов Б. И. Проблема целостного изучения словообразовательной системы языка: современное состояние и дальнейшие перспективы // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной : межвузовский сборник научных трудов. Омск : ОмГУ, 2003. С. 5—19.
6. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.
7. Сатирические журналы Н. И. Новикова. М. ; Л., 1951. 627 с.
8. Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Имп. Акад. наук, 1789—1794.
9. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. СПб. : Имп. Акад. наук, 1805—1822.
10. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: дополнения : в 2 т. / под ред. Б. И. Осипова. Омск : ОмГУ ; ОмГПУ, 2001—2003.
11. Словарь русского языка XVIII века / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л. ; СПб. : Наука, 1984—2019. Вып. 1—22.
12. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. М. : Рус. словари, 2003. 565 с.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ДЕВЯТЫЙ» (К ВОПРОСУ О СИСТЕМАХ СЧЕТА И «ПОЛНОМ» ЧИСЛЕ)

Статья посвящена устойчивым выражениям с числительным «девятый». Семантика фразеологизмов рассматривается в зависимости от приемов счета и «синкретизма» числа в древности. В качестве аргументов приводятся материалы из тюркских языков и реалий тюркоязычных культур.

Ключевые слова: историческая лексикология, имя числительное, фразеология, фразеологизм, диалектизмы.

Smirnova Galina Yurievna, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Sankt-Petersburg, Russia
smiga58@list.ru

Set expressions with the numerator “ninth” (on the question of count systems and “full” number)

The article is devoted to phraseological units with the numeral “ninth”. The semantics of phraseological units is considered depending on the counting techniques and the “syncretism” of numbers in ancient times. Materials from Turkic languages and the realities of Turkic-speaking cultures are presented as arguments.

Keywords: historical lexicology, numeral name, phraseology, phraseologism, dialectisms.

Числа и числительные — широко освещенная и до сих пор освещаемая тема в фольклористике и в языкоznании. Самыми привлекательными для исследователей по-прежнему остаются числа/числительные 3 (три), 7 (семь), 12 (двенадцать), 33 (тридцать три). Обилие примеров с числом 9/числительным «девять»/«девятый», а также известное фольклорное *тридевять* породило гипотезу о существовании на Руси девятеричного счисления.

Хотя гипотеза не выдержала никакой критики, однако наличие счета по девяти трудно оспорить. Традиционно счет девятками, или тогузами, — способ расчетов, характерный для тюркоязычных культур [3, с. 160—161]. Словарь русского языка XI—XVII вв. фиксирует оттенок значения числительного «девять» как единицы счета. Пример показывает, что речь идет именно о расчетных делах в тюркоязычной среде: «Пожаловаль есми сына своего Алпа царевича тремя девятми, и ты дай отъ себя сыну моему Алпу двъ девяти, а третею девять язъ ему отъ себя дамъ. Крым.д. II, 274, 1516 г.» [8, с. 200].

Неудобство выполнения математических операций с девятками, например, при делении, очевидно. «Девятуха — одна девятая часть чего-л.» [7, с. 326]. Для удобства расчетов должно было быть некое устройство или мерное приспособление.

В культуре многих тюркоязычных (а также монгольских) народов сохранилась игра тогуз коргоол («девять горошин») [4]. В ходе игры девять маленьких шариков, оказавшихся в круглой лузе, обозначают «десятку», «полное» число (рис.1).

Таким образом, визуально мы наблюдаем 9 (горошин), а принимаем за 10 (Отчасти это напоминает действие на русских счетах.) Такие расчеты, обмены (чаще всего безденежные) допустимы, когда, например, к единицам счета одного порядка присовокупляется единица иного порядка — емкость или тара (яйца, грибы, ягоды вместе с корзиной, семечки со стаканом и т. п.), завершающая счет/расчет (для *полного счета*, для *ровного счета* и т. д.). Возможно, иллюстративным будет поговорка «Знаешь ты

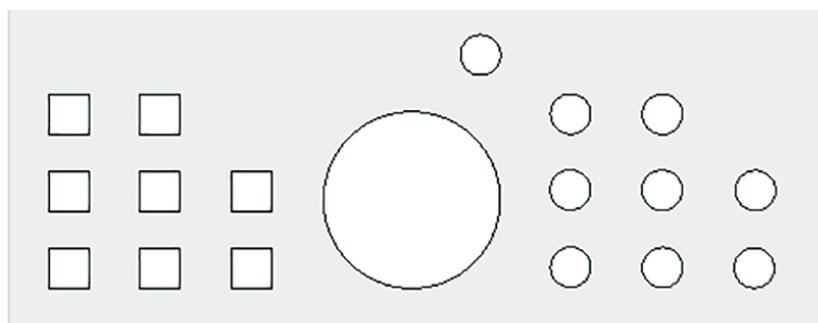

Рис. 1. Игра тогуз коргоол («девять горошин») [4]

с редкой десять» (т. е. ничего не смыслишь) [2, с. 455]. Но и в современной математике (геометрии) сходные явления тоже есть. Например, в задании провести отрезок из угла треугольника так, чтобы получилось три треугольника. Достаточно провести любой отрезок из любой вершины треугольника, в результате получаем два треугольника внутри и третий объединяющий.

Отношение к числу или количеству обозначаемых предметов во всех культурах складывалось медленно и закреплялось в некоторых случаях без изменения до современного состояния. Поскольку мы затронули тюркоязычное влияние и опираемся на него, то приведем следующий пример: у киргизов в детской игре в альчики *йс* (три) обозначает «5» как предел счета (табл.).

Счет в детской игре в альчики

Счет в игре	Математический счет
Birdin ўчү — 5 альчиков	3
Birdin ўчү еки — $5 + 2 = 7$ альчиков	$3 + 2 = 5$
Ekinin ўчү — $2 \times 5 = 10$ альчиков	$2 \times 3 = 6$

При всех расчетах, противоречащих математике, *йс* (три) сохраняет свое количественное наполнение «5». Это может свидетельствовать не только о том, что «число “три” воплощает достаточно древнюю традицию обозначения предела счета» [10, с. 630], но и о некотором синкретизме числа вообще. Также числительное *отуз* «30» может быть употреблено вместо *йс* как некое преобразование символики числа 3 [10, с. 630].

Самое известное выражение с числительным *девятый* в русском языке — *девятый вал* «грозная опасность или наивысший подъем чего-л.». В отличие от исходного источника *девятый вал*, «которого больше и не бывает по мнению Латинских Пиитов» [9, с. 115], фразеологизм претерпел изменение в компоненте, связанном с числительным: «У Волжских плавателей называется по нашему самый большой вал на Волгѣ *девятый*, а не *девятый* <как у римлян>. Арг. II 585 [9, с. 68]. Б. Л. Богородский приводит ряд фразеологизмов и паремий: *девятый вал*, *девятый взводень*, *девятый бурун*; *девятый вал* — *роковой*; *катит беда, что девятая волна*; *девятая волна добивает* [1, с. 362]. Возможно, предпочтение числительного «*девятый*» вместо числительного «*десятый*» связано с нашим восприятием числа 9 как последнего в ряду единиц. В «Словаре русского языка XVIII в.» зафиксировано выражение *Быть на девятом взводѣ* в значении «быть навеселе»: «Дядька мой был и в то уже время на девятом взводѣ. Зап. Блтв. I 84 [9, с. 68]. Вероятно, *девятый взводъ*, или *девятый взводень*, можно рассматривать как вариант фразеологизма *девятый вал* [1, с. 362]. Следовательно, корректнее было бы рассматривать значение «*крайняя степень опьянения*».

В «Словаре русского языка XVIII в.» зафиксирован фразеологизм *дело девятое* «о чем-то несущественном» с пометой *прост.*: «То дѣло девятое. Враки. Без ук.» [9, с. 68]. В современном употреблении — *дело десятое*.

В говорах отмечено несколько фразеологизмов с числительным *девятый*: *девятый забай* «о человеке, который много говорит», *девятый зуб* «о дальней родне», *девятый мосол* «о чем-то бесполезном, ненужном», *девяты люди* [7, с. 326]. Источником последнего фразеологизма послужил анекдот (бытоваая сказка) о десяти пошехонцах, которые не смогли найти десятого, потому что каждый забывал со-считать себя. Этот фразеологизм зафиксирован в ряде словарей с разными локальными указаниями, но чаще всего в районах Русского Севера: «Девяты люди. Так дразнят обывателей с. Кузаранды в Заонежье» [7, с. 326]. Очевидно, на базе этого фразеологизма в говорах возникают наименования глупца, дурака: *бесчетный*, *бесчисленник*, *бесчисленный*, *бесчисловый*, *бесчиселка*, *бесчисла* [6, с. 283].

Ошибка пошехонцев заключалась в выборе начальной точки счета — в итоге двух способах счета — проспективном и ретроспективном [11, с. 68]. До сих пор в детских играх считающий может начинать считалку с себя или с рядом стоящего игрока.

При проспективном счете количество выражено неполным числом (9), при ретроспективном — полным (10). При наличии двух систем счета появляется возможность рассмотреть *тридевятое царство, тридесятое государство* как композит, части которого образуются в зависимости от разных систем счета, равны между собой «математически» и представляют некое «полносчетное множество» [3, с. 163].

Разные способы счета зафиксированы и в тюркских языках, в частности в турецком. Например, дата могильного сирийско-турецкого памятника по старой системе счета *toqiz ogiz* «29» (буквально «девять тридцать», «девять к тридцати», «девять из третьего, тридцатого порядка» [5, с. 275]. Это еще одна возможность

рассматривать по аналогии композит *тридевятое царство, тридесятое государство* как государство «Двадцать девятое — тридцатое». Ср. также: «В сказках один царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что девять деветин, в десятом царстве есть сад с молодильными яблоками». Тамб. Афанасьев [7, с. 324].

Фразеологизмы *девятый забай, девятый зуб, девятый мосол* зафиксированы в районах Урала и Гурьева (нынешний Арытау), с проживающим в этих районах тюркоязычным населением. Велика вероятность восприятия числительного «девятый» и числа 9 как избыточного, переходящего границу, под влиянием тюркских языков, в которых 8 символизирует некую полноту, достаточность.

Таким образом, *девятый* в устойчивых выражениях, паремиях, фольклорных композитах может: а) означать некий порядковый предел (связанный с количественным): *девятый вал, быть на девятом взводе*; б) использоваться в количественном значении равным 10: *тридевятое царство, тридевять земель; дело девятое*; в) означать некую избыточность чего-л.: *девятый забай, девятый мосол, девятый зуб*.

Довольно активное обращение исследователей последних лет к теме числа и числительных пока только множит примеры и радует авторов, однако исследование числительных (числа) в фольклорных текстах, в паремиях, во фразеологии никогда не даст стройную картину в развитии и использовании числительных, а также картину отражения счетных операций — конкретно в русском языке. Фиксации того или иного употребления зачастую отсутствуют либо являются хронологически очень поздними, когда уже нельзя исключить влияние научной математики и складывание так называемого математического мышления. Найденные примеры нередко могут быть единичными, не подтвержденными сходством с другими и даже противоречащими друг другу. Следует учитывать, что мы имеем дело с отражениемrudиментов разных приемов счета, вероятностью использования того или иного способа счета в зависимости от сферы применения, например, в хозяйствственно-бытовой (при разных объектах счета) и в деловой сфере, а также довольно поздними записями фольклорных текстов.

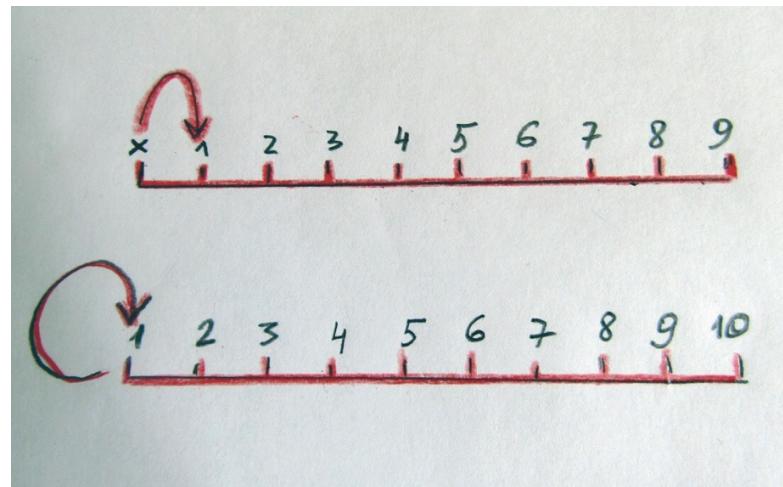

Рис. 2. Два способа счета (рис. авт.)

Список библиографических ссылок

1. *Богородский Б. Л.* Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957.
3. Историческая грамматика древнерусского языка / О. Ф. Жолобов. М. : Азбуковник, 2006. Т. IV. Числительные.
4. *Кыдырмышев Н.* Система счета у древних кыргызов // Pandia : интернет-издание. Сор. 2009—2025. URL: <https://pandia.ru/text/77/399/104167.php?ysclid=luznkggdbn454493271> (дата обращения: 08.09.2024).
5. *Малов Е. С.* К изучению турецких числительных // Академику Н. Я. Марпу. XLX : юбилейный сборник / АН СССР. М. ; Л., 1935. С. 271—277.
6. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1966. Вып. 2.
7. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1972. Вып. 7.
8. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. : Наука, 1977. Вып. 4.
9. Словарь русского языка XVIII в. Л. : Наука, 1991. Вып. 6.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского эпоса по данным языка. М. : Наука, 2006.
11. *Степанов Ю. С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкоznания. 1989. № 4. С. 32—45.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА. ЛИНГВОПОЭТИКА

В. М. АЛПАТОВ

Институт языкоznания РАН

(Москва, Россия)

v-alpatov@iling-ran.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматривается понятие литературного языка в русской лингвистической традиции в сравнении с западными и японскими подходами к языковой норме. Автор анализирует историческое формирование концепции литературного языка в России, подчеркивая его связь с художественной литературой и культурной ценностью. Особое внимание уделяется различиям в восприятии литературного языка в России, где он ассоциируется с языком художественной литературы, и в западных странах, где преобладает концепция стандартного языка, ориентированного на коммуникативную функцию. Также рассматривается отношение к деловому стилю в разных культурах, включая критику «канцелярита» в России и престижность официальных текстов в Японии. Статья подчеркивает национально-культурные особенности в понимании языковой нормы и роль литературы в формировании языкового идеала.

Ключевые слова: литературный язык, стандартный язык, языковая норма, художественная литература, деловой стиль, канцелярит, культурная ценность языка, русская лингвистическая традиция, японский язык, западная лингвистика, функциональные стили, языковой идеал, литературоцентризм.

Alpatov Vladimir Mikhailovich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Literary language and the language of literature

The article examines the concept of literary language in the Russian linguistic tradition in comparison with Western and Japanese approaches to the language norm. The author analyzes the historical formation of the concept of literary language in Russia, emphasizing its connection with fiction and cultural value. Particular attention is paid to the differences in the perception of literary language in Russia, where it is associated with the language of fiction, and in Western countries, where the concept of a standard language focused on the communicative function prevails. The attitude to business style in different cultures is also considered, including criticism of “officialese” in Russia and the prestige of official texts in Japan. The article emphasizes national and cultural features in understanding the language norm and the role of literature in the formation of the language ideal.

Keywords: literary language, standard language, language norm, fiction, business style, officialese, cultural value of language, Russian linguistic tradition, Japanese language, Western linguistics, functional styles, language ideal, literature centrism.

Термин *литературный язык* общеизвестен. Не буду разбирать его многочисленные определения, но, безусловно, имеется некоторое общее понимание того, что это такое. Как пишет, например, А. М. Пешковский, здесь «самым существенным... является именно это стремление говорящего так или иначе *нормировать* свою речь, говорить не просто, а *как-то*» [8, с. 235]. Главная черта, поддерживающая существование литературного языка в отличие от других разновидностей языка (диалектов, просторечия) — наличие «языкового *идеала* говорящих» [8, с. 236]. Литературный язык необходим для любого общения, которое, по выражению Е. Д. Поливанова, «возвышается над уровнем обывательской беседы». Как писал тот же А. М. Пешковский, «если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык *нормируемый*» [8, с. 241]¹. Литературный язык и нелитературные разновидности языка различаются по функциям, а в связи этим и по структуре. Поскольку литературный язык используется в различных ситуациях, то он имеет варианты (так называемые функциональные стили), приспособленные к обслуживанию этих ситуаций, тогда как диалекты и просторечие обычно используются лишь в быту². К этому вопросу я далее вернусь.

Однако следует обратить внимание на внутреннюю форму термина *литературный язык*. В отечественной традиции он прочно укоренился, но за ее пределами соответствующие термины используются лишь иногда в славянских языках (например, в публикациях Пражского кружка) и, разумеется, в тех языках, куда он пришел из русского. В западных языках, а также, например, в японском языке, термин, буквально так построенный, если есть, то имеет другое значение. Такой термин, например, во французском языке относится к языку, которым говорят герои классических трагедий, максимально

далекий от разговорного языка, а в японском языке это старописьменный язык (*бунго*, что буквально и значит *литературный язык*), в прошлом игравший роль, которую можно сравнить с ролью церковнославянского языка в России. Нашему термину *литературный язык* во многих европейских языках соответствует то, что буквально переводится как *стандартный язык*. В Японии существуют даже два не совпадающих по значению термина, но ни один из них не связан с литературой (буквально *стандартный язык и общий язык*). У нас теперь термин *стандартный язык* тоже есть, но, совпадая в денотативном значении с *литературным языком*, он имеет иные коннотации: классики литературы могли писать только на *литературном языке*, а про деловую бумагу скорее хочется сказать, что она написана на *стандартном языке*.

И это не просто терминологические различия. Вот что об этом сказано в современной диссертации об английском варианте европейской лингвистической традиции. Теории литературного и стандартного языков «отражают различные трактовки концепта “язык” и имеют национально-культурную окраску. Стандартный язык понимается англоязычными авторами как язык, выполняющий преимущественно инструментальную функцию и имеющий коммуникативно-прагматическую направленность». «Язык как таковой не является ключом к окружающему миру, так как он сложился в результате общественного договора и существует для удобства пользователя» [3, с. 27]. Разумеется, в число текстов, созданных на стандартном языке, входят и тексты художественной литературы, но они не наделяются при таком подходе какими-то особыми свойствами. «Почтительного отношения к художественной литературе британская нормативная традиция не знала» [4, с. 75]. Сейчас в связи с общей экспанссией англоязычной лингвистики концепция стандартного языка (имеющая британские корни, но господствующая и в США) распространилась по миру.

В России представления о нормируемом языке формировались иначе. Они в законченном виде сложились во времена Карамзина и Пушкина, когда русский литературный язык окончательно отделился от церковнославянского. В это время в русской культуре очень значимым было влияние французской традиции, тогда как английская традиция была очень мало известна. А во Франции в то время рассуждали иначе. «Еще более отчетливым было различие в отношении британской и французской нормативной традиции к литературному творчеству как источнику языковой правильности. Британские авторы не рассматривали художественную литературу как надежный ориентир в вопросах культуры речи» [4, с. 72]. Во французской же грамматической традиции «соответствие грамматического описания материала литературных текстов является решающим критерием оценки пригодности данного описания» [1, с. 135].

Именно свойственная французской культуре ориентация на художественные тексты повлияла на концепцию литературного языка в России, хотя, как уже было сказано, и во Франции современный нормативный язык не называют литературным. А у нас выработка норм современного языка шла почти исключительно в сфере художественной литературы (и прозы, и поэзии); хотя в это время вырабатывался и газетный стиль, но он ценился ниже, и тем более непrestижен был деловой, канцелярский стиль. Уже Н. М. Карамзин, а также его соратники и последователи ориентировались на развитие языка художественной литературы и отрицательно относились к «приказному», то есть деловому языку, что имело и социальные причины [9, с. 43]. В России сложилось представление об «изящной словесности» в противовес непrestижному творчеству журналистов и канцеляристов.

Как отмечает Н. Н. Германова, «концепция литературного языка имеет, напротив, культурно-ценостную ориентацию: сам язык воспринимается как носитель (а, возможно, и создатель) интеллектуальных смыслов и, соответственно, рассматривается как некоторая самоценная часть культуры, в которой в свернутом виде заключена история народа и национальное мировидение.... Основные достоинства языка видятся не в ясности и рациональности, но в семантическом и стилистическом богатстве,

выразительности, образности. Поэтому в понимании большинства отечественных авторов язык художественной литературы является неотъемлемой частью литературного языка, наиболее полно представляющей его креативный потенциал» [3, с. 27].

Для России разных исторических эпох очень характерно представление о писателях (особенно про-заиках и драматургах) как «знатоках» и «хранителях» русского языка, это отражается и в самом термине *литературный язык*, а сам этот язык нередко отождествляется с языком художественной литературы. Это проявилось, например, в общественном обсуждении проекта реформы русской орфографии в 1964 г. Больше всего обращали внимание на статьи писателей, в научном отношении обычно неграмотные, а к ученым мало прислушивались.

Иерархия жанров могла даже быть более значимой, чем социальная иерархия. В самодержавной России никогда не считались особо престижными тексты, исходившие непосредственно от императора, поскольку они по своим функциям были далеки от «изящной словесности», а жанры, в которых он мог выступать как автор, не ценились столь высоко. Даже сборник избранных речей Николая II появился лишь через одиннадцать лет после начала его царствования; его издание случайно совпало с расширением свободы печати после манифеста 17 октября 1905 г., и сборник сразу стал мишенью для сатирических журналов.

Особенно низко не только при Карамзине, но и много позже оценивался деловой стиль. Один из ярких примеров недавнего времени — обличения «канцелярита» в книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь» (первое издание — 1962). Вот несколько примеров. «Гораздо серьезнее тот тяжкий недуг, от которого, по наблюдению многих, еще до сих пор не избавилась наша разговорная и литературная речь. Имя недуга — *канцелярит* (по образцу колита, дифтерита, менингита). На борьбу с этим затяжным, изнурительным и трудно излечимым недугом мы должны подняться сплоченными силами» [10, с. 136]. «В детстве меня не учили изъясняться на таком языке», и «составить самую простую деловую бумагу для меня поистине каторжный труд» [10, с. 137]. «Оторванный от жизни штампованный, стандартный жаргон, свидетельствующий о худосочности, обескровливании мысли» [10, с. 174].

При этом можно заметить, что писатель боролся сразу с двумя противниками, не разграничивая их. Во-первых, безусловно, справедливо он, приводя убедительные примеры, осуждает смешение жанров, когда элементы канцелярского стиля проникают и в бытовую речь, и в художественную литературу. Во-вторых, Чуковский постоянно осуждает непрестижный для него деловой стиль вообще. Показательно такое место: споря со специалистом по культуре речи В. Г. Костомаровым, Чуковский пишет: «Возможно, что филолог и прав: должен же существовать официальный язык в государственных документах, в дипломатических нотах, в реляциях военных ведомств» [10, с. 138]. Сам тон («возможно, и прав») показывает, что ему очень не хочется соглашаться с такой точкой зрения, и он если и допускает использование канцелярского стиля, то в сферах жизни, которые максимально далеки от повседневности.

Ясно, что гнев писателя, как и многих других обличителей канцелярита, имел и причины, далекие от лингвистики: недовольство политической системой переносилось и на ее атрибутику, включая стиль исходящих от власти документов. Чуковский приводит близкие по духу цитаты и из А. И. Герцена, и из В. И. Ленина, а в наши дни «канцелярит» связывают с «тоталитаризмом», хотя Чуковский подчеркивал, что он появился задолго до 1917 г. Но есть и причины недовольства канцелярским стилем, непосредственно связанные с языком. Если весь литературный язык под определенным углом зрения может быть назван стандартным, то деловой стиль по своему назначению — стандартный язык в квадрате; но «штампованный жаргон казенных бумаг» [10, с. 145], как к нему ни относиться, в пределах своего назначения необходим. А несоблюдение стилистических правил плохо всегда, в том числе и в обратном случае, когда в документ проникают разговорные элементы. Вот пример из повести о сотрудниках

НИИ: один из них пишет неподходящим образом отчет о проделанной работе, а его коллега затем правит текст, заменяя *бесподобный метод интегрирования* на *эффективный метод интегрирования*, а *испытания носили двусмысленный характер* — на *в процессе испытаний были выявлены противоречия друг другу факты*. В результате в отчете появлялись «четкость, лаконизм, ритм. Фраза, собранная из слов, как механизм из деталей.... После правки Критика отчет становился относительно пристойным» [5, с. 9].

Однако в других культурах отношение к деловому стилю, как и к стилю художественной литературы, может быть иным. Вышеуказанный подход, принятый в англоязычных странах, во многом уравнивает оценки разных стилей. И еще больше отличий от того, что привычно для нас, имеется в японской культуре с давних времен до современности.

Вот один пример. Японский рецензент советского детского энциклопедического словаря по языкоznанию [11] Тино Эйтти при общей его положительной оценке выразил недоумение по поводу двух его свойств. Это отсутствие статей о западных ученых (тут он, конечно, был прав) и включение в него большого числа статей о классиках русской литературы, где в основном речь шла об их языке. Как он предположил, в Японии никому не придет в голову помещать в подобный словарь статьи о своих классиках [12, с. 37]. Отмечу, что в новом издании словаря в 2006 г. статьи о зарубежных ученых добавили, но от статей о языке классиков не отказались: для российской традиции это не недостаток: слишком важна художественная литература, особенно классическая, для русского языка как «самоценнейшей части культуры».

В Японии же художественная проза никогда не считалась столь престижной, а в некоторые эпохи, особенно в XI в., прозаическая литература на японском языке вообще считалась женским занятием. Поэзия ценилась выше, но еще более значимы были официальные тексты, особенно исходившие от императора. Именно их писали в ту или иную эпоху на самом престижном из использовавшихся языков. До XIX в. в Японии использовались два языка, которые можно назвать литературными: *камбун* — японизированный вариант китайского языка и уже упоминавшийся *бунго* на основе языка японских придворных IX—XII вв. Самым престижным из них был камбун, на нем в основном писали официальные документы, а большинство культурных сфер обслуживалось бунго. После революции Мэйдзи 1867—1868 гг. камбун вышел из употребления, деловые документы стали писать на бунго, а те или иные культурные сферы постепенно переходили на вновь формировавшийся современный литературный язык, среди них была и сфера художественной литературы (проза перешла на этот язык быстрее, чем поэзия). Престижность «изящной словесности» к тому времени под западным влиянием несколько поднялась, но в отличие от России правильный язык не связывался с художественной литературой, а авторитет бунго сохранялся. В начале XX в. «все писалось по его [бунго. — В. А.] нормам, начиная от текста закона и кончая квитанцией о приеме белья в прачечную» [6, с. 12]. К середине века на бунго в основном писали только документы (разве что ученые старшего поколения иногда его сохраняли). Лишь после Второй мировой войны деловая сфера также перешла на новый язык. В России, наоборот, и в допетровскую эпоху «приказный язык» был наиболее далек от церковнославянского по сравнению с другими письменными разновидностями языка.

А после 1945 г., как писал один японский социолингвист, в современном мире (реально, естественно, имеется в виду Япония) законодатель языковой нормы — не писатель, а массовая информация [13, с. 15]. Хотя в Японии, где, как нами уже упомянуто, разделяют «стандартный язык», понимаемый как идеал, к которому надо стремиться, и «общий язык», на котором реально говорят [7, с. 14], наиболее близким к идеалу считается язык дикторов телевидения.

У нас же все, связанное с журналистикой, традиционно не слишком престижно; характерно, что в вышеупомянутой дискуссии 1964 г. работники СМИ вообще не участвовали, хотя они часто владеют

литературной нормой лучше, чем писатели. Но «великий и могучий» язык у нас понимается иначе. Нередко говорят о «литературоцентризме» русской культуры, он проявляется и здесь.

Примечания

¹ Это не значит, что нелитературные разновидности языка не имеют нормы. «В говорах наших крестьян... правила более строги, чем в языках, усвоенных из грамматик». «У человека из народа обыкновенно очень точное представление о своем языке; он чувствует с редкой точностью малейшие нарушения нормы» [2, с. 392]. Известная исследовательница русских диалектов О. Б. Сиротинина рассказывала, что в одной деревне свекровь сажала взятую из другой деревни невестку в погреб до тех пор, пока она не научится «говорить правильно», то есть так, как ее муж и другие односельчане. Но норма в диалектах не эксплицирована и поддерживается стихийно, а норма литературных языков (по крайней мере, в привычной для нас традиции) бывает записана в нормативных грамматиках и словарях.

² Впрочем, и бесписьменные языки (например, айнский) могут существовать не только в бытовых разновидностях, но и в особых вариантах, употребляемых в фольклоре.

Список библиографических ссылок

1. *Бокадорова Н. Ю.* Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. Структура знания о языке. М. : Наука, 1987.
2. *Вандриес Ж.* Язык // Звегинцев В. А. История языкоznания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М. : Просвещение, 1960.
3. *Германова Н. Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII — начала XX веков) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.
4. *Германова Н. Н.* Французская академия и британская нормативная грамматика: точки соприкосновения и отталкивания // Развитие языков и литературу в контактных ситуациях. Материалы круглого стола. М. : Ин-т языкоznания РАН, 2017.
5. *Грекова И.* Под фонарем. М. : Сов. писатель, 1966.
6. *Конрад Н. И.* О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкоznания АН СССР. Т. 10. М., 1960.
7. *Неверов С. В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М. : Наука, 1982.
8. *Пеиковский А. М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. История языкоznания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М. : Просвещение, 1960.
9. *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. : Наука, 1985.
10. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений. Т. 3. М. : Худож. лит., 1966.
11. Энциклопедический словарь юного филолога. М. : Педагогика, 1984.
12. *Gengo* : журнал (Tokyo).
13. *Toyoda Kunio.* Nihon no kokugo-seisaku no mondai // Gengo-seikatsu. 1972. № 9 (252).

А. О. ГРЕБЕННИКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

a.grebennikov@spbu.ru

Т. Г. СКРЕБЦОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

t.skrebtsova@spbu.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА В РУССКИХ РАССКАЗАХ НАЧАЛА ХХ ВЕКА: ДИНАМИКА ЧАСТОТ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Работа посвящена изучению употребления прилагательных цвета в русских рассказах начала ХХ в. Источником материала служит Корпус русского рассказа 1900—1930. В качестве методов используются автоматический морфологический анализ и лингвистическая статистика. Выявляется стабильность в использовании частотных цветообозначений и изменчивость окказиональных номинаций. В связи с ростом числа последних в раннесоветский период, выдвигается гипотеза, призванная объяснить этот факт.

Ключевые слова: Корпус русского рассказа 1900—1930, русский рассказ, прилагательные цвета, лингвостатистика, частотный словарь, ранговое распределение, изобразительность.

Grebennikov Alexandre Olegovich, Skrebtsova Tatiana Georgievna, St. Petersburg State University, Russia
a.grebennikov@spbu.ru, t.skrebtsova@spbu.ru

Adjective colours in russian stories of the early 20th century: dynamics of frequencies and expressiveness

Drawing on the Russian Short Story Corpus 1900—1930, the paper deals with the use of colour adjectives in early 20th century Russian short stories. Automatic morphological analysis and linguistic statistics are used. The basic colour terms are shown to be rather stable over the whole period, while the rare, occasional ones demonstrate considerable variety. A hypothesis is put forward, accounting for the growth of the latter in the early Soviet period.

Keywords: Russian Short Story Corpus 1900—1930, Russian short story, colour adjective, linguistic statistics, frequency wordlist, rank distribution, expressivity.

Наименования цвета в разных языках давно привлекают внимание исследователей. Традиционно интерес к ним проявляют представители этнолингвистики и лингвистической антропологии (ср. знаменитую монографию [15]), но есть также немало исследований, рассматривающих цветообозначения в других аспектах: например, с точки зрения истории языка [2], психолингвистики [8], лексикографии [9], лингвистической прагматики [14], прикладной лингвистики [3] и пр.

В настоящей статье анализируется употребление цветообозначений в литературных текстах, точнее, в русских рассказах, написанных в первые три десятилетия ХХ века. В качестве источника материала используется Корпус русского рассказа 1900—1930, являющийся совместным проектом филологического факультета СПбГУ и НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Корпус представляет собой электронный ресурс с открытым доступом, который содержит тысячи рассказов, созданных в России в указанный период (о принципах его построения см. [6]).

Первые десятилетия ХХ века для России были тяжелым временем испытаний войнами, мятежами, революциями. Переломным моментом принято считать революцию 1917 г., на фоне которой остальные общественно-политические события предстают как ее предпосылки или, наоборот, следствия. В силу того, что выбранный период охватывает как дореволюционную эпоху царской России, так и крушение империи и возникновение на ее обломках нового, советского, государства, материалы корпуса разделяются на три части: 1) рассказы начала ХХ века (1900—1913), 2) рассказы эпохи острых социальных потрясений (1914—1922), 3) рассказы раннего советского периода (1923—1930).

Важная особенность корпуса состоит в стремлении охватить возможно большее число авторов (не только известных, но и практически забытых к настоящему времени). Для обеспечения репрезентативности действует ограничение, связанное с тем, что писатель может быть представлен лишь одним произведением за каждый период, причем этот рассказ должен быть написан в России, а не в эмиграции.

На базе корпуса была создана выборка объемом в 310 рассказов (по 100 авторов за каждый период; но поскольку некоторые авторы оказались представлены в двух или трех периодах, появилась разница в 10 «лишних» рассказов). Она служит своеобразным полигоном для пилотных исследований языка, стиля, тематики и композиции произведений. Настоящая работа также опирается на эту выборку.

В качестве метода используется автоматический морфологический анализ, позволяющий сводить косвенные словоформы к исходной (лемме), с последующей статистической обработкой. Результатом являются частотные словари лексем, построенные в порядке убывания частоты их встречаемости (следует заметить, что речь идет именно о лексемах, поскольку автоматический морфоанализ не позволяет дифференцировать значения полисемичного слова). Частотные словари одновременно могут рассматриваться в качестве рангового распределения лексем, где наиболее часто встречающемуся слову присваивается ранг 1, следующему по частотности — ранг 2 и так далее. Если у слов одинаковая частотность (в частности, очень многие слова встречаются однократно), то их ранги совпадают.

В статье рассматриваются не все прилагательные цвета, поскольку данная группа весьма многочислена (вернее, представляет собой открытое множество) и неоднородна (ср. [7]).

Прежде всего, в фокусе внимания находятся восемь непроизводных прилагательных цвета (спектральные цвета *красный*, *желтый*, *зеленый*, *голубой*, *синий* и ахроматические *белый*, *черный*, *серый*). Эти прилагательные были отобраны по принципу частотности: в нашем материале они встречаются чаще прочих. Ввиду ограниченного объема данной публикации мы не имеем возможности приводить статистические данные, касающиеся их употребления; они содержатся в [4]. На противоположном полюсе частотности находятся редкие, как правило, окказиональные, индивидуально-авторские цветообозначения. Те из них, которые отсутствуют в словнике орфографического словаря [1], также составляют объект нашего исследования.

Таким образом, исследование направлено на то, чтобы проследить динамику использования как высокочастотных, так и редких прилагательных цвета от одного периода к другому. Исходное предположение заключается в том, что внешние факторы (политические события, социальные потрясения) влияют на частотные характеристики и ранговое распределение лексических единиц.

Для начала заметим, что авторские предпочтения цвета существенно варьируются. Если сопоставить данные по частотным словарям языка А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, А. И. Куприна и И. А. Бунина [10—13], то можно заметить, что единственной константой является третий ранг прилагательного *красный*. Верхние (первый и второй) ранги занимают прилагательные *белый* (лидирует у Чехова и Куприна) и *черный* (лидирует у Андреева и Бунина). Заполнение более низких позиций не позволяет выявить никаких закономерностей. Более того, у Чехова в восьмерку самых частотных цветов неожиданно попало прилагательное *рыжий* (а *желтый* переместился на 9-е место). Индивидуальная вариативность в частоте использования тех или иных цветообозначений различными литераторами подтверждается и масштабным статистическим исследованием на базе НКРЯ [5].

На этом фоне примечательно, что в репрезентативной выборке, где каждый писатель представлен одним-единственным рассказом за период, происходит нивелирование авторских предпочтений, и на протяжении всех трех периодов сохраняется единое распределение в том, что касается наиболее частотных прилагательных. Лидирует *белый*, за ним с небольшим отрывом идет *черный*, на третьем месте — *красный*. Далее (ранги 4—8) следуют соответственно: *серый*, *синий*, *желтый*, *зеленый*, *голубой*.

Обращает на себя внимание, однако, существенный рост абсолютной частоты употребления всех указанных цветообозначений от первого периода ко второму и далее к третьему. Более того, эта тенденция подтверждается данными о прилагательных, занимающих следующие, более низкие ранги, а именно о *рыжем*, *буром*, *коричневом*, *лиловом* и *оранжевом*. Мы предполагаем, что именно в этом феномене можно видеть влияние исторического контекста. Как было показано в статье [16], во второй

и третий периоды появилось много рассказов, посвященных войне (Первой мировой, Гражданской); кроме того, в третий (советский) период на фоне масштабных аграрных преобразований актуализировались темы, связанные с сельской жизнью, крестьянским бытом. Действие повествования чаще происходит на открытом воздухе (в поле, лесу и пр.), на природе с ее многоцветьем. Коричневый, бурый, рыжий — цвет земли или окрас животных; зеленый — цвет травы, растений, листьев; голубой и синий — цвет ясного неба и т. д. (Красный также встречается в природе, но, кроме того, это еще и цвет крови и революционных знамен.) Наше предположение подкрепляется тем, что целый ряд существительных, обозначающих домашних животных и природные объекты, также демонстрируют движение вверх в общем ранговом распределении (*лошадь, конь, корова, собака, лес, поле, куст, трава, земля, грязь*).

Перейдем теперь к противоположной (с точки зрения частоты употребления) группе цветообозначений — к тем, что встречаются в нашей выборке, но отсутствуют в орфографическом словаре [1]. Все они представляют собой сложные прилагательные. В русских рассказах периода 1900—1913 гг. встречаются 45 таких единиц, причем самым частотным является прилагательное *бледно-голубой* (с абсолютной частотой 19). В рассказах 1914—1922 гг. подобных единиц 49, и лидирует уже *ярко-красный* (с частотой 5), а *бледно-голубой* встречается лишь единожды. Наконец, в рассказах советского периода происходит значительный рост числа таких наименований — теперь их 68, лидируют *серо-зеленый* и *темно-синий* (оба с частотой 5), *бледно-голубой* встречается один раз, *ярко-красный* — ни разу. Как общая статистика, так и динамика лидерства в отдельные периоды (ср. *бледно-голубой* и *ярко-красный*) достаточно красноречивы.

Отметим, что хотя *бледно-голубой* и *ярко-красный* представляют собой вполне расхожие наименования (и в этом смысле их отсутствие в словаре представляется странным), в большинстве случаев в группу «неопознанных» цветообозначений попадают неконвенциональные, индивидуально-авторские единицы, ср. *молочно-серый, темно-прозрачный, лазурно-синий, снежно-серебристый, темно-сизый, влажно-синий, мертвенно-желтый, маслянисто-алый, сине-багровый, зеленовато-золотистый, пепельно-темный, перламутрово-кофейный, синевато-льдистый, чугунно-черный, яично-белый, изжелта-оранжевый, красно-черный, ясно-голубой* и т. д.

Обращает на себя внимание различие в семантических отношениях между частями подобных сложных прилагательных. На фоне недостаточной изученности этого вопроса в целом (применительно к сложным словам вообще), на нашем материале можно предварительно выделить следующие отношения: сочетание (*сине-белый*), уточнение (*сизо-серый*), сравнение (*малахитово-зеленый*), метафора (*сурово-черный*), совмещение признака цвета с другим физическим признаком (*буровато-бурый, изумрудно-острый, масляно-черный*). Рост числа сложных наименований цвета в третий, советский, период, происходит преимущественно за счет последнего типа отношений, что способствует росту изобразительности лексики цвета: помимо приведенных выше примеров, ср. также *бархатно-красный, глинисто-рыжий, искристо-белый, огнисто-малиновый, угольно-синий, синевато-льдистый* и некоторые другие.

Что же обуславливает рост числа и экспрессивности индивидуально-авторских наименований в рассказах раннесоветского периода? Можно предположить, что так проявляется стремление использовать новые языковые средства изобразительности (в связи с этим можно также вспомнить бурное образование аббревиатур, а также приток в литературную речь диалектной и просторечной лексики). В более широком контексте это поиск «нового языка» в условиях резко изменившегося мира вокруг.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что наша исходная гипотеза частично подтвердилась. Меняющийся исторический контекст не оказывает влияния на ранговое внутригрупповое распределение наиболее частотных непроизводных прилагательных цвета (относительно друг друга).

В то же время у всех них без исключения наблюдается заметный рост абсолютной частотности, что, по-видимому, связано с изменениями в тематике рассказов, которые, в свою очередь, обусловлены новой социально-политической обстановкой. В том, что касается редких, окказиональных цветообозначений, в раннесоветский период наблюдается увеличение числа подобных единиц, что можно считать проявлением общей тенденции к активному освоению экспрессивных возможностей русского языка, характерной именно для этого времени. Таким образом, можно констатировать, что в русских рассказах начала XX века ядро цветообозначений (наиболее частотные непроизводные прилагательные) сохраняет стабильность, а периферия активно меняется под влиянием внешних факторов.

Список библиографических ссылок

1. *Бархударов С. Г., Протченко И. Ф., Скворцов Л. И.* Большой орфографический словарь русского языка : более 106 000 слов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Мир и образование, 2017. 1152 с.
2. *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М. : Наука, 1975. 288 с.
3. *Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М. : КомКнига, 2005. 216 с.
4. *Гребенников А. О., Скребцова Т. Г., Марусенко Н. М.* Цветообозначения в русских рассказах начала XX века: корпусное исследование // Слово (в печати).
5. *Марголис Я.* От Пушкина до поэтов XXI века. Сопоставительный анализ поэтического языка в цифровую эпоху. М. : ЯСК, 2022. 296 с.
6. Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ресурса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) / Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова, А. Г. Мельник, Т. И. Попова // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2. : труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2018), Санкт-Петербург, 30 мая — 2 июня 2018 г. СПб., 2018. С. 97—102.
7. *Масевич А. Ц., Захаров В. П.* Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21—48.
8. *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М. : Наука, 1984. 175 с.
9. *Харченко В. К.* Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М. : УРСС, 2009. 532 с.
10. Частотный словарь рассказов А. П. Чехова / авт.-сост. А. О. Гребенников ; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб. : СПбГУ, 1999. 172 с.
11. Частотный словарь рассказов Л. Н. Андреева / авт.-сост. А. О. Гребенников ; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб. : СПбГУ, 2003. 396 с.
12. Частотный словарь рассказов А. И. Куприна / авт.-сост. А. О. Гребенников ; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб. : СПбГУ, 2006. 551 с.
13. Частотный словарь рассказов И. А. Бунина / авт.-сост. А. О. Гребенников ; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб. : СПбГУ, 2011. 296 с.
14. *Чернейко Л. О., Ли Я.* Коннотации непроизводных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 144—161.
15. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley : University of California Press, 1969. 178 p.
16. *Skrebtsova T.* Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17—20 June, 2020) // CEUR Workshop Proceedings. 2021. Vol. 2813. P. 265—276.

Н. Н. ЗАКИРОВА

*Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В. Г. Короленко
(Глазов, Россия)
natnik50@rambler.ru*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. Г. КОРОЛЕНКО О ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ А. А. ПОТЕБНИ И А. А. ШАХМАТОВА

В статье анализируются филологические взгляды В. Г. Короленко, представленные в его литературной критике, эпистолях, дневниках и литературно-художественном наследии. Суждения русского писателя о языке, речи, слове сопоставляются с лингвистическими концепциями таких классиков отечественной филологии, как А. А. Потебня и А. А. Шахматов.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, русский язык, научное изложение, филология, лингвистика.

Zakirova Nataliya Nikolayevna, Petrozavodsk State University, Russia Glazov State University, Russia

natnik50@rambler.ru

V. G. Korolenko's views of language in the light of linguistic concepts of A. A. Potebnya and A. A. Shahmatov

The article analyzes the philological views of V. G. Korolenko, presented in his literary criticism, epistolaries, diaries and literary and artistic heritage. The Russian writer's judgments about language, speech, and words are compared with the linguistic concepts of such classics of Russian philology as A. A. Potebnya and A. A. Shakhmatov.

Keywords: V. G. Korolenko, A. A. Potebnya, A. A. Shakhmatov, Russian language, science, philology, linguistics.

В. Г. Короленко (1853—1921) — русский литератор золотого и Серебряного веков — личность универсальная: прозаик и поэт, переводчик, литературный критик и редактор, художник, общественный деятель, правозащитник, путешественник, краевед, педагог, полиглот... Во множестве ипостасей — еще и яркая индивидуальность, лингвистическая личность, вне которой будет неполной картина мира литератора [3; 4; 14].

Прежде всего отметим, что в стремлении к выразительности художественного слова писатель ратовал за простоту и краткость, вдумчивое отношение авторов к словесному материалу: *Основной закон искусства всегда будет — простота. Нужно видеть то, что хочется описать, и нужно описывать с возможной полнотой при возможно меньшей затрате слов* [16, с. 175].

Показателен наглядный пример из личного творческого опыта В. Г. Короленко, приведенный им как универсальный метод проверки художественной состоятельности текста. В письме от 6 мая 1893 г. к связанному с Вятским краем автору С. Н. Миловскому-Елеонскому есть признание: *Я, когда оглядываю свою законченную работу, всегда думаю: «А что тут без особенного ущерба можно выкинуть?» И никогда еще не раскаивался и не жалел о сокращениях.* И перефразируя известный некрасовский завет (надо, «чтобы словам было тесно, а мыслям — просторно») и чеховское убеждение («Краткость — сестра таланта»), добавлял такой совет о преимуществах малых жанров перед средними и большими: *Необходимо, чтобы слов было меньше, чем мыслей и картин — превосходное правило, и если одна и та же основная тема укладывается в очерк и в повесть, то очерк всегда будет лучшие повести, а уж роман из того же материала, наверное, никуда не годится* [16, с. 189].

Собственный творческий опыт писателя и его размышления о языке можно поставить в соотношение с лингвистическими концепциями таких его выдающихся современников, как А. А. Потебня (1835—1891) и А. А. Шахматов (1864—1920).

Сведения о личном знакомстве писателя с А. А. Потебней, внесшим значительный вклад в языко-знание и литературоведение, обнаружить не удалось. Но это не исключает правомерности исследования соотношения их взглядов на философию языка. Тем более, что в круг их общения входили общие знакомые. Так, сотрудник журнала «Русское богатство» А. Г. Горнфельд подчеркивал, что теория ученого «насквозь познавательна», а на защите магистерской диссертации близкого коллеги

Д. Н. Овсянико-Куликовского А. А. Потебня выступал оппонентом. (Интересно, что учителем словесности в Ровенской гимназии у В. Короленко и в Одесской гимназии у Д. Овсянико-Куликовского был В. В. Авдиев, прививший своим ученикам интерес к литературе.)

Александр Афанасьевич Потебня, старший современник и земляк писателя, формировавшийся в той же этнокультурной и полилингвальной среде, был, подобно В. Г. Короленко, натуралистом, уникальность и универсальность которой очевидны: *В Потебне сошлось такое количество обычно несовместимых сил, что уже одно их перечисление должно бы внушать однозначный питет. Лингвист в нем сочетался с теоретиком литературы, филолог — с философом, логик-психолог — с историком. Дар теоретика подкреплялся даром практика, его литературным творчеством — от собирания и дописывания фольклора до неоконченного перевода «Одиссеи» на украинский. Кабинетный ученый не отменял в нем чуткого ученого-преподавателя. Вся эта «отвлеченная интеллигентишина», однако, была только дополнением к его страстной погруженности в современность, в быт, труд, жизнь и ближайшего окружения, и всего народа, и российского общества* [15, с. 247]. Он воспринимал язык как механизм, порождающий мысль. В его работе «Мысль и язык» (1862), а также в тематически примыкающей к ней статье «Психология поэтического и прозаического мышления» эта идея ученого выражена предельно четко: *Язык формирует мысль, является порождающим мысль механизмом*. В языке, по мнению ученого, изначально заложен творческий потенциал. Мысль проявляется через язык, причем каждый акт говорения является творческим процессом, в котором не повторяется уже готовая истина, но рождается новая.

В. Г. Короленко, как и стоящий у истоков отечественной психолингвистики профессор Харьковского университета А. А. Потебня, подчеркивал неразрывную связь слова и мысли: *Слово — не механический звук. Оно живой низший организм речи. Кроме его прямого значения, в нем есть еще какие-то второстепенные, живые подголоски, точно щупальцы у животного. Этими щупальцами оно точно хватается в мозгу за другие, смежные слова, срастается с ними, врастает органически в молодой мозг, пускает в нем крепкие корни. Но для этого нужно, чтобы оно само было живое, понятое, родное, чтобы оно было неотделимо от понятия. Только тогда понятия ассоциируются в сложный организм речи...*

Незнакомое еще понятие, данное одновременно с незнакомым же словом, похоже не на семя, дающее ростки на почве памяти и мысли, скорее, на маленькие каменные зернышки, которые нужно механически цементировать друг с другом... Нечто иссушающее и мертвящее, не живой коралловый риф, а мертвый цемент искусственного мола... [16, с. 310].

Примечательно, что в отличие от передачи теоретико-познающего мышления и научного стиля языковеда, писатель в своей интерпретации терминов активно использует свой субъективный ассоциативный ряд образных аналогий из материального мира живой и неживой природы, иллюстрируя связи значения и звучания слов и соотношение их формы и семантики.

В. Г. Короленко сравнивает слово с орудием, необходимым инструментом общения в жизни, в его дневниковом наследии встречается ряд определений категорий «язык», «речь» и «слово». Так, в записи от 14 апреля 1914 г. сделано следующее наблюдение: *Язык, по самой природе своей, есть орудие общения. Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота, есть великое общественное дело <...> Кроме того, что я чувствую, у художника должен быть вопрос, как меня почувствуют. Слово не игрушка, а великое орудие жизни...* [8, с. 169—170].

В работе «Язык и народность» (1895) А. А. Потебня отмечал важную роль языка в формирования специфики национального менталитета. Проблемы родного языка и национальной школы в научно-методической рецепции лингвиста непосредственно связаны с проблемой двуязычия. В письме к свояченице Елене Штейн (1887) он, по сути, излагает свой взгляд на влияние двуязычия на умственное

развитие ребенка. Ученый был убежден, что диалог, построенный на родном языке, наилучшим образом способствует развитию мышления ребенка [13, с. 184]. *Каждый из нас должен всего лишь решить один вопрос, есть ли у него тропы к восстановлению Отечества — каков тот путь, по которому принуждена направляться его мысль именно в силу того, что он говорит и думает на отечественном языке* [14, с. 202], — утверждал ученый.

Обращение к понятию «родной язык» при решении проблемы языка и мышления имеет место в лингвистической концепции В. Г. Короленко, размышлявшего о его воспитательном потенциале. Об этом красноречиво свидетельствуют строки письма к жене из Лондона от 19 июля 1893 г.: *Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним и мои понятия, мечты, стремления! Моя любовь к своей бедной природе, к своему чумазому и рабскому, но родному народу, к своей соломенной деревне, к своей стране, которой хорошо ли, плохо ли — служишь сам.*

В детях — хочется видеть продолжение себя, продолжение того, о чем мечтал и думал с тех пор, как начал мечтать и думать — и для них хочется своего родного счастья, которое манило самого тебя, а если — горя, то опять такого, какое знаешь, поймешь и разделишь сам! [7, с. 188].

С А. А. Шахматовым же судьба В. Г. Короленко оказалась биографически соотнесенной, например, на деловой почве в ходе так называемого «академического инцидента» [2, с. 36—38]. В 1900 г. В. Г. Короленко был принят в число почетных академиков по Отделению русского языка и словесности по разряду изящной словесности. Два года спустя такое же статусное звание могло быть и у проявившего к этому времени свой литературный талант А. М. Пешкова. Но император эту кандидатуру не поддержал... В. Г. Короленко обратился с письмом к руководителю отделения — академику А. Н. Веселовскому. Положительного решения вопроса не последовало. В знак протesta в 1902 г. В. Г. Короленко принял решение отказаться от звания почетного академика и заручился поддержкой последовавшего его примеру А. П. Чехова.

А. А. Шахматов в этом вопросе придерживался принципиальной позиции. 21 марта 1917 г. на заседании академии было выражено волеизъявление академиков, чтобы восстановить В. Г. Короленко в академическом составе, о чем оперативно сообщил писателю Д. Н. Овсянко-Куликовский: *Вчера, на заседании Разряда изящной словесности, было выражено единодушное желание, чтобы Вы опять стали почетным академиком и вступили в нашу среду [...] Мне поручили запросить Вас об этом прежде, чем будет послано Вам официальное предложение Академии. Вас надо будет баллотировать, и, разумеется, Вас выберут единогласно. Горький вернулся без баллотировки, потому что Академия все время считала его не выбывшим, а только отторгнутым внешнею силою. Вы же выбыли по собственному желанию. Вспоминаю, что года три тому назад, на частном совещании у Кони, А. А. Шахматов заявил, что из числа имеющихся вакансий, две должны остаться незамещенными — впредь до возвращения Короленко и Горького. Теперь этот момент наступил. Возвращайтесь к нам* [9, с. 64].

16 (29) мая 1918 года академик А. А. Шахматов обратился к писателю: *«Глубокоуважаемый Владимир Галактионович! В заседании Разряда изящной словесности 27(14) мая единогласно постановлено: просить Вас принять звание Почетного Академика. Только теперь пришло время привести в исполнение решение, к которому Разряд изящной словесности пришел еще в марте 1917 года немедленно после возвращения А. М. Пешкова (М. Горького) в состав Почетных Академиков. Искренне Вас уважающий и преданный А. Шахматов»* [2, с. 63]. Ответ писателя на это обращение неизвестен.

А. А. Шахматов внес значительный вклад в отечественное языкознание в области изучения фонетики, лексики, синтаксиса, лексикографии русского языка; как фольклорист и этнограф, он занимался сбором и анализом диалектологического материала, вошедшего в «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» и другие работы ученого.

Собирательская деятельность фольклориста В. Г. Короленко отразилась в его творчестве, в котором можно выделить несколько циклов: украинский, вятский, волжский, сибирский, якутский, уральский, румынский. Важное место в наследии писателя занимают сказочные мотивы, образы, жанровые признаки устного народного творчества ряда регионов.

Характер интереса писателя к произведениям устного народного творчества с годами менялся. Если в начале 1880-х они привлекали писателя в основном со стороны познавательной и служили в какой-то мере материалом для творчества, то позднее оценка устного народного творчества становится более разносторонней и глубокой, он воспринимает фольклор как своеобразную форму выражения мировоззрения и эстетических идеалов и представлений народа в целом.

В. Г. Короленко по праву может быть назван краеведом. Местнографическая определенность его художественных текстов, легко циклизирующихся по региональному признаку, объясняется интересом писателя к этнографии и диалектологии. Менталитет, нравы и обычаи, материальная культура разных народов России, украинизмы, слова вятского говора, специфика речи жителей Поволжья, слова якутского происхождения в русских текстах — проявления интереса беллетриста к диалектологии [6; 10; 11; 17; 18; 20].

Так, сам В. Г. Короленко, судя по сохранившимся наброскам статей, заметкам, планам и конспектам, собирался работать в сибирской ссылке как публицист и как этнограф. Об этих его намерениях свидетельствует составленная в Амге «Программа для очерков Якутской области», набросок статьи «Изучение края», план изучения экономических отношений в Батуруском улусе, набросок вступительной статьи к очеркам о Якутии, сохранившиеся в записных книжках.

Тонкий стилист, писатель был знатоком различных диалектов. В рассказе сибирского цикла «Сон Макара» проявляется погружение автора в сознание местного обыватившегося пашенного крестьянина, в его надежды и мечты. Подробности этнографических деталей дополнены якутскими названиями людей, предметов домашнего обихода (одежда, жилища: *сона* — шуба; *торбаса* — мягкие оленьи сапоги; *бергес* — шапка; *руга* — плата деньгами, хлебом, припасами попу). Местный колорит отражают такие названия основных фигур дореволюционной общественной жизни якутов, как: *тойон* — господин, начальник; *хамнааччыт* — работник, батрак; *суруксум* — писарь; *агабыт* — священник и др.

Короленко-беллетрист ярко проявляет свои этнографические познания в стилевых особенностях речи героев (диалектизмы и фразеологизмы), отражает историческую ономастику, топонимику местности, менталитет, фольклорные традиции различных народов [5; 19; 21].

А. А. Шахматов связывал грамматические категории с коммуникацией, язык с категориями мышления, в его синтаксических построениях можно не без оснований увидеть истоки современных коммуникативно-функционального и когнитивного подходов к грамматике. Синтаксис А. А. Шахматова основан на изучении коммуникации, которая является «психологической основой» предложения.

Важнейшими задачами науки о языке XXI столетия являются установление взаимодействия единиц разных уровней при построении высказывания, изучение связи грамматических категорий и коммуникации, языка и мышления. И все эти вопросы были поставлены в виде основной задачи языкознания в курсе русского синтаксиса А. А. Шахматова.

Также и у В. Г. Короленко в целом ряде суждений представлена коммуникативная функция литературы и языка как средства общения.

Например, в следующем утверждении все проникнуто пониманием естественной гуманистической устремленности литературы, ее функциональной заботой о человеке: *Может быть, взразят, что литература и проповедь одно и то же. Я хочу сказать только, что способ аргументации «отразителей» одинаково относился бы и к моральной проповеди. Все дело в том, что литература только шире и разностороннее. Но ее орудие Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время*

орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования. Всякая современность есть переход от прошедшего к будущему, движение. Она заключает сложнейшую систему, сплетение отживших моментов с действующими и только еще зарождающимися.

Как ноги уносят человека, положим, от холода и тьмы к жилью и свету, так слово, искусство, литература помогают человечеству в его движении от прошлого к будущему [8, с. 128].

Общественная природа языка. В стройной системе лингвистических взглядов В. Г. Короленко коммуникативность выражается самой общественной природой языка, обладающего мощным потенциалом воздействия, а слово является продуктом не только индивидуального сознания. В письме от 14 апреля 1904 г. Короленко наставлял начинающую писательницу, утверждая, что слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которым он обладает, другим людям. И это до такой степени органически связано с самой сущностью слова, что замкнутое, непереданное, неразделенное, — оно глухнет и умалывается. В Ваших словах мне чувствуется некоторый умственный аристократизм, который прежде всего вреден для Вашей же работы. Слово — это не игрушечный шар, летящий по ветру. Это орудие работы: он должен подымать за собой известную тяжесть. И только по тому, сколько он захватывает и подымает за собой чужого настроения, мы оцениваем его значение и силу [8, с. 395].

А. А. Потебня и А. А. Шахматов в своих лингвистических концепциях были подчеркнуто психологичны. Большое внимание ими уделялось вопросам об ассоциативных связях между звучанием и значением слова, о полисемии в языке.

Размыщление о многозначности слов встречаем в художественном тексте короленковской повести «Глушь»: *Бывают такие многознаменательные слова! Стоит сказать такое слово, и сразу же в уме подымается не отдельное понятие, не один образ, а целый строй, целая система понятий; вереницы образов встанут разом, потянутся один за другим* [1, с. 87].

Творческая практика беллетриста В. Г. Короленко воплощала его стройную лингвистическую концепцию, сформировавшуюся не только под влиянием круга чтения художественной литературы, но и с учетом достижений современного языкоznания, учения о языке А. А. Потебни и А. А. Шахматова.

Теоретическая проблема литературы как искусства слова была актуальна для В. Г. Короленко не только как для автора-практика, но и для его аналитических литературно-критических изысканий, важна она была для редакторской работы и наставничества над молодыми начинающими литераторами.

В системе эстетических представлений Короленко можно выделить массу проблем с лингвистическим уклоном. Помимо экстралингвистических, культурно-исторических факторов, влияющих на создание художественного произведения, писатель рассматривал художественное слово как средство выражения сущности явления. Лингвистическая компетентность В. Г. Короленко явилась фундаментом для его построений в области эстетики и экопоэтики. Не случайно его наиболее важные идеи и образы в этой области базируются на лингвистических категориях.

Вдумываясь в короленковские рассуждения о природе слова, его значении и влиянии на читателя и слушателя, о роли языка, о переводах, невольно понимаешь, что писатель, опираясь на достижения современной ему лингвистики, с опережением времени был увлечен и таким научным направлением, которое сегодня представлено эколингвистикой и лингвоэкологией.

Список библиографических ссылок

1. Глазовские страницы В. Г. Короленко = В. Г. Короленколэн глазкар страни-цаосыз / сост. и науч. ред. Н. Н. Закирова. Ижевск : Шелест, 2023. 216 с.

2. *Дерман А.* «Академический инцидент» : История ухода из Академии наук В. Г. Короленко и А. П. Чехова в связи с «разъяснением» М. Горького : по материалам архива В. Г. Короленко. Симферополь : Крымиздат, 1923. С. 63.
3. *Закирова Н. Н.* В мастерской слова В. Г. Короленко: писатель о языке // Языки и этнокультуры Европы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ред. кол.: Н. Н. Орехова и др. Глазов : ГГПИ, 2013. С. 154—161.
4. *Закирова Н. Н.* Лингвистические взгляды В. Короленко // Проблемы школьного и дошкольного образования : материалы IV региональной научно-практического семинара «Достижения науки и практики — в деятельность образовательных учреждений». Глазов : ГГПИ, 2013. С. 69—70.
5. *Закирова Н. Н., Майер Р. В.* Топонимическое пространство глазовских текстов В. Г. Короленко: результаты контент-анализа // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 11 (47). DOI 10.18454/RULB.2023.47.23. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54811027> (дата обращения: 10.07.2024).
6. *Зорина Е. Д., Мартынова В. Н.* Диалектная лексика в произведениях В. Г. Короленко вятского периода // Короленковское наследие в самосознании XXI века : сборник материалов Международной научно-практической конференции «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвященной 165-летию В. Г. Короленко, Глазов, 30 ноября 2018 г. Глазов : ГГПИ, 2018. С. 141—144.
7. *Короленко В. Г.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1956. Т. 10. 720 с.
8. *Короленко В. Г.* Избранные письма : в 3 т. / под ред., с прим. Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. М., 1936. Т. 3. 428 с.
9. *Короленко С. В.* Книга об отце. Ижевск : Удмуртия, 1968. 382 с.
10. *Крылов В. Н.* Диалог культур и постижение национальной специфики в публицистике В. Г. Короленко // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 227—231. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24038537> (дата обращения: 10.07.2024).
11. *Майер Р. В., Закирова Н. Н.* Изучение ономастикона короленковской прозы о Глазове с помощью информационных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). DOI 10.23670/IRJ.2023.138.109. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56657708> (дата обращения: 10.07.2024).
12. *Махмуд Х. Т. М., Шаталова О. В.* Некоторые особенности реализации языковой личности В. Г. Короленко (по текстам выступлений революционного периода) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 243—247. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36507536> (дата обращения: 10.07.2024).
13. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Полное собрание трудов / подгот. текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. М. : Лабиринт, 1999. 300 с.
14. *Потебня А. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. Мысль и язык. Язык и народность. Б. м. : Гос. изд-во Украины, 1926. 240 с.
15. *Рассказов Ю. С.* Пророк в отсутствие Отечества // Потебня А. А. Полное собрание трудов. Мысль и язык / подгот. текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. М. : Лабиринт, 1999. С. 245—263.
16. Русские писатели о языке. Л. : Просвещение, 1954. 460 с.
17. *Сарбаев Л. Н.* Религиозно-мифологические верования народов Среднего Поволжья в изображении В. Г. Короленко // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 293—297.
18. *Тищевская Н. С.* «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко: контрапункт национальной и региональной идентичностей. DOI 10.14258/filichel(2013)3-06 // Филология и человек. 2013. № 3. С. 053—060.
19. *Фортунатов Н. М.* Нижегородский текст в творческой биографии В. Г. Короленко // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 2. С. 42—47. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28983433> (дата обращения: 10.07.2024).
20. Regional component in the main curriculum of secondary general education / Zakirova N. N., Martyanova V. N., O. Yu. et al. // SHS Web of Conferences : International Scientific Conference “Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives” 2021, Glazov, 12 мая 2021 года. Vol. 121. Glazov : EDP Sciences, 2021. P. 02009.
21. *Ivanova O. I.* The influence of the Yakut reality on the poetics of V. Korolenko's works // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. Р. 94—98. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-influence-of-the-yakut-reality-on-the-poetics-of-v-korolenkos-works> (дата обращения: 03.04.2025).

А. А. МАМЕДОВ

Иркутский государственный университет

(Иркутск, Россия)

achmedved@inbox.ru

С. А. ДАВЫДОВА

Иркутский государственный университет

(Иркутск, Россия)

lana.davydova.02@bk.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ А. А. БЛОКА

В статье рассмотрены грамматические показатели, актуализирующие лирического героя А. А. Блока. Представлена типология синтаксических средств, которые используются в контекстном окружении местоимения *я*. Выявлены и описаны соответствующие составные именные сказуемые (с именной частью — существительным (одиночным и с зависимыми словами) и с прилагательным), а также определения (в том числе приложения). Проанализирована предикатная лексика в составе выделенных грамматических единиц.

Ключевые слова: лирический герой, сказуемое, определение, приложение, предикат, А. А. Блок.

Mamedov Akhmed Alipashevich, Davydova Svetlana Anatol'evna, Irkutsk State University, Russia

achmedved@inbox.ru, lana.davydova.02@bk.ru

Grammar means representing persona in A. A. Blok's poetry

The paper discusses the grammar indicators that actualize A. A. Blok's persona. We represent a typology of syntactic features of the contexts with the personal pronoun 'ya'. Relevant compound nominal predicates (with predicative nouns (single and with subordinate words) and with adjectives), as well as the attributes (including appositions) have been extracted and described. Predicative lexis as a part of the grammar units in question has been analyzed.

Keywords: persona, predicate, attribute, apposition, A. A. Blok.

Ю. Н. Тынянов в статье «Блок» (1921) применительно к творчеству поэта вводит понятие лирического героя, считая, что главной лирической темой А. А. Блока является он сам: его «уже окружает легенда, и не только теперь — она окружала его с самого начала, казалось даже, что она предшествовала самой поэзии Блока, что его поэзия только развила и дополнила постулированный образ. В образ этот персонифицируют все искусство Блока; когда говорят о его поэзии, почти всегда за поэзией невольно подставляют человеческое лицо — и все полюбили лицо, а не искусство» [7, с. 118].

При рассмотрении лирического героя необходимо в первую очередь обратить внимание на местоимения 1-го лица и их контекстное окружение. Они количественно заметно выделяются в поэзии А. А. Блока на фоне других личных местоимений (ср. *я* — 885 употреблений, *мы* — 438; *ты* — 626, *вы* — 44)¹, причем преобладающим является местоимение 1-го лица единственного числа. Это прежде всего объясняется тем, что местоимение *я* — основное грамматическое средство обозначения «художественного "двойника" автора-поэта» [4, с. 185], находящегося в центре внимания.

Проанализируем далее составные именные сказуемые в предложениях с подлежащим, выраженным местоимением *я*, и определения к нему. Для начала приведем примеры.

Сказуемые (именная часть — одиночное существительное):

Верь мне, в этом мире солнца Больше нет. // Верь лишь мне, ночное сердце, Я — поэт! // Я какие хочешь сказки Расскажу, // И какие хочешь маски Приведу. АБ907 (II, 240). И муки утихли. А если б и были высокие муки, — Что нужды? — Я вижу печальное шествие ночи. <...> Да, был я пророком, пока это сердце молилось, — Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица. // Царем я не буду: ты власти мечты не делила. Рабом я не стану: ты власти земли не хотела. <...> Но я — человек. И, паденье свое признавая, Тревогу свою не смирю я: она все сильнее. АБ914 (III, 46).

Сказуемые (именная часть — существительное с зависимым словом):

Ты дремлеши, Боже, на иконе, В дыму кадильниц голубых. Я пред тобою, на амвоне, Я — сумрак улиц городских. // Со мной весна в твой храм вступила, Она со мной обручена. АБ906 (II, 119). И ты, мой юный, мой печальный, Уходишь прочь! <...> А я все тот же гость усталый Земли чужой. Бреду, как путник запоздалый, За красотой. Она и блещет и смеется, А мне — одно: Боюсь, что в кубке расплеснется Мое вино. <...> Я за тобою, гость случайный, Как прежде — в ночь. АБ900 (I, 73).

Сказуемые (именная часть — прилагательное):

Я — непокорный и свободный. Я правлю вольною судьбой. АБ907 (II, 215). Я — голубой, как дым кадила, Она — туманная весна. АБ906 (II, 119).

Последний пример особенно интересен тем, что в нем присутствует сравнительный оборот.

Определения:

И я, неверный, тосковал, И в поэтическом стремленьи И я без нужды покидал Свои родимые селенья. // Но внятен сердцу был язык, Неслышный уху — в отдаленьи, И в запоздалом умиленьи Я возвратился — и постиг. АБ901 (I, 96). Вы, рожденные вдали, Мне, смятенному, причастны Краем дальним и прекрасным Переполненной земли. АБ901 (I, 468.2).

В. Н. Виноградова пишет, что «особенностью семантики прилагательных в поэтической речи является развитие качественных, индивидуализированных, характеризующих значений у прилагательных, имеющих относительные или определительно-обстоятельственные значения» [2, с. 332]. Этот тезис можно проиллюстрировать следующим употреблением слова *горний* в расширенном значении в стихотворении А. А. Блока «Демон» (например, на фоне словарной дефиниции из МАС: *горний* ‘Трад.-поэт. Находящийся в вышине, небесный’ [5]): *Прижмись ко мне крепче и ближе, Не жил я [демон] — блуждал средь чужих... О, сон мой! Я новое вижу В бреду поцелуев твоих! // В томленьи твоем исступленном Тоска небывалой весны Горит мне лучом отдаленным И тянется песней зурны. // На дымно-лиловые горы Принес я на луч и на звук Усталые губы и взоры И плети изломанных рук. // И в горном закатном пожаре, В разливах синеющих крыл, С тобою, с мечтой о Тамаре, Я, горний, навеки без сил... РП Аллюз. АБ910 (III, 26).*

Кроме того, встречается контекст с определением, осложненным сравнительным оборотом: *Утомленный, влюбленный, Я жду тебя, Угрюмый, бессонный, Холодный, как лед. АБ903 (I, 270).*

Среди определений выделяются приложения — как одиночные (Я, *отрок*, зажигаю свечи, Огонь кадильный берегу. АБ902 (I, 204)), так и распространенные (Ты отошла, и я в пустыне К песку горячему приник. <...> О том, что было, не жалея, Твою я понял высоту: Да. Ты — родная Галилея Мне — невоскресшему Христу. АБ907 (III, 246). А я, ничтожный смертный прах, У ног твоих смятенно буду Искать в глубоких небесах Христа, учителя Иуды. АБ899 (I, 424.1)).

Как отмечал еще А. А. Шахматов, в приложении реализуются аппозитивные отношения, т. е. «отношения индивидуального понятия о субстанции или явлении к понятию о свойстве-качестве или к понятию о роде выражаются приложением» [9, с. 279]. Ю. А. Чумакова указывает, что аппозитивная конструкция «сводима к структуре предложения, в котором позицию подлежащего занимает господствующее слово, а позицию сказуемого — приложение» [8, с. 7]. Она же пишет, что препозитивное приложение обычно имеет атрибутивное значение, а постпозитивное — полупредикативное. В нашем материале все приложения — постпозитивные. Таким образом, и в случае со сказуемыми и определениями, и в случае с приложениями мы имеем дело с актом предикации, поэтому обратим внимание на авторские номинации лирического героя в составе рассматриваемых компонентов синтаксических единиц.

Среди предикатных имен, характеризующих лирического героя и являющихся существительными, представлены слова, обозначающие лиц (*поэт, гость, тварь, отрок, раб, дитя, брат, песельник, пророк, человек, спутник, Христос*) и материю (*мускул, прах*), а также присутствует лексема, называющая

природное явление (*сумрак*). Необходимо отметить, что среди этих номинаций много метафорических (*мускул, прах, сумрак*), а, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «классическая метафора есть результат функционального сдвига — перемещения идентифицирующего или таксономического значения в позицию предиката» [1, с. XIII].

Отобранные предикатные имена, характеризующие лирического героя и относящиеся к прилагательным, включают слова, обозначающие состояние человека (*смятенный, утомленный, влюбленный, угрюмый, падший, горний*) или свойства лица (*неверный, непокорный, свободный, незнающий, скучный*). В этой группе в свою очередь встречаются образные определения (*падший, горний, непокорный, незнающий*), с помощью которых, по точной мысли В. Н. Виноградовой, в художественном тексте осуществляется «экспрессивное выражение качества и поэтические приращения смысла» [3, с. 57].

Таким образом, проведенный анализ контекстов с местоимением *я* позволяет выявлять те «эмоциональные нити, которые идут непосредственно от поэзии Блока, стремятся сосредоточиться, воплотиться и приводят к человеческому лицу за нею» [7, с. 123]. Лирический герой А. А. Блока является центральной фигурой его поэзии, что доказывается, во-первых, преобладанием местоимений 1-го лица единственного числа (на фоне других личных местоимений), во-вторых, широким набором грамматических средств, актуализирующих лирического героя в контекстном окружении местоимения *я*, и, наконец, в-третьих, семантическим разнообразием предикатов, с помощью которых обозначается лирический герой в составе рассматриваемых синтаксических единиц.

Примечание

¹ Источниками контекстов стали «Словарь языка русской поэзии XX века» под редакцией В. П. Григорьева и Л. Л. Шестаковой [6] и авторские материалы к статье про местоимение *я* для готовящегося к печати последнего тома этого словаря, любезно предоставленные одним из его составителей — А. С. Кулевой.

Список библиографических ссылок

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1998. XV, 895 с.
2. Виноградова В. Н. Определения в поэтической речи // Поэтическая грамматика / [И. И. Ковтунова и др. ; отв. ред. Е. В. Красильникова]. Т. 1. М. : Азбуковник, 2005. С. 328—375.
3. Виноградова В. Н. Определения в поэтическом тексте // Поэтическая грамматика / [И. И. Ковтунова и др. ; отв. ред. Е. В. Красильникова]. Т. 2 : Композиция текста. М. : Азбуковник, 2013. С. 57—88.
4. Роднянская И. Б. Лирический герой // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Совет. энцикл., 1987. С. 185.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. М. : Рус. яз., 1985—1988.
6. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—IX / [сост. В. П. Григорьев и др.]. М. : Языки славян. культуры ; Знак ; ЯСК, 2001—2022. (Studia philologica)
7. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка, Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры. М. : Наука, 1977. 574 с.
8. Чумакова Ю. Ю. Семантическая структура приложений в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2001. 18 с.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / ред. и comment. prof. Е. С. Истриной. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Н. А. МИХАЛЬЧУК

Белорусский государственный университет

(Минск, Беларусь)

n-mihalchuk@list.ru

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИРОНИИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920-Х ГГ.

В статье анализируются типы и функции иронии в русской художественной прозе 1920-х гг. Выявлено, что основная функция иронии в повести М. Булгакова «Собачье сердце» и в рассказах М. Зощенко — выражение неодобрения и критики, в то время как в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония используется с целью избежания конфликтов, усиления речевого воздействия. В сфере речевого общения в анализируемых текстах «диссонанс» преобладает над «унисоном».

Ключевые слова: непрямая коммуникация, ирония, иронические высказывания.

Mikhalkhuk Natalia Alexandrovna, Belarusian State University, Belarus

n-mihalchuk@list.ru

Types and functions of irony in russian fiction of the 1920s

The article analyzes the types and functions of irony in Russian fiction of the 1920s. It is revealed that the main function of irony in the story of M. Bulgakov "The Heart of a Dog" and in the stories of M. Zoshchenko is the expression of disapproval and criticism, while in the novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs" irony is used to avoid conflicts, enhance speech effects. In the sphere of speech communication in the analyzed texts, "dissonance" prevails over "unison".

Keywords: indirect communication, irony, ironic statements.

В качестве одной из разновидностей непрямой коммуникации в научной литературе трактуется ирония, которая представляется ярким случаем расхождения между явным пластом смысла высказывания — его собственным значением и скрытым, «подлинным» пластом — pragmatischem значением [1; 2; 3]. Статус иронии до сих пор является невыясненным и определяется исследователями в широком диапазоне терминов: как речевой жанр, речевой акт, речевая стратегия, речевая тактика, дискурсивная практика [1; 3; 4; 5; 6].

О. П. Ермакова дифференцирует иронию в зависимости от формы высказывания и различает ее реализацию в слове, в словосочетании, в синтаксических конструкциях, выходящих за их рамки [4]. И. Б. Шатуновский справедливо показывает, что иронию неправомерно сводить только к косвенному речевому акту, так как это гораздо более широкое и многоплановое явление: оно может быть отмечено как на уровне высказывания, отрезка текста, так и на уровне номинации, может относиться к иллютивному действию, но может и проявляться в тексте как общая тональность повествования, например, как общеироническое отношение автора к персонажу [5]. В научном труде К. М. Шилихиной доказывается, что статус иронии должен определяться как дискурсивная практика, то есть «принятый в языковом сообществе способ говорить о чем-либо» [6].

Одним из основных показателей иронии лингвисты называют аномальность семантики, частичное или полное несоответствие содержания высказывания действительности, реальной речевой ситуации, языковым или внеязыковым нормам, правилам, его неуместность [5; 6]. Дифференциальным признаком иронии, позволяющим ее отличать от юмора, считается «критичность» иронии по отношению к своему объекту [5], имплицитно выраженная «негативная деонтическая оценка» [6].

Исследуя иронию в коммуникативно-прагматическом аспекте в художественном тексте 1920-х гг., мы берем за основу следующее наше определение: «Ирония — это непрямая реализация коммуникативных интенций в смеховой, «несерьезной» форме, которая характеризуется несоответствием высказывания реальной ситуации и в содержание которой включается компонент критической оценки определенного объекта». Мы предлагаем классифицировать и рассматривать иронию в зависимости от типа коммуникативной единицы, в пределах которой она обнаруживается: на уровне микроречевого

и макроречевого актов, компонента высказывания, диалогического единства, дискурса персонажа, речевого жанра (текста).

Цель данной статьи — выявление специфики употребления иронических высказываний в диалоговом взаимодействии персонажей в произведениях русской литературы 1920-х гг.: типов и функций иронии, языковых и стилистических средств ее выражения. Материалом для исследования послужили произведения русских писателей 1920-х гг.: повесть М. Булгакова «Собачье сердце» [7], роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [8], рассказы М. Зощенко [9].

1. Типы и функции иронии в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония является стилем показателем своеобразия текста и охватывает большой диапазон единиц коммуникации. Так, в диалоговом взаимодействии персонажей ирония была выявлена на уровне микроречевого акта, ср.: *Больше вы ничего не хотите?; макроречевого акта*, ср.: *Как же вы узнали об этом? Использовали в своих интересах тайну исповеди? Очень хорошо! Очень красиво!; в пределах диалогического единства*, ср.: *Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? — с наивозможной язвительностью спросила духовная особа. — А ваши локоны где? У вас ведь были локоны?; отдельного компонента речевого акта*, ср.: *Как же насчет штанов, многоуважаемый служитель культа? Дискурс Остапа Бендера*, с некоторой долей условности, можно отнести к ироническим, так как большое количество реплик героя характеризуется иронией.

1.1. Собственно иронические речевые акты

Употребительным в романе (18 контекстов) является наиболее типичный случай иронии, представляющий собой «диаду, состоящую из противоположных членов» (термин В. В. Дементьева). В таком ироническом речевом акте означаемое и означающее противопоставлены по значению, то есть прагматическое значение высказывания противоположно собственному значению. Диады с контрастом между «формой» и «содержанием» речевого акта в романе сводятся к двум основным типам:

1.1.1. Похвала в значении неодобрения: *В полночь дворник Тихон, хватаясь руками за все попутные палисадники и надолго приникая к столбам, тащился в свой подвал. <...> — А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы! — воскликнул Остап, завидя согнутого в колесо дворника.* Параметры ситуации: дворник пьян.

1.1.2. Согласие в значении несогласия: — *Подумай только, пожирать трупы убитых животных! Людоедство под маской культуры! Все болезни происходят от мяса. — Конечно, — с застенчивой иронией сказала Лиза. — Например, ангина.* Параметры ситуации: диалог молодых супругов. На иронию в примерах 1.1.1 и 1.1.2 указывают авторские ремарки, что облегчает процесс декодирования речевого акта.

От данного типа высказываний, который мы называем собственно ироническим, мы отличаем речевые акты с пропозициональным ироническим значением. В собственно ироническом высказывании механизм иронии осуществляется путем замены одной коммуникативной интенции на другую (противоположную), то есть реальной ситуации не соответствует сам речевой акт, например, согласие по существу является несогласием (термин И. Б. Шатуновского по отношению к такому речевому явлению — «киллокутивная ирония»). В высказываниях второго типа выраженное намерение является неизменным: например, косвенная просьба остается просьбой, отказ — отказом. Несоответствие высказывания реальности относится в данном случае только к пропозициональному содержанию речевого акта, но не к нему самому как речевому действию. Наиболее часто в романе иронизацией сопровождаются непрямые реализации интенций побуждения, отказа и несогласия. Покажем это на примерах.

1.2. Речевые акты с пропозициональным ироническим значением

1.2.1. **Иронический отказ**, ср.: — *Тише вы, господа! Зачем он приехал, как вы думаете? На черном лице Виктора Михайловича определилась ироническая улыбка. — Ну, а вы как думаете? Он усмехнулся с еще большей иронией. — Уж во всяком случае не договоры с большевиками подписывать.* Параметры ситуации: Елена расспрашивает Виктора Михайловича о Воробьевинове. Ирония, которую эксплицирует авторская ремарка, способствует бесконфликтной реализации коммуникативной стратегии уклона (отказа от прямого ответа на вопрос).

1.2.2. **Ироническое несогласие**, ср.: *Место занято, — хмуро сказал Галкин. — Кем занято? — злово-веще спросил кларнет. — Мною, Галкиным. — А еще кем? — Палкиным, Малкиным, Чалкиным и Залкиным. — А Елкина у вас нет? Это наше место.* Параметры ситуации: пассажиры корабля, музыканты, спорят из-за места для репетиции. Вследствие использования иронии снижаются категоричность и импозитивность значения несогласия, являющегося зоной коммуникативного риска.

1.2.3. **Ироническое побуждение**, ср.: — *Однако для предводителя дворянства у вас слишком мелкие масштабы. А технику этого дела вы знаете? Может быть, у вас в чемодане запрятан походный несессер с набором отмычек? Выбросьте из головы! Это типичное пижонство — грабить бедную вдову. Ипполит Матвеевич опомнился.* Параметры ситуации: диалог Бендера и Ипполита Матвеевича. Ирония способствует действенному влиянию на собеседника, успешному побуждению Воробьевинова к тому, чтобы отказаться от замысла украсть стул у Грицацкой.

Специфическая особенность коммуникации в романе «Двенадцать стульев» — частотность случаев комбинирования иронии с другими типами непрямой коммуникации. Так, в тексте произведения актуализированы следующие речевые формы:

- иронические намеки. Ср.: *Когда их пути сошлись снова, Воробьевинов уронил: — Не ушиб ли я вас во время последней встречи? — Нет, отчего же, очень приятно было встретиться, — ответил ликующий отец Федор.* Воробьевинов адресует отцу Федору намеки на то, что был свидетелем его попыток найти и присвоить чужие драгоценности, но и священник в последующих репликах делает такого же рода намеки собеседнику. Цель речевых действий — дать понять, что коммуниканты в курсе незаконной деятельности друг друга.

- ироническая манипуляция. Дискурс Остапа Бендера следует охарактеризовать как одновременно иронический и манипулятивный, а персонажа — как ироническую и манипулятивную языковую личность. — *А ситечко кто взял? — Ах, ситечко! Из вашего неликовидного фонда? И это вы считаете кражей? В таком случае наши взгляды на жизнь диаметрально противоположны.* Параметры ситуации: диалог Остапа с супругой.

- иронические сентенции. Ср.: *За баллотированного двух небаллотированных дают; Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям; Иногда яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу.*

2. Иронические высказывания в рассказах М. Зощенко

В отличие от романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», в котором в качестве иронических личностей в речевом взаимодействии выражают себя в большинстве случаев герои, в рассказах М. Зощенко 1920-х гг. в диалогическом общении широко представлена не только ирония персонажей, но и автора.

Авторская ирония выявляется тогда, когда адресант, герой рассказа, порождает высказывание все-рьез, но над его репликами автор иронизирует, так как они представляются ему аномальными, «ложными» по причине несоответствия реальной ситуации. В подобном случае один и тот же речевой акт совмещает в себе реплику-стимул и реплику-реакцию. Данный тип иронии характерен только для художественного дискурса, и он уже являлся в той или иной мере объектом научного изучения в трудах З. А. Заврумова [10], И. Б. Шатуновского (термин «авторская метаирония») [5].

Как показывают результаты нашего исследования, сигналами авторской иронии в прозе М. Зощенко 1920-х гг. может выступать **«дискурсивный конфликт»**. В речи персонажей в частном общении могут обнаруживаться многочисленные признаки официального дискурса, что демонстрирует неспособность героев к «дискурсивному» переключению, отсутствие необходимых для этого навыков коммуникации. Так, в рассказе «Любовь» в рамках романтического гипержанра наблюдаются речевые акты, которые были бы более уместны в деловой беседе: *Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувство любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю.* Также в качестве маркеров авторской иронии выступают **смешение стилей**, ср.: *Выручай, браток. Может, тот артист после очухается. Не срываи, говорит, просветительской работы и конфликт унисона и диссонанса*, ср. — *Не подходи, — говорю, — сволочи, честно прошу.*

3. Иронические высказывания в повести М. Булгакова «Собачье сердце»

Ирония персонажей в повести «Собачье сердце» является типичным и явным проявлением речевой агрессии и редко используется в целях сохранения кооперации общения, для повышения эффективности воздействия на адресата. Ср.: *Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками иходить кругом через черный двор? Кому это нужно?* («Собачье сердце»). Общее у М. Булгакова и М. Зощенко — подчеркнуто неблагоприятный эмоциональный фон иронических речевых актов, которые, как правило, используются для осуществления интенций неодобрения и критики. По нашему мнению, такая эмоциональная тональность иронических конструкций в прозе М. Булгакова и М. Зощенко свидетельствует об остроте противостояния между «уходящим» классом дворянства и представителями «новой России» в 1920-е гг., в целом о высоком уровне речевой агрессии в обществе в анализируемый период как в официальной коммуникации, так и в частном дискурсе.

В романе «Двенадцать стульев» эмоциональный фон иронических высказываний более мягкий. Иронические высказывания героев родственны шуткам и часто нацелены на действенное убеждение собеседника, на достижение коммуникативного компромисса, на более гармоничную реализацию неблагоприятных для адресатов интенций.

В повести М. Булгакова выделяются два типа иронических конструкций — «одобрение в значении неодобрения» и «согласие в значении несогласия». Ср.: *Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, потом в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее* (одобрение = неодобрение). Данная особенность употребления иронии сближает повесть М. Булгакова с романом И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Таким образом, ирония в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» не всегда реализована как форма речевой агрессии и нередко сближается с шуткой: во многих случаях коммуникативные намерения говорящего в результате иронизации осуществляются в более смягченном виде, менее категорично, что позволяет вернуть общение в русло кооперации. В текстах рассказов М. Зощенко и повести М. Булгакова, напротив, ирония персонажей выступает как разновидность речевой агрессии, реализует интенции неодобрения и критики, характеризуется негативным эмоциональным фоном. Данная коммуникативная особенность указывает на напряженное противостояние между социальными классами в обществе и свидетельствует о преобладании «диссонансной» сферы речевого общения в 1920-е гг.

Список библиографических ссылок

1. Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Сарат. гос. ун-т. Саратов, 2001. 37 с.

2. *Kuma M.* Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка // Прямая и непрямая коммуникация : сборник научных статей / Сарат. нац. исслед. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 2003. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения: 05.05.2025).
3. *Нестерова Т. В.* Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы // Русский язык в контексте культуры : сборник научных статей участников Международной научной конференции, проведенной в МГУ им. А. А. Кулешова 10—11 нояб. 2009 г. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. Т. Г. Михальчук. Могилев, 2010. С. 18—21.
4. *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. М. : Флинта, 2022. 202 с.
5. *Шатуновский И. Б.* Речевые действия и действия мысли в русском языке. М. : ЯСК, 2016. 477 с.
6. *Шилихина К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2014. 51 с.
7. *Булгаков М.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. Мин. : Мастацкая літаратура, 1990. 543 с.
8. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. Мин. : Беларусь, 1981. 526 с.
9. *Зощенко М.* Избранное : в 2 т. Т. 1. Мин. : Народная асвета, 1983. 543 с.
10. *Заврумов З. А.* Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Дагестан. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2017. 56 с.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В. Ю. КРАЕВА

Алтайский государственный педагогический университет

(Барнаул, Россия)

kraevaveronika@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье обобщаются и анализируются результаты исследований русских говоров Алтая, называются имена диалектологов, чьи работы внесли значимый вклад в изучение языка региона как с позиции классической диалектологии, так и в рамках современных направлений лингвистики.

Ключевые слова: диалектология, язык региона, русские говоры Алтая, языковая картина мира, диалектная лексика, диалектная фразеология.

Kraeva Veronika Yuryevna, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

kraevaveronika@mail.ru

Study of russian dialects of altai: history and modernity

The article summarizes and analyzes the available results of research on the Russian dialects of Altai, names dialectologists whose works have made a significant contribution to the study of the regional language both from the perspective of classical dialectology and within the framework of modern areas of linguistics.

Keywords: dialectology, regional language, Russian dialects of Altai, linguistic worldview, dialect vocabulary, dialect phraseology.

Отношение к диалектологии в целом и говорам в частности всегда было неоднозначно. Как отмечает Е. В. Брысина, «взросшее... внимание ученых к проблемам развития и функционирования народных говоров во многом обусловлено осознанием их значения как хранителей своеобразия национальной языковой картины мира» [3, с. 5]. Но это осознание имеет свою историю. Признанное сегодня великое значение русских диалектов в создании культуры и участие культуры в формировании языка — это результат долговременного, постепенного изменения языковой политики отечественной науки.

Общеизвестно, что еще в первой половине XIX в. диалекты рассматривались многими учеными-языковедами как «искажение», «порча» литературного языка. По словам Л. Л. Касаткина, только к концу столетия изменилось отношение к диалектам в связи с проявлением интереса к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Почти до середины XX в. приоритетной была «идея формирования единой... культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык» [6, с. 85]. В соответствии с таким подходом изучение языка русских крестьян было неактуальным и невозможным, так как «создавалось впечатление, что исчезновение диалектов — уже свершившийся факт» [5, с. 81].

Несмотря на это, многие отечественные лингвисты, педагоги и историки всегда отмечали важность изучения говоров для истории языка и культуры народа, подчеркивая, что диалектные особенности представляют собой драгоценный материал для изучения, многие из них исторически имеют гораздо больше прав на существование, чем иные литературные так называемые правильные формы языка (А. Н. Афанасьев, К. Д. Ушинский и др.).

Возрожденное понимание того, что нивелирование диалектов — это обеднение общенародного языка, позволило отечественным лингвистам вновь обратиться к описанию, изучению народного языка и признать диалекты реальностью настоящего времени.

Русские говоры Алтая были и остаются объектом исследований. Язык этого региона достаточно давно изучается диалектологами, этимологами, языковедами, поскольку «Алтай как регион имеет свою специфику, вызванную историей заселения и природными условиями...» [4, с. 252]. Тем не менее русские говоры Алтая достаточно долго относились к мало изученным говорам Сибири, «так как они стали предметом исследования гораздо позже, чем близлежащие, сибирские говоры» [4, с. 253].

Современное состояние диалектной системы Алтая отражает историю заселения края, который, как известно, является территорией позднего освоения (см.: Переселение в Алтайский округ. Барнаул: Типолит. Управления Алтайского округа, 1912. 31 с.). Совершенно очевидно, что большой поток переселенцев оказал существенное влияние на формирование языковой ситуации на Алтае. Л. И. Баранникова определяет язык таких территорий — территорий позднего заселения — как «переселенческие говоры» и характеризует их с учетом системно-структурных особенностей и экстралингвистических факторов [2, с. 23]. По предложенным ему принципам классификации русские говоры Алтая представляют собой по временному критерию преимущественно переселенческие говоры, начало формирования которых относится к XVIII—XIX вв. Учитывая тот факт, что русские приходили на Алтай и раньше, можно говорить о существовании ранних переселенческих говоров. Поздние переселенческие говоры, к которым относятся формирующиеся на рубеже XIX—XX вв., также имеют место быть на данной территории. Говоры Алтая не являются однотипными, так как переселение русских носило и массовый, и единичный характер в разные периоды. Во многих населенных пунктах долгое время существовал разнодиалектный и разнозычный состав населения. Говоры переселенцев отражают связи разных групп новоселов с переселенцами, появившимися раньше, и коренным населением. Все названные экстралингвистические признаки говоров получают отражение в лингвистических особенностях переселенческих говоров.

Являясь выходцами из различных районов, переселенцы были соответственно носителями разных говоров, которые менялись под влиянием друг друга, а также «зависели» от контактов русских переселенцев со старожилами и местными народами. Исследователи отмечают, что контакты с аборигенами хотя и отразились на составе диалекта в виде заимствований (преимущественно номинативной лексики), но носят «избирательный характер, отражая менее тесные связи переселенцев с аборигенами» [10, с. 60]. Лингвисты-диалектологи Алтая пришли к выводу, что русские диалекты, функционируя в условиях диалектной неоднородности, либо развиваются в тесных междиалектных контактах, либо сохраняют свою основу в результате особенностей расселения и/или образа жизни носителей диалекта, т. е. имеют и монодиалектную, и полидиалектную основу. Исследование Т. Н. Кудаковой лексики говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района показывает, что для этого населенного пункта «типичной формой бытования говоров является “сосуществование”, “совместное” функционирование нескольких типов диалектов...» [8, с. 3]. Такая же языковая картина имеет место в с. Березовка Краснощековского района [9]. «Сосуществуют» обычно говоры двух типов: старожильческие и новосельческие. Говоры старожилов отличаются однородностью, говоры же новоселов неоднородны и дробны даже в одном населенном пункте.

На территориях, где нет сибиряков («не расейских»), контактируют носители одного типа диалекта — новосельческого, но разных диалектных систем-основ. Такая ситуация характерна для русских говоров Заринского (ранее Сорокинский) района, который был заселен только во второй половине XX в.

В диалектной картине Алтая выделяется еще один тип говоров — это говор «поляков». По наблюдениям Т. Ф. Байрамовой, этот говор характерен для с. Топольного Солонешенского района [1].

Таким образом, на Алтае не было и нет единой системы русских говоров, а язык региона представляет собой сложное и многогранное явление. Диалекты функционируют в условиях диалектной неоднородности и развития междиалектных и межъязыковых контактов. Преобладает старожильческий говор среднерусского типа, сформировавшийся в результате приселения южнорусских переселенцев к старожилам, которые были севернорусами, а также южнорусский говор поздних поселенцев (Романово, Селиверстово и др.). Севернорусский говор встречается значительно реже (Вяткино и др.).

Долгое время исследование алтайских говоров ограничивалось изучением материалов либо одного населенного пункта, либо нескольких соседних со сходной историей. С 1983 г. в Алтайском государственном университете под руководством профессора И. А. Воробьевой началась целенаправленная работа по обобщению материала и созданию диалектного словаря Алтая. Результатом многолетнего труда и комплексной работы по сбору и интерпретации диалектных слов лингвистов-диалектологов стал «Словарь русских говоров Алтая», публиковавшийся выпусками с 1993 по 1998 г. Словарь отразил особенности диалектной обстановки на Алтае. Он не является словарем дифференциального типа, а приближается к типу сводного дифференциального словаря русских народных говоров.

На основе этого словаря в 2007 г. вышел первый выпуск «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая». Автором идеи и руководителем проекта является профессор Л. И. Шелепова.

Лексика «Словаря русских говоров Алтая», отражая мир вещественных реалий и духовную культуру, самобытность региона, становится предметом исследования с позиции лингвокультурологии кандидатских диссертаций ряда авторов: С. В. Хлыбова «Моделирование фрагмента региональной картины мира (на материале русских говоров Алтая)», 1998; Т. И. Чернетских «Лексико-семантическая группа “жилище” как представитель фрагмента региональной картины мира (на материале “Словаря русских говоров Алтая”)», 2000; М. О. Сорокина «Лингвокультурологическое исследование поля “погода” в русских говорах Алтая (моделирование фрагмента региональной картины мира)», 2004; Е. Ю. Позднякова «Языковое пространство города», 2004; Е. В. Макарова «Региональная топонимическая личность: На материале русской топонимии Алтая», 2004; М. В. Титова «Лексика пчеловодства на Алтае: комплексное исследование», 2007; Е. В. Прокофьева «Диалектная языковая личность на Алтае», 2012.

Названные исследования вносят определенный вклад в развитие лингвистического регионоведения, в частности в изучение языка и культуры Алтая.

Фразеология русских говоров Алтая как пласт регионального языка в качестве отдельного предмета исследования до 2007 г. не выступала. Диалектная фразеология рассматривалась исследователями преимущественно с двух позиций: с точки зрения предмета лексикографического описания и в рамках исследования идиостиля В. М. Шукшина в процессе работы над составлением словаря писателя (А. Д. Соловьева, Т. Ф. Байрамова, В. Ю. Полтинина (Краева) и др.).

Лингвокультурологический подход, рассматривающий не только и не столько лингвистические особенности формального плана — наличие различных фонетических, морфологических и иных черт, а прежде всего «инвентарь» языковых единиц, которые, называя реалии, отражают их оценку, значимость для языкового сообщества, предопределяет значимость именно фразеологических единиц для данного направления, что сегодня уже общепризнанно. Исходя из этого нами было принято решение охарактеризовать диалектную фразеологию именно с позиции лингвокультурологии, что нашло отражение в кандидатском диссертационном исследовании «Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект», 2007. Материалом послужили словарь «Словаря русских говоров Алтая», полевые диалектные материалы Алтайского государственного университета и Барнаульского (в настоящее время — Алтайский) государственного педагогического университета, а также тексты полевых диалектологических материалов, собранных автором лично в селах Алтайского края в 1993—2007 гг. Всего было выявлено более 700 устойчивых словосочетаний, которые представляют собой как собственно фразеологизмы, так и другие устойчивые словосочетания.

Сегодня фразеология русских говоров Алтая остается источником материала для исследований в лингвокультурологическом, лингвострановедческом и лексикографическом аспектах. Так, на кафедре общего и русского языкоznания Алтайского государственного педагогического университета силами преподавателей и студентов создан проект Регионального лингвострановедческого

фразеологического словаря. Диалектная фразеология названного региона изучается в рамках дисциплины «Русская диалектология», а также рассматривается в процессе обучения русскому языку как иностранному (в настоящее время разрабатывается «Лингвострановедческий практикум по русскому языку как иностранному (региональный аспект)»).

Очевиден тот факт, что современная языковая ситуация характеризуется стремительной изменчивостью. Интенсивное и многогранное развитие человеческой деятельности, с одной стороны, и безвозвратное утрачивание многих культурно значимых понятий, явлений, с другой стороны, находят отражение в языке. С этих позиций сохранение и изучение русских говоров — важная задача, а ее решение способствует выявлению особенностей диалектной речи, ее экспрессивных возможностей и культурного потенциала [7].

Список библиографических ссылок

1. *Байрамова Т. Ф.* Безударный вокализм говора с. Топольное Солонешенского района Алтайского края // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 170—176.
2. *Баранникова Л. И.* Говоры территории позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкоизнания. 1975. № 2. С. 22—31.
3. *Брысина Е. В.* Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 23 с.
4. *Воробьева И. А.* Итоги и задачи изучения диалектов и топонимики Алтая // Вопросы языкоизнания и сибирской диалектологии. Томск, 1977. С. 252—255.
5. История русской диалектологии. М., 1961. 127 с.
6. *Касаткин Л. Л.* Русские диалекты и языковая политика // Русская речь. 1993. № 2. С. 82—90.
7. *Краева В. Ю.* Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 255 с.
8. *Кудакова Т. Н.* Лексика говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края (к вопросу о взаимодействии говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1975. 22 с.
9. *Кудакова Т. Н.* О лексике «переселенческих» говоров Алтая // Региональная лексикология и лексикография Алтая. Барнаул, 1983. С. 30—34.
10. *Федоров А. И.* Заимствованная лексика в русских говорах Сибири в лингвоэтнографическом аспекте ее изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 4. С. 56—60.

О. В. ТРОФИМОВА

Тюменский государственный университет

(Тюмень, Россия)

otrofim@rambler.ru

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА В СКАЗАХ ТЮМЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА ЕРМАКОВА

В статье анализируются диалектные и индивидуально-авторские слова, образованные по активным диалектным словообразовательным моделям, функционирующие в сказах И. М. Ермакова. Исследование проведено на основании сопоставления данных нескольких региональных диалектных словарей и «Словаря русских народных говоров».

Ключевые слова: И. М. Ермаков, диалектизмы, диалектное словообразование, сказ.

Trofimova Olga Viktorovna, University of Tyumen, Russia

otrofim@rambler.ru

Dialect words in the tales of the tyumen writer Ivan Ermakov

The article analyzes dialectal and individual-author words formed according to active dialectal word-formation models, functioning in the tales of I. M. Ermakov. The study was conducted on the basis of a comparison of data from several regional dialect dictionaries and the “Dictionary of Russian Folk Dialects”.

Keywords: I. M. Ermakov, dialectisms, dialect word formation, tale.

В 1980 г. в Москве тиражом в 100 000 экз. был опубликован сборник сказов тюменца И. М. Ермакова «Зорька на яблочке» [3]. Тюменский писатель Зот Тоболкин, составитель сборника, писал: «Я-то ничуть не сомневаюсь, что Ермакова будут читать с превеликим наслаждением, как мы, к примеру, читаем “Конька-Горбунка” <...> Словом его всяк заслушивался. Обыкновенная вроде бы сибирская речь, а как зазвучит со страниц его книжек речь-реченька, как польется серебряным родничком – волшебство, да и только!» [3, с. 223].

Сказ — это главный жанр И. Ермакова (были и очерки, и рассказы, и повести; всего около 20 изданий). Многоаспектному анализу творчества писателя посвящена коллективная монография «Ермаковские перезвоны» [4]. О языке сказов Ермакова «Зорька на яблочке», «Стоит меж лесов деревенька», «Сорок седьмая метка», «О чем шептал олененок», «Дымково бессмертие» и др. как о главном достоинстве его творчества М. А. Батин писал: «Характернейшее в нем — не просто сугубо национальное, но и идущее из самых народных глубин» [1, с. 59]. И одним из средств выражения этих народных глубин в сказах Ермакова являются лексические диалектизмы, включенные в текст наряду с такими стилистическими приметами сказа, о которых говорил В. В. Виноградов, как «лексические перегруппировки разных слоев литературного языка» [2, с. 49] и яркое словотворчество — в том числе по продуктивным диалектным моделям (о подобной форме конструктивной деятельности диалектной языковой личности писала, в частности, В. Д. Лютикова [5, с. 110—132]).

Собственно диалектизмов в сказах Ермакова немного. Часть их можно найти в «Словаре русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (СТО) [10], например, *одёнок* ‘2. Остаток сена от стога’ [10, т. 2, с. 86], *толмить* ‘тврдить, назойливо повторять одно и то же’ [10, т. 2, с. 307], и их текстовое значение совпадает со словарным: «Вскорости завиделся ему сенной одёнок. Стог отсюда был вывезен, а по дну да по краям оттаинки виднеются» [3, с. 170]; «А Андрейко свое толмит: “Ноги у него еще не так вставлены, чтоб меня обогнать...”» [3, с. 25]. Значение этих слов «городской» читатель может вывести из контекста.

Однако подобного полного совпадения значений часто нет, как в предложении «А у самого из носу юшка каплет» [3, с. 23], контекст которого бесспорно указывает на значение ‘кровь’, отсутствующее в словарях русских говоров Тюменской области [10] и Сибири (СРГС) [7], но зафиксированное «Словарем русских говоров Среднего Урала» (СРГСУ) [8] как ‘2. Кровь’ [8, т. 7, с. 67] и, с пометами *перен. шутл.* — в МАСе [6, т. 4, с. 776]. Подобная ситуация — в предложении «... мы, мол, свои трудодни

оценивали по признаку — сколь крепко они к земле нас пригибают. Принимаешь *чувал* с зерном, и спине твоей сладко» [3, с. 95]. В региональном словаре слово *чувал* многозначное ('1. Верхняя внутренняя часть русской печи <...> 2. Наружная (внешняя уличная) часть печной трубы <...> 3. Глиняная печь <...> в охотничьей избушке' [10, т. 2, с. 373—374], но ни одно из значений не уместно в ермаковском контексте. В МАСе значение '2. Очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей Севера' не имеет стилистической пометы, в то время как соотносимое с ермаковским текстом значение '1. Большой мешок' дано как областное [6, т. 4, с. 688]. Эту помету могут поддержать результаты обращения к диалектным словарям Урала и Сибири, в которых разведены как омонимы *чувал*¹ (5 значений, связанных с русской печью, в словаре СРГСУ и 7 подобных в словаре СРГС), *чувал*² ('мешок' [8, т. 7, с. 34] и '3. Большой мешок' [7, т. 5, с. 303]) и *чувал*³ ('устар. Большая лодка' [Там же]). Таким образом, в сказе тюменца И. Ермакова актуальна семантика, подтвержденная для большой сибирской территории, в частности для Среднего Урала, Бурятии, Алтая, Новосибирской и Читинской областей; при этом корреляция *чувала*² именно с зерном проявляется и в уральской словарной иллюстрации «Как зерно-от отмолотим, так в *чувалы* и ссыпам», и в сибирском значении '4. Отделение для зерна в амбаре'. Важно обратить внимание на то, что, по словам хранителя картотеки словаря СТО Е. П. Багировой, значение 'мешок' в Тюменской области не зафиксировано (и «не на слуху»), а персонаж сказа Мироныч, рассуждавший про трудодни, — человек пришлый: «Поначалу неизвестно даже было, из каких они мест с молодой супругой выходцы. Таились» [3, с. 83].

Приведем в сопоставительном, табличном формате еще два примера (см. табл.).

Значение и употребление в сказе лексических диалектизмов *малушка* и *напрокудить*

Текст Ермакова	СРГСУ	СРНГ	СРГС	СТО
Однова на глазах у сторожа [волчица] в загон к овцам заметнулась и в каких-то две минуты двух ярок и трех маток прикончила. Олена Стружкова — она при овцах сторожем была — закинулась в <i>малушке</i> на засов <...> — Ты бы сама поменьше в <i>малушке</i> сидела, а побольше бы общественный скот обороныла... [3, с. 41, 42]	1. Небольшая избушка во дворе. 2. Помещение для скота [8, т. 2, с. 115]	1. Задняя изба, помещение во дворе для занятий ремеслами, мастерская. 2. Зимние помещения для скота. 3. Флигель [9, вып. 17, с. 341]	3. Хозяйственная постройка в усадьбе. 4. Зимнее помещение для скота [7, т. 2, с. 254, 255]	Временная постройка [10, т. 1, с. 369]
— С козлом ты <i>напрокудил</i> ? Смеется. — Я, — говорит, — дядя Пантелей. Опасно было в деревню заходить, не знамши, что у вас за власть, пришлось Борьке разведку делать [3, с. 22, 23]	Напроказничать, навредить [8, т. 2, с. 180]	Напроказить, набедокурить, натворить что-либо [9, вып. 20, с. 101]	Напроказить, набедокурить [7, т. 2, с. 350]	Напроказить [10, т. 2, с. 42]

Из предлагаемых словарями значений слова *малушка* актуальным для сказа будет скорее второе уральское значение — 'помещение для скота'. Но хотя история с волчицей, повадившейся по ночам в деревню «мстить за своих [погибших] детенышев», и произошла летом, мы не можем исключить значение 'зимнее помещение для скота'. Глагол *напрокудить* с пометой *обл.* и значением 'натворить бед, неприятностей' находим в МАСе [6, т. 2, с. 384]. При толковании слова в двух диалектных словарях использован глагол *набедокурить*, который в МАСе представлен с пометой *разг.* и значением

‘нечаянно, по неосторожности или проказничая, натворить бед, напроказничать’ [6, т. 2, с. 325], и во всех словарях — *напроказить* (в МАСе — *прост.*) или *напроказничать* (*разг.*) — ‘наделать проказ, наозорничать’ [6, т. 2, с. 384]. Однако для сказа Ермакова значение ‘натворить бед’ неактуально: привязать козла к веревке, спущенной с колокольни, и ожидать последствий, чтобы узнать, белые или красные сейчас в деревне, для Андрея Соколка, «сдезертировавшего» от колчаковцев, было жизненно необходимо — скорее, чтобы избежать бед.

Если семантику этих диалектных слов читателю, не знакомому с реалиями деревенской жизни, может «подсказать» контекст, то для представления о том, что такое *опечек* — в словарях указано от двух [10], пяти [8], десяти [7] и до 17 [9] значений (от фундамента, каркаса, части, выступа печи до лавки вокруг нее, а также возвышение дна реки), — текстового фрагмента, вероятно, недостаточно:

«Тот [охотник Андрей Куроптев, возвратившийся домой с добычей, веривший во все охотничьи приметы, в том числе — «слово ему сказать не моги про волков». — *О. Т.*] как шмякнет волками об *опечек* да как рявкнет на гостью [приехавшую в гости сестру, воскликнувшую: «Да он с волками, с добычей!..»]: “Черви тебе на язык, полоротая!”» [3, с. 34].

Возможно, здесь актуально второе из двух тюменских значение ‘деревянный оклад у печки’ с иллюстрацией *Вон опечек по старинке зделан, на печку лазить лучшэ, вии порожыки наделаны* [10, т. 2, с. 96], коррелирующее со значением ‘6. Выступ на краю печи’ и иллюстрацией к нему *Приступок-лесенка, чтобы лазить на печку, опечек, чтобы держаться за него, когда на печь лезешь* [7, т. 3, с. 89], зафиксированными на ближайшей к Тюмени сибирской территории — в Омской области, в приграничье с которой, в Казанском районе, родился И. М. Ермаков.

Соответствует скорее значению, отмеченному первым из пяти в уральском, первым из четырех — в сибирском, а не единственному — в тюменском словаре, употребление Ермаковым глагола *обопнуться*: «Захарка *обопнулся*, остановился...» [3, с. 14], ср. толкование однокоренными глаголами: ‘1. Споткнуться’ [8, т. 3, с. 26], ‘1. Запнуться’ [7, т. 3, с. 36] — и «Сделать кратковременную остановку, задержаться ненадолго. *Обопнулся хорошо в Москве*» [10, т. 2, с. 76].

Отсутствуют в трех региональных словарях, но есть в СРНГ использованные Ермаковым диалектные слова, значение которых для читателя раскрывается либо через однокоренные слова литературного языка, например, *зверятка* (‘дикое животное’ [9, вып. 11, с. 218]), *лепетливый* (‘разговорчивый, болтливый’ [9, вып. 16, с. 362]) и др., либо через контекст, например, о той же мстящей волчице:

«Сгреб он [охотник Кешка] с себя фуражку и запустил ее в волчицу сторону. Та прыжками к ней... тетеревенок, мол. В фуражку-то уткнулась, шибануло ей человеческим духом — она и замерла на момент. Кешка ей и отсалютовал. И не *копыхнулась...*» [3, с. 49]. — Ср.: *копыхнуться* ‘покачнуться’ [9, вып. 14, с. 306].

Таким образом, обращение к исследованию диалектных слов в сказах Ермакова актуализирует проблемы не только взаимодействия общедиалектной лексики и региональных диалектизмов, но и стилистической дифференциации и подвижности русского лексикона, отмеченной В. В. Виноградовым.

В сказах Ермакова обращает на себя внимание активное диалектное словотворчество, например производные глаголы с двумя приставками типа *задогадывались*, *заоглядывались*, *заподумывали*, *заприсмевался*. Не зафиксированные в СТО, они построены по модели, активной в местных говорах, см.: *запереговаривать* (‘засплетничать’), *заподдёргивать* (‘экспр. очень часто упоминать о чем-либо с целью упрека, попрекать’), *заприсграбливаться* (‘начинать горбатиться, сутулиться’), *запритаивать*

(‘безл. начать таять (о снеге)’), *запришоркаться* (‘слегка загрязниться, затереться’) [10, т. 1, с. 262, 264, 266] и др. Отметим, что перечисленные слова не зафиксированы в СРНГ, за исключением глаголов *заоглядываться* ‘начать оглядываться’ с двумя книжными иллюстрациями, из текстов Водарского (Ивановская область) и Бажова (Урал) [9, вып. 10, с. 290] и *заподумывать* ‘начать думать’ (Средний Урал) [9, вып. 10, с. 335], — иллюстрация для последнего позаимствована (без указания источника) из сказа П. Бажова «Таюткино зеркальце».

Основной корпус НКРЯ содержит 18 фиксаций глагола *заоглядываться* — в текстах Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, П. Бажова, при этом в ситуации «здесь и сейчас», с явными или опущенными компонентами пространственной семантики *по сторонам, вокруг*, например: «Анна подняла голову, суетливо заоглядывалась по сторонам» (Ф. Абрамов. Братья и сестры). У Ермакова же контекст актуализирует временную ретроспективу в ментальной сфере:

«Самое безвредное занятие себе старичок придумал <...>, а на людей между тем сдействовало. Затревожились. Заподумывали: “А под каким видом-образом я в эту самую Стратонычеву летопись угадаю? А вдруг перед потомками и перед грядущими поколениями оконфузит?” С этой мыслью на свою жизнь заоглядывались, свои поступки-проступки применительно к летописи соразмерять начали» [3, с. 3].

Ермаковские приставочные глагольные формы *прииначивает, присекречено*, отсутствующие в СТО, по словообразовательной модели коррелируют с глаголами типа *призабыться, приподелить, присмекивать, присноваться, пришарашииться*. Из них четыре зафиксированы в СРНГ, но с отличием в значении либо в окраске, например: *призабыться*: ‘подзабыть’ [10, т. 2, с. 193]; ‘1. Забыться, заснуть на некоторое время. 2. Позабыть об окружающем, отвлечься от действительности, призадуматься’ [9, вып. 31, с. 212]; *пришарашииться*: ‘экспр., неодобр. прийти, прибежать, появиться’ [10, т. 2, с. 199]; ‘прийти, прибрести’ [9, вып. 32, с. 65].

Как и в текстовом фрагменте выше, с повтором глагольной приставки *за-* (нейтральный глагол *затревожились* и два диалектных *заподумывали, заоглядывались*), формирующим, кроме прочего, ритм текста, причастие *присекречено* «соседствует» с двумя разностилевыми причастиями, повторяя грамматическую форму первого и предсказывая морфемный состав третьего:

«Оборона старая, укрепленная. Тут тебе и колючки в три кола *понавито*, и мин в земле *присекречено*, и каждая кочка *пристреляна* — жесткая, словом, оборона» [3, с. 36, 37].

В заключение отметим, что собственно диалектные и стилизованные индивидуально-авторские слова, образованные по активным словообразовательным моделям Тюменского региона, функционирующие в сказах И. М. Ермакова, призваны решать авторскую художественную задачу.

Стилистическая игра автора, обязательная для сказа как жанра художественной литературы, проходит и на уровне как собственно диалектных включений, так и диалектного словотворчества. При этом «инодиалектные» единицы могут быть маркерами «чужого» (по территории), но «своего» (по социальным и этнокультурным параметрам) персонажа. Этую разницу острее могут чувствовать читатели «своего» региона, но не воспринимать другие адресаты, что тем не менее не снижает художественного эффекта сказового текста.

Список библиографических ссылок

1. *Батин М. А.* О сказах Ивана Ермакова // Батин М. А. Жанр и мастерство : воспоминания, литературно-критические статьи. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1970. С. 58—83.
2. *Виноградов В. В.* Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы : избранные труды. М. : Наука, 1980. С. 42—54.
3. *Ермаков И. М.* Зорька на яблочке : сборник сказов / сост. и послесл. З. Тоболкина. М. : Современник, 1980. 224 с. : ил.
4. *Ермаковские перезвоны* : сборник статей преподавателей филологического факультета Тюменского государственного университета / отв. ред. Л. С. Филиппова. Тюмень : Изд-во ТГУ, 1996. 162 с.
5. *Лютикова В. Д.* Языковая личность и идиолект. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. 188 с.
6. *МАС* — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985—1988; Т. 2. К—О. 1986. 736 с.; Т. 4. С—Я. 1988. 800 с.
7. *СРГС* — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, 1999—2006. Т. 2. 2001. 392 с.; Т. 3. 2002. 488 с.; Т. 5. 2006. 395 с.
8. *СРГСУ* — Словарь русских говоров Среднего Урала : В 7 т. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та. 1981. Т. 2. К—Н. 214 с. ; 1981. Т. 3. Обабница — Перевалок. 127 с. ; 1988. Т. 7. Цабура — Яшной. 192 с.
9. *СРНГ* — Словарь русских народных говоров. Л. ; Санкт-Петербург : Наука. 1974. Вып. 10. Заглазки — Заросить. 388 с. ; 1976. Вып. 11. Зароситься — Зубрёнка. 364 с. ; 1978. Вып. 14. Кобзарик — Корточки. 376 с. ; 1980. Вып. 16. Куделя — Лесной. 376 с. ; 1981. Вып. 17. Леснокаменный — Масленичать. 387 с. ; 1985. Вып. 20. Накучкать — Негоразд. 376 с. ; 1997. Вып. 31. Почестно — Присуть. 433 с. ; 1998. Вып. 32. Присуха — Протищь. 272 с.
10. *СТО* — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С. М. Беляковой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Т. 1. 400 с. ; Т. 2. 516 с.

СЛАВИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА

М. И. СВИСТУНОВА

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
svistunovami@bsu.by

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ XVIII ВЕКА¹

Дается общее представление о белорусскоязычной письменности XVIII в., включающей тексты, записанные с помощью кириллической, латинской и арабской графических систем, названы основные трудности, связанные с ее изучением, составлен комплекс исследовательских задач, возникающих при обращении к письменности данного переходного этапа: определение ее места и роли в процессе формирования белорусского литературного языка, целенаправленный поиск источников, их систематизация, классификация и публикация.

Ключевые слова: история белорусского языка, XVIII век, латинографичная письменность, арабографичная письменность.

Svistunova Maryna Iosifovna, Belarusian State University, Republik Belarus
svistunovami@bsu.by

Belarusian-language writing of the XVIII century

A general idea of the Belarusian-language writing of the XVIII century, including texts written using Cyrillic, Latin and Arabic graphic systems is given, the main difficulties associated with its study are described, a set of research problems that arise when turning to the writing of this transitional stage has been compiled: determining its place and role in the process of formation of the Belarusian literary language, a targeted search for sources, their systematization, classification and publication.

Keywords: history of the Belarusian language, XVIII century, Latinographic writing, Arabic writing.

В истории письменности на белорусском языке XVIII веку принадлежит специфическая роль связующего звена между периодом старобелорусского и периодом нового белорусского литературного языка. Переходным этапом называет это столетие современная исследовательница Л. В. Леванцевич [5, с. 8], наследуя при этом авторитетному историку белорусского языка Л. М. Шакуну, который ранее писал, что «XVIII в. стоит на стыке старой и новой эпох в истории белорусской литературы и литературного языка» [7, с. 168]. Такой беспрецедентно обособленный характер этого столетия (переходные этапы для других периодов не выделяются) в периодизации истории белорусского языка обусловлен признанием упадка старобелорусской письменности в конце XVII в., прерывания письменной традиции, почти полностью соотносимого с XVIII в., возникновения на основе народных говоров нового белорусского литературного языка в XIX в.

Реализация основных целей нашей работы — общее описание белорусскоязычной письменности XVIII в. и определение комплекса исследовательских задач, возникающих при ее изучении, — представляется важной для исторического языкознания, поскольку может помочь в разрешении проблемы перерыва письменной традиции и проблемы преемственности между старобелорусским периодом и периодом нового белорусского литературного языка, до сих пор не нашедших однозначного понимания и решения.

Историки языка редко обращаются к изучению белорусской письменности XVIII в. частично потому, что сохранилось небольшое количество текстов, которые к тому же имеют и небольшой объем. Традиционно считается, что последнее произведение на старобелорусском языке увидело свет в 1722 г., и это был напечатанный кириллицей катехизис с предисловием униатского митрополита Льва Кишки под общим названием «Собрание припадков краткое», изданный в Супрасльской монастырской типографии. Зарождение нового литературного языка связывают с белорусскоязычными вставками в латинографичных школьных пьесах «Комедия» и «Доктор поневоле» из рукописного Забельского сборника 1787 г., авторство которых приписывается соответственно профессору риторики и поэтике Коэтану Морашевскому и профессору риторики Михалу Тетерскому, преподававшим в Забельском доминиканском коллегиуме (совр. Верхнедвинский район Витебской области). Именно такие,

неоспоримые по сегодняшний день, характеристики были даны, например, известным историком белорусского языка А. И. Журавским еще в 1967 г. в фундаментальной работе «История белорусского литературного языка» [3, с. 356, 362, 367], а также в совместной с И. И. Кремко статье 1973 г. [4, с. 14]. Точное количество таких вставок в школьных постановках — интермедий и интерлюдий XVIII в. — неизвестно, А. И. Журавский и И. И. Кремко [4, с. 13], а также Л. М. Шакун [7, с. 63] указывали 35 текстов, ссылаясь при этом на работы польского коллеги П. Левина.

Однако и те 65 лет, которые отделяют «Собрание припадков краткое» от пьес Забельского сборника, не были совершенно «пустыми» по отношению к письменности на белорусском языке. Нельзя, например, не принимать во внимание существование значительного количества тематически разных анонимных лирических песен — кантов и духовных песен — псалм, записанных в XVIII в. В Оршанском, Варшавском и Курницком сборниках, в сборнике «Куранты» (1733), в так называемых московских сборниках-песенниках содержатся произведения, многие из которых с полным правом могут быть отнесены к истории письменности на белорусском языке. В этих рукописных сборниках используются кириллическая и латинская графические системы. И если историкам белорусской литературы такие произведения хорошо известны (неслучайно они включаются в состав современных антологий и хрестоматий по истории белорусской литературы), то историкам языка — нет (подробнее см. в статье автора «Канты XVIII в. как памятники белорусской письменности» [6, с. 263—264]).

Кроме кантов и псалм на белорусских землях бытовали и другие поэтические произведения, например стихи: юмористические, в том числе принадлежащие к так называемому анималистическому циклу («Птичий бал», «Комара с дуба тяжелое падение», «Военный поход грибов»), сатирические и антиклерикальные («Попа едущего и собаки лающей дескрипция», «Эй на горе на высокой церковка святая»), приветственные («На приезд в Пинск волынского бискупа Стефана», «На приезд в Вильно варминского бискупа Шембека», «Всем многи век в новой хате»). Вполне вероятно, что многие такие стихи, также как и канты с псалмами, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей, поскольку часто находятся в составе популярных в шляхетской среде сборников типа *silva rerum*, записанных по-польски. Из-за латинской графики и насыщенности письменного языка XVIII в. полонизмами такие произведения не всегда определяются как белорусскоязычные.

Среди прозаических произведений на белорусском языке, созданных в XVIII в., более-менее известны филологам и изучены небольшие сочинения сатирического характера, антиклерикальные и общественно-политические: «Речь русина», «Вторая речь русина о рождении Христа», «Евангелия руская», «Казане руское схизматицкое», «Совет литовский» и др. Меньшее внимание уделяется конфессиональной литературе, хотя считается, что униаты обращались к белорусскому языку в местных коллегиумах (школах) в процессе обучения, для создания интермедий и пьес, духовных песен (канты-чек), а также в печатных изданиях, примером чего является не только «Собрание припадков краткое» 1722 г., охарактеризованное выше как последняя книга на старобелорусском языке, но и сделанное в 1800 г. предисловие к книге «Чин освящения церкви» (основной текст на церковнославянском языке). Значительный интерес для истории письменности на белорусском языке представляют метрические книги, которые велись при храмах.

Кроме самостоятельных драматических, поэтических и прозаических произведений к свидетельствам употребления белорусского языка в письменной форме в XVIII в. следует отнести и отдельные записи бытового характера, встречающиеся в документах или книгах, маргиналии, а также немногочисленные документы вроде тестамента могилевского бургомистра 1702 г., записи Речицкого гродского суда 1746 г., актизации статута могилевского цеха пекарей 1763 г., копии «Уставы на волоки» 1790 г. (см. статью В. В. Аниченко «Памятники белорусского делового языка XVIII века в библиотеках Польской Народной Республики» [2]) и др.

Говоря о белорусскоязычной письменности XVIII в., нельзя не упомянуть о существовании у местных татар китабов, написанных по-белорусски (а в XIX в. и по-польски) арабским письмом. Таджвиды, тафсири, хамаилы XVIII в. наряду с тюркской лексикой и некоторыми языковыми особенностями передают местные диалектные черты, а также польскоязычное влияние. В каталогах «Рукописи татар Беларуси конца XVII — начала XX веков из государственных книжных собраний страны» (2011), «Рукописи татар Беларуси XVIII — начала XIX века из государственных и общественных книжных собраний страны» (2015), «Тафсири, китабы и хамаилы: Из частных книжных собраний Беларуси» (2020) (составители М. Тарелка и др.) представлена значительная часть арабографического наследия белорусскоязычной письменности XVIII столетия.

Таким образом, несмотря на функциональную, стилистическую и жанровую ограниченность, письменность на белорусском языке в XVIII в. существовала и в своей реализации использовала три графические системы: кириллическую, латинскую и арабскую.

Это заключение приводит нас к формулировке нескольких исследовательских задач, возникающих при изучении белорусскоязычной письменности XVIII в.: 1) целенаправленный систематический поиск источников (текстов); 2) их публикация, позволяющая проводить филологическое изучение и включить данные источники в корпус белорусскоязычной письменности, а также выработка принципов и правил такой публикации; 3) научная систематизация и классификация таких текстов.

При знакомстве с текстами произведений XVIII в. неизбежно столкновение с проблемой определения их языковой основы. Дело в том, что для Беларуси на протяжении многих столетий было свойственно одновременное сосуществование (как в устной, так и в письменной формах) нескольких языков. В сфере литературного языка это привело к формированию особых его функционально-стилистических разновидностей, в разной степени связанных с языками книжнославянским и польским. Традиции такой полилингвальности мы наблюдаем и в произведениях XVIII в., в которых, кроме того, к концу столетия значительно проявились черты живой белорусской, а также и украинской речи. Сочетание разноязычных особенностей делает языковую картину ряда произведений настолько пестрой и неоднородной, что позволяет рассматривать их как общее наследие нескольких народов. Если комплексный анализ на разных уровнях показывает наличие белорусскоязычных черт (например, характерная лексика, «аканье», э на месте этимологического ятia, «дзеканье» и «цеканье», отвердение шипящих и *p*, переход *v*, *l* в *ў*, удлинение согласных в интервокальном положении и др., определенные грамматические формы («сынку», «идзець», «рабицу» и др.)), то это дает основания относить данное произведение к числу белорусскоязычных. Однако очень часто формальный учет количества характерных особенностей каждого из языков, представленных в таком полилингвальном тексте, ничего не дает и даже заводит в тупик, если не учитывать общие направления в развитии литературного языка в данной эпоху.

В связи со сказанным еще одна очень сложная в решении исследовательская задача при изучении белорусскоязычной письменности XVIII в. — это разработка системы определения и набора конкретных критериев для идентификации языковой основы того или иного произведения.

Говоря в самом начале о специфиности XVIII в. в истории письменности на белорусском языке, среди прочего мы имели в виду также и разные оценки его места и роли, даваемые исследователями. Так, еще в советском историческом языкоznании сложились и были представлены два противоположных мнения. Одно из них, доминирующее, транслировал, например, А. И. Журавский, который категорично настаивал на признании перерыва письменной традиции и отсутствии преемственности между старобелорусской письменностью и письменностью на новом белорусском литературном языке. В «Истории белорусского литературного языка» он рассматривал исключительно драматические произведения XVIII в. («Комедию» и «Доктор поневоле»), подчеркивал, что «всей совокупностью своих

языковых средств комедии противопоставляются древнему белорусскому литературному языку», «сближаются с произведениями белорусской литературы середины XIX в., которые так же, как и названные драматические произведения, целиком основывались на живых народных говорах» [3, с. 367]. И таким образом, никакие другие произведения XVIII в. исследователем не учитывались (частично потому, что не были ему известны), а сам XVIII в. оказался как бы вне периодизации белорусского литературного языка, попав в зону перерыва письменной традиции.

Другой историк белорусского языка Л. М. Шакун, не отвергая мнение об упадке старобелорусской письменности и рассматривая те же драматические произведения, что и А. И. Журавский, приходит к несколько иному заключению: «Таким образом, XVIII в. — это не “белое пятно” в развитии белорусской письменности, как иногда думают на основании ограниченного числа дошедших до нас письменных памятников. С одной стороны, в это время окончательно остановилось развитие стилистически-языковых традиций древней белорусской письменности. С другой — началось развитие новых литературных жанров, с новыми приемами и способами литературного высказывания, несравненно более тесно связанными с языковым творчеством народа. В этом смысле XVIII в. стоит на стыке старой и новой эпох в истории белорусской литературы и литературного языка, и произведения новых литературных жанров, зарождавшиеся в это время, образно говоря, можно считать перекидным мостом в новую белорусскую литературу» [7, с. 174]. Таким образом, исследователь обращает внимание на специфику и подчеркивает переходный характер письменности данного столетия. Вместе с тем в периодизации, предложенной Львом Михайловичем в его «Истории белорусского литературного языка», весь XVIII в. отнесен к концу периода старобелорусского литературного языка (XIV—XVIII вв.) [7, с. 16—17].

Еще одно, но уже принципиально иное, мнение отстаивал в своих работах В. В. Аниченко. Так, например, в большой статье «Развитие белорусского литературного языка в XVIII в.», опубликованной в авторитетном советском научном издании «Вопросы языкоznания» (1978), он анализировал язык отдельных драматических произведений, анонимных песен, сатирической прозы и деловой письменности (заметим, что это первая научная систематизация белорусскоязычных текстов XVIII в.). Высказал ряд ценных наблюдений и оригинальных суждений, Владимир Васильевич писал: «...позволим себе выразить уверенность, что фактический материал некоторых проанализированных нами памятников дает основу для признания преемственной связи белорусского литературного языка XVIII в. с белорусским литературным языком XIX в. Исследование письменных свидетельств белорусского языка XVIII в. разных жанров показывает, что уже в XVIII в. была заложена основа нового белорусского литературного языка, и с этого времени следует производить отсчет его развития» [1, с. 56].

Обобщая вышесказанное, можно сформулировать еще две исследовательские задачи, связанные с определением 1) места и 2) роли XVIII в. в истории белорусского литературного языка и ее периодизации.

Важно отметить, что проблемой развития белорусской письменности в XVIII в. в последнее десятилетие заинтересовался ряд белорусских (И. В. Будько, И. О. Гапоненко, И. И. Короткевич, Г. К. Ти-ванова и др.) и зарубежных (Й. Гетка, Ю. Гордеев) исследователей. Тем не менее слова В. В. Аниченко из статьи 1978 г. о том, что «в истории белорусского литературного языка период XVIII в. наименее исследован. И, вероятно, не случайно в языкоznании он считается белым пятном на фоне предшествующего развития старобелорусской письменности в ее различных жанрово-стилевых разновидностях» [1, с. 47], все еще остаются актуальными.

Примечание

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № 20211516 «Белорусскоязычное письменное наследие XVIII века в контексте языковой преемственности» подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований на 2021—2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

Список библиографических ссылок

1. *Аниченко В. В.* Развитие белорусского литературного языка в XVIII в. // Вопросы языкоznания. 1978. № 4. С. 47—57.
2. *Анічэнка У. В.* Помнікі беларускай дзелавой мовы XVIII ст. у бібліятэках Польскай Народнай Рэспублікі // Беларуская мова : міжведам. зб. Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1978. № 6. С. 3—12.
3. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа. Т. 1 / А. І. Жураўскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1967. 369 с.
4. *Жураўскі А. І., Крамко І. І.* Характар знешніх узаемадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання // АН БССР; Бел. кам. славістай. Мінск : Навука і тэхніка, 1973. 40 с.
5. *Леванцэвіч Л. В.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вуч. дап. для студ. устаноў выш. адукацыі па спецыяльнасці «Беларуская філалогія (па напрамках)». Мінск : РІВІШ, 2020. 191 с.
6. *Свістунова М.* Канты XVIII ст. як помнікі беларускага пісьменства // Acta Albaruthenica. 2023. Т. 23. С. 259—275.
7. *Шакун Л. М.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вуч. дапам. для філалаг. факульт. выш. навуч. Устаноў. 2-е выд-не, перапрац. Мінск : Універсітэтэцкае, 1984. 318 с.

А. А. СОКОЛОВ

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)*
sokolowaa@list.ru

Э. И. ЦЫПКИН

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)*
yakowlewa85@yandex.ru

С. Р. НЕДБАЙЛИК

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)*
snedbailik@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье дан общий обзор основных факторов, причин и особенностей англо-американских заимствований в лексической системе современного немецкого языка. В рамках исследования авторы рассматривают различные типы англицизмов, предлагая их классификации по тем или иным признакам.

Ключевые слова: заимствование, язык, лексика, наименование, ассимиляция.

Sokolov Alexandre Andreevitch, Tsypkin Ernest Iosiphovitch, Nedbailik Sabina Rudolphovna, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

sokolowaa@list.ru, yakowlewa85@yandex.ru, snedbailik@mail.ru

To the question of english-american borrowings status in modern German

This article provides a general overview of the main factors, causes and features of English-American borrowings in the lexical system of modern German. In the frame of given study the authors consider various types of English-like units, offering their classifications according to different criteria.

Keywords: borrowing, language, vocabulary, nomination, assimilation.

Как известно, с этимологической точки зрения лексику любого языка можно разделить на исконную и заимствованную. Причем заимствованная лексика является следствием межъязыкового и культурного взаимодействия. В большинстве случаев заимствованные слова попадают в языковую систему как средство наименования новых вещей, ранее неизвестных понятий и явлений, т. е. в качестве неологизмов, например: *Notebook*, *Duty-Free(-Shop)* [1]. Кроме того, они могут быть средством наименования уже известных предметов или явлений: *Client* = *der Kunde*, *Magazin* = *die Zeitschrift*, *Collection* = *Kollektion*, *Airport* = *der Flughafen* [3, с. 68—69]. Это происходит в тех случаях, когда заимствованное слово является интернациональным термином или характеризует известный предмет с несколько другой стороны, либо же является лексической единицей (ЛЕ), насильственно внедренной в языковую среду (например, при военной оккупации). Нетрудно предположить, что наиболее яркое отражение процесса заимствования лексики из английского языка находит в коммуникативной среде молодежи, т. е. в молодежном сленге. Стремительное ускорение темпа современной жизни, повсеместное внедрение компьютерной техники и новых нанотехнологий, вызывающие значительное расширение общего вокабуляра, приводят к увеличению и числа так называемых сленгизмов, что вполне объяснимо. Ведь именно молодое поколение, еще не связанное литературной нормой и влиянием устойчивых традиций, первым воспринимает технические и социальные новшества, давая им разговорные наименования. Причем чаще всего это происходит посредством переосмыслиния уже существующих слов или путем заимствования из других языков.

В настоящее время основное ядро заимствований в немецком языке составляют англо-американизмы, которые по существу имеют статус интернациональной лексики [2]. Интенсивное и повсеместное проникновение англицизмов в словарный состав современного немецкого языка связано с целым

рядом причин, как лингвистических, так и экстравалингвистических. Так, к первым можно отнести: отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-реципиента (около 15 % новейших англизмов заимствуются в связи с отсутствием необходимого наименования в немецком языке, причем они могут иметь как прямое, так и переносное значение); обеспечение стилистического эффекта [1; 5]. К внешним, экстравалингвистическим причинам следует отнести: активизацию связей с США, прочный статус английского языка как международного, особенно в научном общении, изменения в менталитете людей, говорящих на немецком языке и др.

Значимую роль в процессе заимствования играют и исторические события, например, в период Второй мировой войны немецкий словарь обогатился большим количеством англоязычных слов [5]. Кроме того, грамматический строй английского языка явно отличается от немецкого большей простотой и четкостью, что способствует все более частому использованию англоязычных конструкций в речи немцев. Довольно важен и тот факт, что англо-американский словарный состав гораздо шире, включает около 700 000 ЛЕ, в то время как лексикон немецкого языка охватывает около 400 000 слов [3]. Именно поэтому для многих понятий фактически нет необходимых лексических эквивалентов.

Англо-американские заимствования имеют применение во всех сферах жизнедеятельности человека. Так, помимо необходимых номинаций новых явлений науки, техники и экономики, немецкий язык в последние десятилетия переполнили английские слова-параллели, активно вытесняющие исконные ЛЕ, таким образом, фактически размывающие его специфический облик. Вполне понятно, что эта проблема имеет высокую лингвистическую значимость. Однако не менее актуальным представляется выяснение самого механизма адаптации англо-американских заимствований, во многих случаях прочно закрепившихся в словарном составе немецкого языка. Так, с точки зрения освоения их можно разделить на три группы:

- 1) слова и выражения, сохраняющие английское написание: *T-shirt, simple, different* [4, с. 102—295];
- 2) слова, частично освоенные немецким языком (употребление с артиклем, написание существительных с большой буквы, приобретение словом немецких грамматических форм): *die Edition; das TV-Magazin, die Software, der Event, boomende* [4, с. 123—293];
- 3) заимствования, включенные в состав композитов и дающие гибридные образования: *Service-Dienst, Service-Seite, Top-Lage, Inter-CityZug, Euro-CityZug, Durch-Ticket, Topfset, Business-Gast* [4, с. 145—294].

Нетрудно предположить, что заимствование лексики может происходить как устным, так и письменным путем. Причем в первом случае иностранные слова быстрее ассилируются в языке-реципиенте. При письменном же заимствовании гораздо дольше сохраняются их морфологические и фонетико-графические особенности [1]. Так, по степени ассилияции иноязычные ЛЕ можно подразделить:

- 1) на полностью ассилированные, т. е. соответствующие всем морфологическим, фонетическим и орфографическим нормам заимствовавшего языка и воспринимаемые как исконные, например: *der Computer* — компьютер [4, с. 96];
- 2) частично ассилированные, т. е. оставшиеся иностранными по своему произношению, написанию или грамматическим формам, например: *der Event* (-s) — мероприятие, событие; *der Job* — занятие, работа; *jobben* — работать [4, с. 136—140];
- 3) частично ассилированные и обозначающие языковые реалии страны заимствования, например: *Greenpeace* [4, с. 112].

К существующим путям заимствований англоязычных слов можно отнести:

- 1) прямое заимствование без изменения смысла слова, например: *Talkshow, CD-Player, Team, Meeting, Sprint* [4, с. 123—287];

2) терминологические синонимы — существуют наряду с имеющимися в языке названиями, например: *leasing* — *Vermietung*; *marketing* — *die Massnahmen eines Unternehmens*; *consulting* — *der Berater*; *investor* — *der Investitionsträger*; *slang* — *die Umgangssprache*; *user* — *Nutzer* [4, с. 178—294];

3) смешанные образования — сложные слова, в которых одна часть заимствована из английского языка, а другая — из немецкого, например: *Powerfrau* — *Geschäftsfrau*; *Livesendungen* — *Sendungen über das Alltagsleben*; *Reiseboom* — *grosse Reisenachfrage* [4, с. 178—296];

4) использование английских заимствований не в прямом, а в переносном значении, например: *Administration* означает в немецком языке не управленческий аппарат американского президента, а правительство США [4, с. 98];

5) псевдоанглицизмы — заимствования, которые образованы из англоязычных составных частей, но меняют свою семантику в немецком языке, например: *Dressman*, *Oldtimer*, *Shorty*, *Showmaster*, *Twen* [4, с. 135—278];

6) преобразование английских глаголов согласно нормам немецкой грамматики: присоединение инфинитивного окончания *-en*, *-n*, например: *to trade* — *traden*, *to swap* — *swoppen*, *to manage* — *managen* [4, с. 256].

В целом, можно с уверенностью утверждать, что англоязычные вливания составляют фактически костяк всей заимствованной лексики в современном немецком языке. Причем особенно легкоусвоимыми и ассимилированными они представляются в молодежном сленге. Очевидно, что одним из основных каналов, через который движется огромный поток лексических заимствований, являются СМИ.

Список библиографических ссылок

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. Изд. 3-е. М. : Высш. шк., 1986. 268 с.
2. Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. М., 1993. С. 119—153.
3. Слепцова Е. В. Заимствования и их роль в системе современного немецкого языка // Иностранные языки в школе. 2009. № 2. С. 67—70.
4. Duden. Fremdwoerterbuch. Mannheim ; Wien ; Zuerich : Dudenverlag, 1990. 569 s.
5. Ganz P. F. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz. Berlin : Schmidt, 1957. 389 s.

С. Р. НЕДБАЙЛИК

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Россия)

snedbailik@mail.ru

П. Ю. ВОДЕЙГО

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Россия)

А. Д. ГИЛЬДИ

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

À PROPOS DES EMPRUNTS EN FRANCAIS MODERNE

В статье представлен обзор основных особенностей внешних лексических заимствований в современном французском языке с акцентированием внимания как на собственно лингвистические, так и социально-исторические предпосылки этого явления.

Ключевые слова: история, язык, заимствование, слово, происхождение, значение.

Nedbailik Sabina Rudolphovana, Vodeigo Polina Yurievna, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
snedbailik@mail.ru, polina.vodeigo@yandex.ru

Gildi Alexandra Dmitrievna, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
agildi@mail.ru

To the question of borrowings in modern French

This article presents a general review of main particularities of external lexical borrowings in modern French, with accentuation of purely linguistic as well as socio-historical prerequisites of this phenomenon.

Keywords: history, language, borrowing, word, origin, meaning.

Nedbailik S. R., Vodeigo P. Y., Petrozavodsk State University, Pétrozavodsk, Russia
Gildi A. D., Saint-Petersburg State University, Saint Pétersburg, Russia

Sur la question des emprunts en français moderne

Cet article présente la revue générale des particularités principales des emprunts lexicaux extérieurs en Français moderne, avec accentuation des prémisses de ce phénomène, à la fois linguistiques et socio-historiques.

Les mots-clefs: histoire, langue, emprunt, mot, origine, sens.

Il est bien connu qu'en outre des sources internes: sémantiques et de formation des mots, aussi bien que leurs équivalents, le français moderne possède une source extérieure de l'élargissement de son vocabulaire — l'emprunt aux autres langues. Il faut noter que l'acception du terme «emprunt» est très étendue dans plusieurs travaux de linguistique [1; 2; 3]. Le français a toujours fait des emprunts après s'être libéré des caractères essentiels du latin et avoir acquis les traits spécifiques d'une langue particulière. Voilà pourquoi il n'est pas correct du point de vue linguistique et historique de considérer comme les emprunts les mots d'origine celtique, tels que: *bouleau, bec, tonneau*, etc. et germanique, tels que: *jardin, fauteuil, gare*, etc. introduits à l'époque de la formation du français en tant que langue indépendante [3, p. 145—154].

L'emprunt réel se fait à un idiome qui est tout à fait différent de la langue emprunteuse. Donc, il ne faut pas parler des emprunts faits par le français à l'argot ou à d'autres sociolectes, car ce sont les variantes du français commun. Pour cette raison, nous pouvons appeler les «emprunts» seulement les vocables (mots et locutions) et les éléments de mots (sémantiques ou formels) qui ont été acquis par le français aux langues étrangères ainsi qu'aux langues des minorités nationales (basque, breton, flamand) du pays [1]. Il est tout à fait évident qu'on peut emprunter non seulement les mots, mais aussi les significations, les traits morphologiques et syntaxiques. Par exemple, l'acception récente du verbe français *realizer* — ‘concevoir, se rendre compte’ est un emprunt sémantique fait à l'anglais. De la même façon, les unités lexicales: *croissant (de boulanger)* et *lecteur (de l'Université)* sont des emprunts sémantiques de l'allemand. Le mot créature a pris de la langue italienne le sens ‘protégé, favori’ [4]. Sous l'influence de l'anglais les mots *controller* et *responsible* ont reçu le sens de ‘dominer, maîtriser’ (*contrôler ses passions*) et l'unité lexicale *raisonnable* — le sens ‘sérieux’ (*une attitude responsable*). Le mot anglo-américain *undesirable* a pris en français la forme *indésirable*, désignant une

personne qu'on refuse d'accueillir dans un pays [3, p. 115]. Il y a aussi une façon particulière d'emprunter non seulement la signification, mais aussi la «forme interne» de la langue étrangère, ce qui est appelé le calque. Comme exemples on peut citer quelques mots modelés sur l'allemand *Übermensch*; *franc-maçon* et *bas-bleu* reproduisant les formations anglaises *free-mason* et *blue-stockings*; *prêt-à-porter* est aussi un calque de l'anglais; *gratte-ciel* correspond à l'anglo-américain *sky-scraper*. Les locutions: *marée noire*, *plein employ* sont calquées sur des tours anglais *black tide* et *full employment* [4, p. 235—267].

L'étude des emprunts découvre inévitablement le lien existant entre la langue et l'histoire du peuple comme son créateur. En fait, le vocabulaire du français moderne comprend un grand nombre d'emprunts pris aux idiomes étrangers aux époques différentes. Chaque période du développement historique de la langue française est caractérisée par le nombre spécifique des mots empruntés, ce qui peut être expliqué par les conditions socio-politiques concrètes, du caractère des relations entre le peuple français et d'autres groupes ethniques [1]. C'est pourquoi les emprunts présentent un grand intérêt non seulement pour un linguiste, mais aussi pour un historien comme une sorte d'un document historique et culturel [4].

Il arrive assez souvent que l'emprunt puisse prendre dans les pays francophones un sens inconnu ou non employé par les Français eux-mêmes. Par exemple, les canadiens de Quebec emploient le mot *char* (lat.) pour ‘automobile’: *les petits chars* pour ‘tramway’, *pamphlet* (angl.) pour ‘brochure, tract, prospectus’. En Suisse le mot *fanfaron* a le sens de ‘musicien, membre d'une fanfare’, l'unité lexicale *auditoire* (lat.) est employé Belgique et Suisse dans le sens ‘salle de cours’, alors qu'en France ce terme signifie ‘l'ensemble des personnes qui écoutent’ ou ‘l'ensemble des lecteurs’ (d'un ouvrage, d'un journal). Le mot *carrousel* (ital.) signifiant en France ‘variété de parade de cavaliers’ a pris en Belgique et en Suisse le sens ‘manège forain, chevaux de bois’ (cf. en russe *карусель*). Le mot *un cannibal* (esp.) est pour les Français ‘un an-thropophage’ alors qu'en Belgique il a encore le sens de ‘pain de mie grillé garni de viande crue haché et assaisonné’ [3, p. 123—189].

En general, tout ça prouve assez clairement, que les emprunts des variantes ethniques, des langues étrangères pénètrent très activement dans le fonds lexical du français moderne, en formant des groupes et rangs onymiques et synonymiques. En même temps, la revue des sources des emprunts actuelles aussi bien que l'ordre chronologique de leur pénétration massive restent toujours les sujets à discuter.

Список библиографических ссылок

1. *Лопатникова Н. Н.* Лексикология современного французского языка. М. : Высш. шк., 2001. 247 с.
2. *Левит З. Н.* Лексикология французского языка. М., 1993. 135 с.
3. *Giraud P.* Les mots étrangers. Paris : Presses Universitaires de France, 1971. 128 p.
4. *Deroy L.* L'emprunt linguistique. Paris, 1992. 425 p.
5. Le Petit Robert. Paris : Presses Universitaires, 2018. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/fr/>.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

Патроева Н. В.

- ШАХМАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ:
ОБЗОР ИТОГОВ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ФОРУМА 3

Копылов-Шахматов Д. Н.

- ПАМЯТИ ПРАДЕДА — А. А. ШАХМАТОВА (К 160-летию со дня рождения) 11

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ШАХМАТОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Никитин О. В.

- А. А. ШАХМАТОВ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ С Ф. Ф. ФОРТУНАТОВЫМ) 25

Кульпина В. Г.

- НАСЛЕДИЕ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ШАХМАТОВА И СОВРЕМЕННОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВООБРАЗОВАНИЕ 29

Ильченко О. С.

- НАСЛЕДИЕ А. А. ШАХМАТОВА И КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПАДЕЖА 34

Петров А. В.

- СИСТЕМА БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
А. А. ШАХМАТОВА 39

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА, ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Бакланова И. И.

- СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОТРИЦАНИЕМ 44

Галкина Н. П.

- СОЧЕТАЕМОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ В СОСТАВЕ
ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ 49

Чуриков С. А., Лешкова Т. В.

- К ВОПРОСУ О СОЮЗНО-РЕЛЯТИВНЫХ КОМПЛЕКСАХ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 52

Канакина Г. И.

- ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ
(СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ): МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 55

Васильева О. В.

- О КОЛОДЦАХ И КОЛОДЕЗЯХ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI—XVII ВЕКОВ 59

Щербакова Н. Н.

- СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В РУССКОМ ПРОСТОРЕЧИИ XVIII ВЕКА 65

<i>Смирнова Г. Ю.</i>	
УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ДЕВЯТЫЙ» (К ВОПРОСУ О СИСТЕМАХ СЧЕТА И «ПОЛНОМ» ЧИСЛЕ)	69
ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА. ЛИНГВОПОЭТИКА	
<i>Алпатов В. М.</i>	
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ	73
<i>Гребенников А. О., Скребцова Т. Г.</i>	
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТА В РУССКИХ РАССКАЗАХ НАЧАЛА ХХ ВЕКА: ДИНАМИКА ЧАСТОТ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ	78
<i>Закирова Н. Н.</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. Г. КОРОЛЕНКО О ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ А. А. ПОТЕБНИ И А. А. ШАХМАТОВА	82
<i>Мамедов А. А., Давыдова С. А.</i>	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ А. А. БЛОКА	88
<i>Михальчук Н. А.</i>	
ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИРОНИИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920-х гг.	91
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
<i>Краева В. Ю.</i>	
ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	96
<i>Трофимова О. В.</i>	
ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА В СКАЗАХ ТЮМЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА ЕРМАКОВА	100
СЛАВИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА	
<i>Свистунова М. И.</i>	
БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ XVIII ВЕКА	105
<i>Соколов А. А., Цыпкин Э. И., Недбайлик С. Р.</i>	
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	110
<i>Недбайлик С. Р., Водейко П. Ю., Гильди А. Д.</i>	
À PROPOS DES EMPRUNTS EN FRANCAIS MODERNE	113